

ГОСУДАРСТВО ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Кризис старых политических структур в большинстве стран, которые ранее относились к числу социалистических или ориентирующихся на построение социализма, отнюдь не означает, что проблема разнообразия путей перехода к обществу социальной справедливости потеряла свою актуальность. Осмысление как позитивного, так и негативного опыта революционных преобразований, которые в конечном счете выливались в создание примитивных моделей социализма, является одним из условий успешной разработки конкретных программ построения гуманного, демократического социализма.

В.М. Якушук

ГОСУДАРСТВО ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ

- Место государства переходного типа в общественно-историческом процессе
- Предпосылки образования
Формы возникновения.
Основные этапы развития
- Задачи в политической, экономической, социальной, идеологической областях, в сфере национальных и международных отношений. Внутренние и внешние функции
- Формы правления. Формы государственного устройства
Государственные режимы
- Политические системы
переходного типа

В.М.Якушик

ГОСУДАРСТВО ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

(ВОПРОСЫ ТЕОРИИ)

КИЕВ
«ЛЫБИДЬ»
1991

Редактор *И.Г. Царик*

Якушик В. М.

Я49 Государство переходного типа (вопросы теории). — К.: Лыбидь, 1991. — 199 с.
ISBN 5-11-001722-0.

В книге автор, исходя из идеи многовариантности как путей общественно-политического развития в целом, так и путей построения гуманного, демократического социализма, в частности, сосредоточивает свое внимание на осмыслении не только негативных сторон теории и практики революционных преобразований, которые вылились в создание тех или иных неэффективных моделей казарменного социализма, но и позитивных тенденций.

Для тех, кто интересуется проблемами политической организации общества, будет интересна содержащаяся в книге теоретическая разработка вопросов унитарного государства, федерации и конфедерации, соотношения демократического политического режима и авторитаризма.

Для политологов, преподавателей, научных работников, студентов.

Я $\frac{1202000000-041}{M224(04)-91}$ БЗ-22-8-90

ББК 66.017.75

ISBN 5-11-001722-0

С В М. Якушик, 1991

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. МЕСТО ГОСУДАРСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА В ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	9
Проблемы типологии общественного развития	9
Типы государства	34
Социальная природа государства переходного типа	51
Основные разновидности государственной власти переходного типа	58
Особенности государства социалистической ори- ентации	62
Глава 2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗ- ВИТИЯ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА	71
Предпосылки образования	71
Формы возникновения	76
Основные этапы развития	84
Глава 3. ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕ- ХОДНОГО ТИПА	100
Задачи государства в политической, экономической, социальной, идеологической областях, в сфере на- циональных и международных отношений	100
Понятие функций государства и принципы их клас- сификации	105
Внутренние функции	106
Внешние функции	113
Глава 4. ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА	120
Многообразие государственных форм политической власти, переходной к социалистическому типу	120
Формы правления	121
Формы государственного устройства	130
Государственные режимы	138

Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА	147
Понятие и основные элементы политической системы	147
Содержание политических систем переходного типа и особенности их важнейших разновидностей	160
Государство в политической системе переходного типа	169
Политические партии в политической системе переходного типа	174
Общественные организации в политической системе переходного типа	180
Иные элементы политической системы переходного типа	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ	189

ВВЕДЕНИЕ

Революции К. Маркс называл «локомотивами истории». Действительно, они многократно ускоряют темпы исторического развития. Но это ускорение приводит отнюдь не к однозначным последствиям. Восхищенно-романтический и откровенно апологетический подход к оценке революционной практики явно неприемлем для серьезного анализа проблем современного общества.

Революции, как правило, бывают сопряжены с невосполнимыми (порой также неисчислимыми) людскими потерями, с ничем неоправданными разрушениями культурных и иных ценностей, с необдуманной ломкой эффективно функционирующих и сохраняющих свою историческую перспективность многих важных элементов хозяйственного механизма и системы общественного воспроизводства в целом. Революции, воистину, являются не только временем наивысшего подъема духовных и физических сил народа, но и периодами его трагедий, когда «по живому» рвется связь времен, людей и идей.

Как часто в истории под революционными лозунгами народы усиленно толкали в тупики общественного развития, целые страны отбрасывали далеко назад, уводили в сторону с пути социального прогресса. Примеров этому масса. И сегодня, как и прежде, серьезным предупреждением безрассудным горе-романтикам и всем обманутым бессовестными демагогами-властолюбцами, готовыми с легкостью ввергнуть миллионы людей в пучину неизвестности и безысходности, звучат печально-пророческие слова Ф. Энгельса: «Люди, хвалившиеся, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что

Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели»².

Вместе с тем время крутых поворотов в истории требует радикальных, истинно революционных шагов. И именно в такие моменты в жизни того или иного народа (а порой почти одновременно целых регионов мира) у очень многих (и даже может быть у большинства) создается впечатление, что рушатся устои всего общественного здания, пропадает смысл всего того, что было сделано и делается, исчезает вера в те идеалы, которые прежде казались незыблемыми, естественными. Это обычно происходит в периоды смены типа и форм развития, когда старое содержание общественной жизни и внешние формы ее проявления еще окончательно не исчезли, но в глазах большинства уже потеряли свою привлекательность, когда новое общественное устройство еще не проявило себя в достаточно явном виде, не укоренилось, но уже всюду идет трудный процесс становления нового.

В этих условиях реакция различных слоев и групп населения на происходящие изменения бывает разной. Одних охватывает эйфория преобразовательной деятельности. При этом они огульно отрицают практически все, что было сделано позитивного ранее, быстро расставшись со старыми догмами, дают увлечь себя новым догмам, претендующим на роль универсального средства решения всех социальных проблем. Другие стараются постепенно реформировать прежние порядки, сохранив их суть, и оказывают активное сопротивление неизбежному приходу новых общественных отношений. Третьи впадают в политическое уныние — лишившись старых идейных ориентиров, теряют веру в любые доктрины, «уходя в себя», становятся чистыми прагматиками, решают лишь свои личные или узкогрупповые вопросы. Четвертые же выбирают путь взвешенной политики новаторства и преемственности, соединения революционных и эволюционных методов и форм преобразования общества*.

Те представители современного социалистического движения, которые следуют этой четвертой линии поведения, связанной с творческим и свободным от одно-сторонности поиском нового, не могут не задаваться

* Здесь отмечены лишь некоторые из множества образцов социального поведения в условиях назревания и углубления кризиса политических структур.

вопросом: что ценного содержится как в революционном опыте строительства социализма (в том числе и социалистической ориентации в развивающихся странах), так и в опыте эволюционного продвижения к социализму — поэтапной целенаправленной демократизации досоциалистических по своей природе отношений эксплуатации и угнетения, вытеснения их на периферию общественной жизни. И тот, и другой опыт во всей своей полноте — с учетом как позитивных, так и негативных своих составляющих — имеет очень важное значение для современного осмысления идеи освобождения трудящихся, создания общества максимальной социальной справедливости.

Невиданная дискредитация социалистических ценностей представителями левацких (казарменно-коммунистических) и авторитарно-бюрократических течений в социалистическом (и псевдосоциалистическом) движении, а также крушение большинства существовавших до сих пор автократических моделей социализма может лишь на время и только в определенных регионах мира снизить привлекательность социалистических идей. В конечном же итоге, несмотря на переживаемые ныне трудности, движение за социальное освобождение трудящихся не может не выйти окрепшим из кризиса деформированных и выродившихся (дегенерировавших) форм своего институционального воплощения. Идеи, отражающие коренные интересы абсолютного большинства людей, не погибают.

Для сторонников социализма, отказывающихся впадать в ту или иную крайность (левацко-авантюристическую или чисто реформистскую), чужды пораженческие настроения в свете усиливающегося натиска неолиберализма и неоконсерватизма, неприемлемы упования в любых условиях на какую-либо одну тактику (пусть даже самую привлекательную с точки зрения принципов политической демократии)*. Борьба за социализм не может быть искусственно втиснута в заранее установленные рамки, вестись лишь в строго определенных формах. Все многообразие общественной жизни и условий развития различных стран и регионов, особенности конкретных исторических периодов никак не сводятся к какой-либо общей схеме, закрепляющей ряд абстрактных требований.

* Этого не делают и представители других политических течений, противостоящих социалистическому движению.

Хотя, конечно, же, цивилизовывать, гуманизировать используемые формы и методы политической борьбы сторонники социализма обязаны, иначе будет сохраняться опасность перерождения их идейных установок в свою прямую противоположность.

Одна из важнейших задач марксистско-ленинской теории государства и права — осмысление и обобщение общих закономерностей возникновения и развития государства, переходного к социалистическому типу, его сущности и социального назначения, особенностей его различных форм. Данным вопросам и посвящена настоящая работа. При этом основной целью автора является не изложение ряда законченных политологических и государствоведческих концепций, подкрепленных соответствующими примерами из практики, а приглашение читателя к совместному размышлению над сложными проблемами, с которыми сталкивается ныне социалистическое движение, к поиску новых теоретических подходов, а если возможно — то и ответов на важные вопросы политической и правовой науки.

ГЛАВА I

МЕСТО ГОСУДАРСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА В ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Проблемы типологии общественного развития

Наиболее распространенный в советской общественной науке подход к периодизации развития человеческого общества — это выделение ряда сменяющих друг друга способов производства и соответствующих им общественно-экономических формаций, рассматриваемых как ступени исторического прогресса. При этом высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по данным проблемам нередко трактовались крайне одно-сторонне. В частности, утверждалось, что в марксистском учении выделяются пять основных способов производства (общественно-экономических формаций): первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический. А наличие детально проанализированного основоположниками марксизма азиатского способа производства² — первого из пришедших на смену первобытно-общинному — либо игнорировалось, либо объявлялось дискуссионным^{*}.

Главным критерием социального прогресса при данном подходе выступает развитие производительных сил и производственных отношений, которые, взятые вместе, рассматриваются как определяющий фактор жизни общества³. Правда, в ряде случаев встречался отход от такой схемы рассмотрения. Например, при-

^{*} Одна из важнейших причин своеобразного соединения догматических и ревизионистских позиций по отношению к К. Марксу и Ф. Энгельсу в данном вопросе со стороны многих ученых-обществоведов и их идейных наставников из числа политического руководства заключалась в стремлении не допустить серьезного и широкого обсуждения потенциально опасной для существовавшей системы темы — сходных черт азиатского способа производства и «реального социализма», точнее, сталинской и аналогичных ей моделей государственно-монополистического социализма.

менительно к первобытной истории человечества долгое время господствовала введенная в 70-е годы XIX века американским этнографом Л. Г. Морганом и воспроизведенная в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» периодизация, в основе которой лежит критерий уровня развития производительных сил. Учет изменений в производственных отношениях, и прежде всего развития первобытных форм собственности, потребовал существенного пересмотра построенной главным образом на принципе технологического детерминизма периодизации — выделения двух эпох, предшествующих цивилизации, — дикости и варварства, а в рамках каждой из этих двух эпох — трех ступеней: низшей, средней и высшей⁴. Опираясь на новейшие достижения науки, в истории первобытного общества различают три основные эпохи, характеризующиеся спецификой способа производства: праобщина (первобытное человеческое стадо); первобытная (родовая) община, имеющая две стадии — раннепервобытная (раннеродовая) и позднепервобытная (позднеродовая) община; первобытная соседская (протокрестьянская) община⁵.

В оценке природы обществ, возникших в ряде стран после взятия в них политической власти коммунистическими или революционно-демократическими партиями, в советской науке до последнего времени имелись многочисленные отступления от марксистского прогрессистского подхода*. Одним из проявлений этого был отказ в угоду политической конъюнктуре от глубокого анализа противоречий между формальным и реальным обобществлением средств производства, между их огосударствлением и реальным овладением трудящимися ими. Кроме того, марксистская общая схема общественного прогресса примитивизировалась посредством, во-первых, фактического отрицания возможности регрессивной социальной эволюции, а во-вторых, — переноса на эпоху перехода к коммунизму (т. е. эпоху преодоления всех форм отчуждения чело-

* В понятии «прогрессистский» (противопоставляемый «регрессистскому» и «консервационистскому») фиксируется ориентация исследователя или политика на выявление или достижение прогресса. Термин же «прогрессивный» (и соответственно — «регрессивный» и «консервативный») обозначает нашу оценку этой ориентации как способствующей или препятствующей прогрессу (см.: Баталов Э. Я. В мире утопии. М., 1989. С. 50—51).

века) экономических категорий, применимых лишь для анализа предыстории человечества⁶.

Здесь мы затрагиваем имеющую важное теоретическое значение проблему разделения К. Марксом всей истории человечества на три эпохи: 1) предысторию, завершающуюся буржуазной экономической формацией (капитализмом), т. е. эпоху отчуждения, включающую в себя различные варианты первоначальнообщинного и все эксплуататорские способы производства (эту эпоху К. Маркс также именовал «царством естественной необходимости»); 2) эпоху уничтожения частной собственности, т. е. эпоху коммунизма*, характеризующую как продолжение царства необходимости, но в условиях, когда «ассоциированные производители рационально регулируют... свой обмен веществ с природой, ставя его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила»⁷; 3) эпоху «положительного гуманизма»⁸, иначе обозначаемую как «истинное царство свободы», которое «начинается лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью», и «по природе вещей... лежит по ту сторону сферы собственно материального производства».

После довольно длительного периода господства в советском обществоведении догматической и примитивизирующей марксизм (т. е. ревизионистской) трактовки коммунизма как некоего идеального общественного устройства теперь очень часто цитируется следующее высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна соотносываться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»⁹. Однако при этом данному положению нередко придается (в отличие от того, что утверждается) отнюдь не марксистское, а скорее бернштейнианское звучание в духе известного тезиса:

* «...коммунизм... — подчеркивал К. Маркс, — является отрицанием отрицания, таким присвоением человеческой сущности, которое опосредует себя с собой через отрицание частной собственности...» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 135). Анализируя положения работ К. Маркса, С. Платонов выделяет девять сменяющих друг друга коммунистических способов производства (см.: Платонов С. После коммунизма. М, 1989. С. 53—56, 166—217).

«Движение — все, конечная цель — ничто» и истолкование (вслед за традиционным реформистским крылом социал-демократии) социалистического действия (действительного движения) как «асимптотического», т. е. бесконечного и недостижимого, приближения к некоей этической цели¹³. Конечно же, каждый волен избирать для себя любую теоретическую и политическую позицию, но, видимо, не вправе (исходя из соображений этики) заниматься искусственной подгонкой под свои взгляды высказываний мыслителей, являющихся авторитетом для очень многих.

Да, основоположники марксизма понимали коммунизм не как идеал, а как целенаправленную деятельность, охватывающую целую эпоху — эпоху перехода к «положительному гуманизму». «Коммунизм, — писал К. Маркс, — ...является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества»¹⁴. Вместе с тем марксизму свойственно и четкое указание на цель общественного развития. К. Маркс подчеркивал, что вслед за «царством необходимости», «по ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью», и отождествляет это развитие и, соответственно, самоцель с «истинным царством свободы»¹⁵.

На время отвлечемся от марксистской периодизации исторического процесса и отметим, что кроме нее имеется множество других схем, основанных на прогрессистском подходе. При этом они могут существенно отличаться как по избираемым критериям общественного прогресса, так и по выделяемым, исходя из этих критериев, стадиям, этапам, развития.

Аврелий Августин (354—430) — один из идеологов христианской церкви — описал шесть периодов в жизни человечества (от грехопадения Адама и Евы до Страшного суда), представляющие, по его мнению, последовательные стадии реализации божественного плана¹⁶. Прогресс в данном случае определяется степенью возвышения избранной части человечества (искренне верующих) до усвоения божественной мудрости и освобождения от своей греховности.

Для Г. В. Ф. Гегеля (1770—1831) критерием общественного прогресса является рост свободы, харак-

теризующий каждый новый этап самопознания абсолютной идеи. Следует отметить, что этот критерий (с соответствующими уточнениями) был воспринят у Гегеля и основоположниками марксизма, которые, как уже было показано выше, отнюдь не ограничивались лишь анализом изменений в способе производства.

У многих же из тех, кто считал себя марксистами, но к которым в полной мере относятся слова К. Маркса: «Я знаю только одно, что я не марксист»¹⁷, общественный прогресс выступает в виде постоянного триумфального шествия движущих сил «мирового революционного процесса»¹⁸, а по существу — все большей и большей унификации мира на базе псевдомарксистских представлений о социализме. В значительной степени аналогичен данному подход современных либералов-неогегельянцев с той лишь разницей, что достижение высшей точки исторического развития мыслится ими как «триумф идеи либерализма» (прежде всего над якобы потерпевшей окончательный крах идеей коммунизма)¹⁹.

Определенной познавательной ценностью обладают современные либеральные прогрессистские теории, основанные на принципе технологического детерминизма, среди них — концепции «стадий экономического роста» У. Ростоу, «нового индустриального общества» Дж. Гэлбрейта и др. Выделение таких стадий развития, как традиционное общество, переходное общество; общество в фазе решительного скачка; общество на пути к зрелости; общество в век массового потребления²⁰, или же сельскохозяйственного (доиндустриального), индустриального и постиндустриального общества, конечно же, имеет под собой реальную основу. Количественные показатели и конкретная структура процесса производства и потребления являются важнейшими характеристиками любого общества. Уровень развития производительных сил во многом определяет содержание социальной стратификации. Вместе с тем нельзя оставлять без внимания и такой фактор, как существующие (и особенно господствующие) формы собственности. Учета одних лишь технологических моментов явно недостаточно для уяснения природы социального организма.

Имеются также и антипрогрессистские теории общественно-исторического процесса. Так, например, Одна из важнейших составных частей учения Ж.-Ж. Руссо (1712—1778) — идея постоянного упадка

общественных нравов, роста числа всевозможных пороков после окончания «золотого века» (некоего «естественного» состояния). Во многом сходны с руссоистскими методологические основы ряда современных экологических моделей отрицания прогресса²¹. Действительно, за последнее столетие наблюдается беспрецедентная деградация природной среды. Более того, ныне существует опасность ее необратимых изменений с трагическими последствиями для человечества и всего живого на планете. Показатели этого регресса заставляют людей задумываться над разумностью того типа цивилизации, в которой они живут, того типа развития, который им навязан логикой существующих социально-экономических и политических систем.

В общественной жизни одновременно протекает множество процессов — относительно независимых друг от друга, накладывающихся один на другой, взаимопротивостоящих и т. д. На основании одного (пусть даже очень важного) фактора представление о прогрессе или регрессе общества будет неполным, односторонним. Поэтому целесообразно ввести в качестве обобщающего показателя прогрессивности, консервативности или реакционности тех или иных сил (в том числе и политических) прямые и косвенные результаты их воздействия на процессы эволюции — совершенствования, сохранения неизменными или деградации: а) природной (физической и биологической) среды, б) хозяйственной жизни — производственных сил и производственных (технических и экономических) отношений в их связи с отношениями обмена, распределения и потребления, в) культуры, г) политических институтов, д) социально-классовых, межэтнических и иных межгрупповых отношений в обществе (на локальном уровне; в регионе страны; в стране; в регионе мира; в общемировых масштабах)²². Определить результирующий вектор воздействия конкретных сил на общество в целом, т. е. на взятые вместе его основные стороны и компоненты, безусловно, очень трудно. И поэтому чаще всего приходится констатировать, что прогресс в одном отношении является регрессом в другом²³.

С древнейших времен существуют концепции циклического развития общества — его движения по замкнутому кругу с повтором одного и того же набора фаз. Примеры подобного теоретического подхода мы

находим в произведениях древнегреческих историков — в «Истории» Полибия (около 201—около 120 до н. э.) и в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (около 46—около 127). На Востоке, где господствовал гносеологический (познавательный) принцип: «Ничто не ново в этом мире», концепции циклического развития составляли ядро философских и политических доктрин. В современную европейскую культурную традицию через Ф. В. Ницше (1844—1900), О. Шпенглера (1880—1936), Э. Мейера (1855—1930), Ф. Ратцеля (1844—1904), Ф. Гребнера (1877—1934) и, наконец, А. Тойнби (1889—1975) вошло представление об историческом процессе как параллельном существовании различных локальных цивилизаций, каждая из которых проходит стадии зарождения, роста, разложения и гибели²⁴.

Цивилизационный подход при его правильном применении (что, в частности, предполагает установление четких ограничений сферы его действия) является довольно продуктивным как в теоретической работе, так и в осуществлении конкретных политических программ. Он дает возможность помимо прочего зафиксировать, «какое место в иерархии ценностей данного общества занимает напряженный труд, стремление повысить его квалификацию и эффективность, умение и готовность к доступным формам его самоорганизации, бережное, а не расточительное отношение к времени, а также готовность признать неизбежные социальные различия, вытекающие из неравенства трудового участия»; определить «место индивида в системе микросоциальных отношений» и «формы организации и интеграции в масштабе общества»²⁵, а применительно к правовой надстройке — получить «представление об историческом постоянстве национального права независимо от тех модификаций, которые претерпевали нормы»²⁶.

По-видимому, есть все основания утверждать, что каждая цивилизация (или группа родственных цивилизаций) имеет собственный «генетический код»²⁷, который в значительной своей части сохраняется даже при самых сильных социальных потрясениях. После революций некоторое время генотип общества может не проявлять себя открыто, но на том или ином этапе начинает оказывать определяющее воздействие на все важнейшие жизненные процессы в стране или регионе. Поэтому часто приходится констатировать,

что на смену старому «приходит то же самое или почти то же самое, только в новых формах и, возможно, с незначительными потерями для общественного прогресса»²⁸. Понимание этого факта позволяет, во-первых, глубоко продумать, где и как может дать о себе знать «генетический код» данной цивилизации и каковы перспективы (при каких условиях, в каком направлении) его изменения у конкретных этно-культурных общностей; а во-вторых, — определить, как наиболее эффективно — с наибольшим практическим результатом и наименьшими потерями для общества использовать особенности существующей культуры для реализации тех или иных политических и социально-экономических программ.

Одним из косвенных проявлений цивилизационного подхода являются рассуждения о «цивилизованных» и «нецивилизованных» нациях (странах) и призывы равняться на передовые культурные образцы. Однако ценностные ориентиры, представления о том, что является историческим завоеванием цивилизации, а что — проявлением дикости и варварства, у представителей различных политических сил, конкретных локальных культур могут очень существенно отличаться. Друг от друга, даже быть прямо противоположными. Так, для одних образец цивилизации — это современная Западная Европа и Северная Америка, для других — Арабский халифат периода его расцвета, для третьих — это «экологическое общество с нулевым экономическим ростом» и т. д.

Накопленный нашей страной исторический опыт, конечно же, требует критического к себе отношения, исключающего односторонние его интерпретации. В частности, можно по-разному оценивать характер и результаты первой кодификации советского законодательства в начале 20-х годов. Однако любой серьезный исследователь или политик, каких бы взглядов он не придерживался, не может игнорировать высказывания В. И. Ленина по поводу недопустимости линии на «приспособление к Европе»²⁹ положений советского гражданского кодекса. «Не рабское подражание буржуазному гражданскому праву, — писал он, — а ряд ограничений его в духе наших законов, без стеснения хозяйственной или торговой работы»³⁰, «не угодать «Европе», а продвигаться дальше в усилении вмешательства государства в»³¹ «частноправовые отношения», в гражданские дела».

Право нашей страны принадлежало и принадлежит к европейской континентальной семье правовых систем*. Однако если в одних случаях преемственность в праве — свойство всех правовых систем — касается главным образом его технико-юридического содержания (при изменении типа развития), то в других — также и социально-политического содержания (в случае сохранения неизменным типа развития). Оптимальной ориентацией в сфере правовой политики для российских революционеров при разработке и реализации программы переустройства страны должна была стать опора на передовую правовую культуру.

Отношение В. И. Ленина к Европе, т. е. к западноевропейской (и родственной ей североамериканской) цивилизации двойственное. С одной стороны, он подчеркивал более высокие типологические черты ее культуры и хозяйственной жизни по сравнению с «махровыми типами азиатской культуры», господствовавшими или по крайней мере широко распространенными в России, и отмечал большую подготовленность Европы к переходу к социализму. Отсюда и призывы учиться у Европы, и надежда на ее культурную и экономическую помощь³², и вывод о том, что «по сравнению с передовыми странами русским было легче *начать* великую пролетарскую революцию, но им труднее будет *продолжить* ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества»³⁴. С другой же стороны, старая буржуазная Европа (как и Америка) выступала носителем капиталистического типа развития, который является прогрессом по сравнению с феодализмом и «азиатчиной», но, с точки зрения научного социализма, лишь предшествует более прогрессивному коммунистическому типу развития. Поэтому не критическое «равнение на Европу» таило в себе во времена В. И. Ленина опасность создания препятствий для построения социализма. Но вместе с тем отбрасывание ценного опыта европейской цивилизации было одним из факторов, подготавливавших и усиливавших процесс тоталитарного перерождения власти рабочего класса.

В рамках одной цивилизации или группы родственных цивилизаций могут осуществляться попытки

* Типы же общества и культуры Западной Европы и восточной части этого континента в XIX и XX столетиях имели и имеют существенные отличия.

реализации различных типов развития, в том числе и эксперименты по изменению генотипа существующей цивилизации. Для многих же цивилизаций практически изначально характерны разные траектории социальной эволюции. При этом одни варианты развития оказываются более перспективными, другие — менее или вообще лишенными будущего. Так, например, в глубокой (первобытной) древности для абсолютного большинства народов магистральным путем к получению постоянного прибавочного продукта был переход к производящему, а тупиковым — к высоко-специализированному присваивающему хозяйству³⁵. Азиатский способ производства характеризуется замкнутой цикличностью и застойностью протекания всех социальных процессов, в нем стабильность открыто противостоит прогрессу. В то же время античный тип общества * со свойственным ему доминированием частновладельческих отношений (в отличие от классического азиатского общества, где эти отношения, если и существовали, то не были господствующими), «выглядит своеобразной мутацией... со всеми весьма благоприятными следствиями, обычно сопутствующими удачной мутации, превращающими ее в начало нового и более рационального пути»³⁶.

Азиатский, или восточный, тип развития характеризуется этатизмом — огосударствлением многих сфер жизни общества, сильными общинными традициями, отсутствием свободной личности, авторитарным (самодержавным) характером власти и широким использованием ею неправовых форм управления. С теми или иными модификациями он активно проявляет себя в ряде регионов мира и ныне. В то же время от античности через средневековое Возрождение и Реформацию идет к современности европейская традиция либерализма — свободы экономической деятельности гражданина, уважения к творчеству, признания за личностью широкого комплекса прав и свобод, ограничения произвола государственной власти.

Во многих странах в нашу эпоху в той или иной пропорции присутствуют элементы как азиатского, так и либерально-капиталистического типа развития.

* Античный (греко-латинский) мир лишь чисто условно можно объединять с восточным (азиатским) миром в рамках рабовладельческого типа общества. По существу это два различных типа социального развития, две разные общественно-экономические формации.

Однако важным фактором социально-экономической и политической жизни в XX веке стало мощное и отнюдь не однозначное воздействие на общественные процессы попыток перехода к коммунистическому типу развития или заимствования некоторых свойственных ему моментов.

Здесь мы сталкиваемся с необходимостью в наиболее общем плане определить природу ныне существующих обществ и указать основные черты различных типов развития. Прежде всего отметим, что конкретные оценки тех или иных социально-экономических и политических систем зависят не только от сущности этих систем, но и в огромной степени от ценностных ориентации исследователя (ученого или политика), анализирующего данный социальный организм. Так, для одних современная западная цивилизация — это общество либерализма, воплощение божественного разума, венец развития. Для других — это все тот же государственно-монополистический капитализм, возникший много десятилетий назад. Для третьих — это практическая реализация социалистической мечты. Такой подход особенно распространен среди многих из тех, кто, полностью разочаровавшись в «реальном социализме», сохранил некоторые элементы своего бывшего социалистического идеала, но увидел его проявления лишь на Западе. Существуют и другие оценки (в частности, у экологистов, у исламских фундаменталистов и т. д.).

Встречаются крайне противоречивые суждения и по поводу сущности тех социально-экономических и политических систем, которые до недавнего времени в советской литературе было принято именовать «реальным социализмом». По отношению к этим системам сторонники либеральной и социал-реформистской идеологии использовали такие термины, как «Восточные страны», «коллективизированные общества Востока», «Восточный блок с централизованно планируемыми экономиками», «коммунистический Восток», «коммунистический мир», «коммунистический государственный капитализм»³⁷, «постбуржуазная государственная система» и т. п. В то же время многие из тех, кто считает себя марксистами, высказывают примерно следующую точку зрения на сталинские и аналогичные им модели общества: «Можно спорить о том, какое понятие точнее — государственный социализм, казарменный, недемократический или

даже феодальный, но не может быть сомнения, что по ряду существенных признаков речь идет об обществе социалистическом»³⁸.

Здесь мы не будем выяснять степень обоснованности тех или иных характеристик, ибо в данном случае задача наша иная — зафиксировать неоднозначность имеющихся оценок. Отметим лишь, что термин «коммунистический» используется противниками политического учения К. Маркса не столько с целью отождествить структуры определенного общества с марксистским замыслом программы социальных преобразований (это было бы практически безнадежным делом, требовало бы очень серьезных «натяжек» в используемых теоретических схемах), сколько для того, чтобы обозначить факт принадлежности политической власти партиям, объявляющим себя марксистско-ленинскими. С учетом этих особенностей используемой лексики подобная характеристика отнюдь не может считаться неприемлемой. Более того, наличие такого подхода лишний раз подчеркивает необходимость восстановления истинного смысла марковского учения и обращает внимание на мысль, высказанную еще в глубокой древности и с тех пор множество раз различными людьми повторенную: о сущности судят не по словам, а по делам совершаемым. Членство того или иного лица в марксистско-ленинской партии не является достаточным свидетельством его коммунистических убеждений. Само наименование политической организации еще не есть подтверждение ее действительной природы, оно может быть ширмой, маской либо результатом искреннего заблуждения ее членов при идентификации своих взглядов.

Главное же состоит в том, что вряд ли можно признать в достаточной мере обоснованным любой подход, при котором пытаются свести оценку существующих типов общества к какой-либо одной, «единственно правильной» их характеристике. Сложные социальные организмы, помимо того, что находятся в динамике, имеют много разных сторон, рассматривая которые сквозь призму тех или иных способов и методов анализа, мы получаем различные картины реального мира. Ни одна научная теория (не переставая быть таковой) не может претендовать на исчерпывающее освещение изучаемого предмета³⁹. Вместе с тем, как отмечал В. И. Ленин, «всякой научной идеологии... соответствует объективная истина,

абсолютная природа»⁴⁰, что является результатом своеобразной сборки воедино различных проекций объекта исследования, производимой в ходе процесса познания определенной сферы окружающей нас действительности.

Итак, возможны и необходимы разные теоретические подходы — как для того, чтобы развивалось множество направлений науки и таким образом с разных сторон изучались одни и те же предметы, так и для того, чтобы не допустить застоя в обществе, чтобы шла постоянная борьба между различными концепциями его развития и по практическим результатам их соперничества можно было судить об истинном и мнимом прогрессе. Нам же представляются вполне правдоподобными выводы, вытекающие из следующего, на наш взгляд, довольно продуктивного комплексного теоретического подхода, важнейшими компонентами которого являются такие положения:

1. Прогресс человеческого общества не может рассматриваться как постоянный односторонний процесс. Возможны тупиковые ветви развития, застойное движение по замкнутому кругу и регрессивная эволюция.

2. В настоящее время существует три основных типа социального развития: азиатский* (общинно-авторитарный), либеральный (капиталистический) и коммунистический. Каждый из них очень трудно обнаружить в «чистом» виде, а можно наблюдать лишь в том или ином сочетании друг с другом**.

3. В любом обществе существует множество хозяйственных укладов и «чистые» формации практически не встречаются⁴¹. Ленинская теория многоукладности относится не только к экономически слаборазвитым, но и ко всем иным странам современного мира.

4. В истории мировой цивилизации и составляющих ее локальных обществ «можно выделить точки свободы, времена выбора и долгие периоды, когда

* Это название чисто условно и не несет в себе прямого указания на Азию как географическую часть света. Просто исторически так сложилось, что азиатский способ производства был первоначально проанализирован на материале азиатских стран.

** Ценную информацию для размышления дает анализ С. Платоновым различных комбинаций теоретических представлений о свободе и равенстве как основе конструирования разнообразных социальных идеалов (см.: Платонов С. Указ. соч. С. 120).

пространство свободы, непрерывно сужаясь, превращается в едва мерцающее ничто. В этих точках ветвления истории человечество творит, в остальное же время следует — по большей ⁴² части вынужденно — логике уже принятых решений». У каждого типа развития — свой потенциал и особые периоды кризиса, во время которых значительно повышается вероятность не только перехода общества в новую стадию или цикл эволюции, но и смены самого типа развития (причем не обязательно на более прогрессивный) или резкого изменения в сочетании элементов различных типов.

5. Существуют три теоретические формы коммунизма, раскрытые К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Первая, низшая форма — «грубый коммунизм», «движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность». Это — «коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека». В его условиях «всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь *иным* способом удовлетворяет... Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой *общинным* капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» ⁴³.

Вторая, более высокая форма — это коммунизм «еще политического характера, демократический или деспотический; ...с упразднением государства, но в то же время еще незавершенный и все еще находящийся под влиянием частной собственности, т. е. отчуждения человека...» ⁴⁴.

Каждая из этих форм может явиться исходным пунктом для развертывания внутреннего потенциала коммунистического типа развития, но лишь при условии уяснения обществом (и прежде всего его политическим руководством) истинного смысла этого развития и, в частности, сущности частной собственности. И тогда коммунизм имеет возможность превратиться в свою третью форму — «*положительное* упразднение *частной собственности*», «подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека... Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть *действительное* разрешение противоречия между

человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом...» ⁴⁵.

Если же глубокого уяснения сути коммунистического типа развития политическим руководством не происходит и оно оказывается не в состоянии овладеть навыками сознательного научного управления обществом и выработать программу преобразований, соответствующую условиям конкретной социальной общности, то неизбежной становится деградация к «предысторическому» типу развития ⁴⁶, а точнее — падение в пропасть тоталитаризма, худших форм азиатчины. Совершенно справедливо подчеркивает А. Мигранян, что «путь на перераспределение имеющихся благ — это тупиковый путь в грядущее рабство. Очень скоро оказывается, что уже нечего перераспределять. А дальше... террор, репрессии...» ⁴⁷. Грубо-коммунистические шаги на плебейзацию общества ⁴⁸, т. е. на искусственное устранение из общественной жизни верхнего культурного слоя, таят в себе серьезную угрозу для судьбы любой страны.

Опираясь на приведенные выше общетеоретические положения, можно указать следующие признаки коммунистического типа развития: «замена естественного организма отчужденной экономики сознательно планируемым, искусственным хозяйственным механизмом», т. е. переход к искусственно-техническому развитию, базирующемуся на широком комплексе средств и методов социального проектирования ⁴⁹, на эффективно функционирующей системе получения и быстрой практической реализации новых знаний; ориентация на всестороннее развитие личности человека (гуманизм) ⁵⁰ и реализацию идеала социальной справедливости в его цивилизованной форме (т. е. противопоставляемого не только элитарному индивидуалистическому идеалу личной свободы, но и примитивному представлению о равенстве в нищете или в иных, несколько более благоприятных, но также недостойных человека условиях неэффективного функционирования механизмов общественного воспроизводства) посредством органического соединения интересов индивида и общества, обуздания чрезмерного личного и группового эгоизма и одновременно с этим недопущения необоснованного ограничения прав и

свобод граждан и локальных коллективов; сбалансированное развитие общества, тщательный учет интересов как нынешних, так и будущих поколений; ориентация на постепенное уничтожение, т. е. диалектическое преодоление социальных антагонизмов, на создание механизмов мирного (компромиссного) разрешения общественных противоречий.

Социалистическое общество возникает на определенном этапе реализации стратегии коммунистического развития — когда уже нет антагонистических классов, но существует еще потребность в сохранении определенных форм государственного насилия с целью обеспечения эффективного протекания процессов общественного воспроизводства.

От такого социализма (соответствующего научно-коммунистическим представлениям о нем) следует отличать социализм (или псевдосоциализм) как практическое осуществление казарменно-коммунистических и общинно-автократических идей централизованного государственного планирования практически всей хозяйственной деятельности, полного уничтожения или максимального ограничения частной собственности, обеспечения господства государственной собственности, не являющейся объектом демократического контроля со стороны трудящихся. Подобный характер имели не только сталинская или пол-потовская (в Кампучии в 1975—1979 гг.) модели социального устройства, но и некоторые древние общества с азиатским способом производства, в частности царство Шумера и Аккада (в Месопотамии) в период III династии Ура (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) и Птолемеевский (эллинистический) Египет (III—I века до н. э.), на что справедливо обращает внимание ряд советских исследователей³¹. Видный же перуанский теоретик марксизма Х. К- Мариатеги (1895—1930) прямо характеризовал экономику империи инков — Тауантинсуйу накануне вторжения в эту южноамериканскую страну испанских конкистадоров в XVI веке как социалистическую³².

Анализ реального содержания хозяйственного механизма, в том числе и соотношения между различными укладами, дает достаточно оснований для вывода, о том, что сталинская модель общества — это государственно-монополистический социализм³³, совершавший регрессивную эволюцию в сторону возрождения докапиталистической архаичной системы

внеэкономического принуждения, в которой при наиболее одиозных формах ее проявления нашлось место и крепостническому укладу (с колхозным крестьянством, лишенным права перехода в другое хозяйство, а также с закрепощенными антирабочим законодательством рабочими и служащими в промышленности) и даже укладу рабовладельческому (с многомиллионными массами рабов-рабочих и тысячами рабов-ученых ГУЛАГа)³⁴. Эти и большинство других хозяйственных укладов, несмотря на имеющиеся между ними различия формально-юридического характера, объединяются с помощью примитивных бюрократических методов* в огосударствленный сектор экономики. Именно он, как безраздельно господствующий и являющийся ничем иным, как воплощением «всеобщей частной собственности», определяет формационную принадлежность общества, представляющего собой функционирующую в основном или частично на новой технологической базе** современную модификацию азиатского способа производства.

Подобный социально-экономический строй вполне справедливо можно охарактеризовать и как люмпенский или нищенский социализм³⁵ — оценивая уровень жизни народа, и как социализм казарменный — принимая во внимание господство чисто административных способов мелочной регламентации общественной жизни, и как социализм недемократический, негуманный — беря в качестве критерия статус личности в обществе, и как «идеальный» тоталитаризм, при котором полностью (тотально) регламентируются экономическая, политическая, духовная жизнь³⁶. Все это — различные стороны рассматриваемого объекта***. Но

* Необходимо учитывать их отличие от цивилизованных бюрократических методов.

** В принципе не исключена возможность существования такого строя в условиях не только индустриального общества или приближающегося к нему, переходного от традиционного, но и постиндустриального, однако в последнем случае лишь при исключении из арсенала средств и методов государственного управления наиболее примитивных бюрократических приемов.

*** Их перечень при более подробном анализе может и должен быть расширен. В частности, нельзя не отметить антиэкологичность данной (как и типичной капиталистической) модели «научно-технической цивилизации и господства над природой», нередко присущий ей тиранический и узурпаторский характер политической власти, а также широкое использование ею примитивных, социально неэффективных методов бюрократического управления (*Майер Т.* Парадигмы социализма в Европе, история и современность // Коммунист. 1990. № 3. С. 115).

наиболее важная, сущностная его характеристика, на наш взгляд, заключена в несколько условном термине «социализм без научного понятия о социализме». Именно из-за отсутствия у политического руководства и у широких народных масс хорошо продуманной, всесторонне теоретически обоснованной и сверенной с реальностями конкретной обстановки стратегии перехода к коммунистическому типу развития, а также навыков практической государственной работы и вытекают все остальные черты специфического общественного строя, возникающего в ходе или после революции, провозглашающей цель ликвидации всех форм эксплуатации и угнетения.

Имеющаяся практика реализации грубо-коммунистического подхода полностью повторила описанную К. Марксом (приведенную выше) схему примитивного поведения борцов за социальную справедливость. Уже не раз в истории XX века идея уничтожения частной собственности была истолкована «не конструктивно — как определение предмета деятельности, исторического творчества, а деструктивно — как призыв вооруженной силой устранить помещиков и капиталистов. Категория «уничтожение» понята не по-европейски — как снятие, преодоление, овладение, а по-азиатски — как истребление, террор, «красногвардейская атака»...»³⁷. В оценке этого факта очень важное значение имеет следующее ленинское самокритичное высказывание: «...мы больше национализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели *подсчитать*. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без умения правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого умения нельзя*»³⁸.

В вину и упрек искренним революционерам может быть поставлено очень многое, но только не то, что они действовали, исходя из корыстных побуждений. Стремление к личным и групповым привилегиям — это главный побудительный мотив политической активности беспринципных карьеристов-проходимцев, примазавшихся к революции в преддверии или после ее победы. Однако благие намерения, бескорыстие и самопожертвование революционеров, их беззаветная вера в светлое будущее, не подкрепленные научными знаниями и умениями, не способны противостоять естественно разворачивающимся процессам дегумани-

зации экономики и политических отношений, деградации культуры и общественной морали, падения престижа честного труда, деинтеллектуализации общества*, перерождения управленческих кадров, обострения социальной несправедливости**, появления новых форм социального ранжирования и стратификации.

Современные примитивные, деинтеллектуализированные модели социализма («социализма без научного понятия о социализме»), в отличие от традиционных азиатских обществ, с которыми они, как уже отмечалось, имеют ряд сходных черт, не способны к длительному (по меркам всемирной истории) существованию. Причины этого — подрыв многих важнейших элементов культуры (что, в частности, выражается в утрате значительной частью населения навыков напряженного и более или менее квалифицированного труда в своей профессиональной сфере), создание иррационального хозяйственного механизма, постепенно и безвозвратно перемалывающего все основные ресурсы общества и высасывающего из него все жизненные силы***, а также невозможность в нынешнюю эпоху практически полностью изолированного от внешнего мира существования ни одной страны в силу необходимости приобщения к передовой технологии, в том числе и в области вооружений. Стабильности в сфере хозяйственной жизни и экологии в

* В таких условиях «простое описание действительных общественных взаимоотношений или даже фактов жизни» часто становится «преступлением, преследуемым карательными органами» (Рейман М. Указ. соч. С. 128).

** А. В. Кива в связи с этим приводит такой показательный пример: «...при одной и той же интенсивности труда и прочих равных условиях рабочий на капиталистическом предприятии получает в три — четыре раза больше рабочего, занятого на социалистическом предприятии, а капиталист вместе с управленческим персоналом, в свою очередь, расходует на личное потребление в 2—3 раза меньше, чем персонал, так или иначе руководящий социалистическим предприятием» (Кива А. В. Указ. соч. С. 256—257). Это отчасти может быть свидетельством несправедливости международного разделения труда, необходимости всемерной мобилизации имеющихся в стране ресурсов (в том числе и трудовых), но также и социальной неэффективности и несправедливости существующего строя.

*** Естественные механизмы общественного самовоспроизводства оказываются «отключенными», а бездарно функционирующий механизм централизованного государственного регулирования социальных процессов создает для народа все новые и новые трудности, одно из проявлений которых — различного рода дефициты.

условиях современных моделей примитивного социализма в отличие от большинства традиционных азиатских обществ обычно нет. Но и тем, и другим свойственно застойное или цикличное политическое развитие.

Судьба общества примитивного социализма в самом общем плане может быть сведена к следующим сценариям: а) социальный коллапс, длительная самоизоляция страны, усиление процессов деградации; б) частичное реформирование, модернизация системы в результате либо социального взрыва, либо «революции сверху»; в) коренное изменение существующего строя как итог реализации комплекса глубоких реформ, проводимых «сверху» при поддержке или по крайней мере нейтральном отношении низов; г) крах системы под воздействием извне или вследствие народной революции. При этом четко выделяются четыре основные стратегии общественных преобразований: стабилизация существующего строя; введение несколько более совершенных, но все же, как и прежде, примитивных форм социализма; постепенный или резкий переход к либеральному типу развития; переход к коммунистическому типу развития.

Что же касается тех стран, которые в советской литературе обычно именуют капиталистическими, то представляется вполне убедительной следующая позиция Ю. А. Красина: «По ряду показателей развитие капиталистические страны ближе к модели зрелого социализма, чем социалистические, которые только ставят перед собой задачу выйти... на тот виток спирали технологического прогресса, на котором уже находится развитой капитализм. Конечно, нельзя сказать, что в нем утвердился социализм, но появляется все больше таких черт и характеристик, которые не отвечают признакам классического буржуазного общества. Помимо воли и желания правящих классов, оно втягивается в иную систему отношений, эволюционирующую в социалистическом направлении»³⁹.

Подчеркивая отличия существующего в настоящее время в развитых странах Запада общественно-экономического строя от классического (домонополистического) и государственно-монополистического капитализма, В. Криворотое называет этот строй «неокапитализмом»⁶⁰, а С. Платонов и С. Чернышев — «элитаризмом». Основанием для такого вывода служит, во-первых, тот факт, что в этих странах как на макро-, так и на микроуровнях (в общегосударствен-

ном, региональном и локальном масштабах) осуществляется сознательное, научно обоснованное регулирование хозяйственной и иных сфер жизни общества, и таким образом обеспечивается его искусственно-техническое развитие, учитывающее требования, накладываемые параллельно протекающими естественными процессами, свойственными для либерального (т. е. связанного с существованием более или менее свободного рынка) типа развития. Достаточно эффективно функционируют механизмы разрешения противоречий рыночного хозяйства и, в частности, преодоления анархии производства.

Во-вторых, для развитых стран Запада, как справедливо отмечает В. Криворотов, характерно стимулирование потребления и обеспечение высокого уровня жизни широких масс населения, а нередко — даже практически полное возвращение прибавочного продукта производителю*. При этом увеличение потребления в свою очередь содействует развитию производства за счет ускорения оборота⁶¹. Создаются материальные, а также институциональные и правовые гарантии развития творческих способностей личности, быстрого и качественного удовлетворения разнообразных потребностей человека, освобождения его от рутины множества бытовых забот. Гуманизируются условия трудовой деятельности. Поощряется повышение квалификации работников, получение ими новых знаний и навыков. На высоком уровне поддерживается культура межличностных отношений.

В-третьих, широкое развитие получает система социального обеспечения — выплаты различных пособий, содержание за общественный счет доступных для всех слоев населения эффективно функционирующих учреждений здравоохранения, народного образования, коммунальных и иных служб. Большое внимание уделяется охране природы, эстетическому оформлению и гуманизации (приближению к потребностям человека) окружающей среды.

В-четвертых, действуют механизмы компромиссного разрешения социальных конфликтов, что несколько сглаживает, притупляет существующие в обществе антагонизмы.

* Данное положение нельзя абсолютизировать. Здесь требуется глубокий анализ различных вариантов распределения прибавочного продукта в условиях современного рыночного хозяйства.

И наконец, в-пятых, в развитых странах Запада сделан очень важный шаг в сторону преодоления («снятия») частной собственности, экспроприации капиталистов, правда, не совсем по Марксу, ибо «субъект такой экспроприации иной: вместо диктатуры пролетариата — власть финансовой элиты. Перед лицом смертельной внешней и внутренней угрозы она вынуждена сплачиваться, сбрасывать классическую форму борьбы каждого против всех и в антикризисных целях централизовать управление воспроизводством совокупного капитала»⁶². Элитаризм — это многоукладное общество с господствующим (в том числе и над капиталистическим) элитаристическим укладом. Его представителем и выступает «финансовая элита, которая, реализуя научное понимание части объективных закономерностей общественного развития, используя развитые методы и средства планового руководства, опираясь при необходимости на механизмы тайной власти, шаг за шагом ограничивает сферу «анархии общественного производства» и постепенно овладевает системой общественных отношений,⁶³ преобразуя их в интересах правящего меньшинства».

Элитаризм (неокапитализм) — более прогрессивный, чем классический или государственно-монополистический капитализм, строй. Его нельзя назвать «загнивающим», так как он создает широкие возможности для дальнейшего развития производительных (в том числе и духовных) сил общества, для совершенствования общественных отношений, даже для их гуманизации и экологизации. Вместе с тем это — эксплуататорский строй, экономическое могущество которого «основано на эксплуатации «третьего мира», а также — в меньшей степени — трудящихся собственных стран»; для него характерен «переход от частной собственности к корпоративно-элитаристической», а не «к собственности всего общества», как при социализме и коммунизме⁶⁴.

В условиях элитаризма в том или ином соотношении соединяются элементы либерального и коммунистического типа развития. Такой их симбиоз может продолжаться очень долго, ибо данный строй имеет немалый внутренний потенциал. Однако элитаризм таит в себе и серьезные угрозы для цивилизации, среди которых примитивизация массовой культуры, неконтролируемые или слабо поддающиеся контролю проявления гегемонизма, экономического, идеологиче-

ского и иных форм экспансионизма, нарушающего законные права и интересы многих стран и народов.

В настоящее время существует значительное число моделей неокапитализма (элитаризма). США во многом не похожи на Францию или Италию, тем более на Швецию или Австралию, но все они — наиболее показательные примеры стран с соединением компонентов указанных двух типов развития. В ряде же стран с рыночной экономикой (в том числе и довольно высокоразвитых) к этому добавляются также существенные элементы азиатского (восточного) типа развития.

Принимая во внимание не только трансформацию, которую претерпел в XX веке капитализм, но и огромное разнообразие современного мира, вряд ли можно признать достаточно точным однозначное высказывание С. Чернышева и С. Платонова, о том, что «капитализм давно уже погиб»⁶⁵. Во-первых, сам С. Платонов отмечает, что элитаристическое общество «является сложным многоукладным социальным организмом, в котором развитый капиталистический уклад продолжает существовать, но уже не является при этом господствующим»⁶⁶, и следовательно, капитализм — налицо. А во-вторых, на периферии мирового хозяйства сохраняются зависимые от иностранного элитаризма (прежде всего от транснациональных корпораций и крупнейших банков) типично капиталистические или приближающиеся к ним по своим важнейшим признакам общества. Подобный многоукладный строй с господством капиталистического сектора экономики, вполне вероятно, в ближайшее время может возникнуть в целой группе стран, претерпевающих специфическую социально деформированную (по нынешним, ориентированным на европейскую цивилизацию меркам) модернизацию традиционных докапиталистических в своей основе структур, в том числе и такую трансформацию, которая характеризуется заменой казарменно-коммунистических институтов и процедур на качественно новые. Это может произойти в том случае, если рассматриваемые общества окажутся не способными в силу ряда причин не только изменить тип развития на коммунистический, но и даже перейти к той или иной модели элитаризма (неокапитализма).

Учитывая все сказанное выше по поводу примитивных моделей социализма и грубо-коммунистического

идеала, можно согласиться с А. В. Кивой, что «нет объективных доказательств в пользу того, что существующий социализм является более высокой степенью общественного развития по сравнению с капитализмом»⁶⁷ (тем более неокapитализмом). Однако осуществленные на практике зрелые модели цивилизованного, гуманного социализма, воплощающие в себе стратегию реализации коммунистического типа развития, по основным критериям социального прогресса, несомненно, будут стоять значительно выше, чем любые из существующих ныне обществ. На подтверждение этого конкретными делами по социальному переустройству, гуманизации своих стран и мира в целом должны быть направлены усилия сторонников научного социализма.

Получившие же довольно широкое распространение (в настоящее время и в СССР) утверждения, что преобладающие «тенденции развития существующего социализма ставят под сомнение реалистичность коммунистического идеала»⁶⁸, оставим на совести авторов подобных высказываний. Порочная практика примитивистских интерпретаций философии и политической теории марксизма, а также использования для идеологического обоснования исторически бесперспективных (при этом часто не только крайне болезненных, но и антигуманных) крупномасштабных социальных экспериментов отдельных, вырванных из общего контекста положений научного коммунизма не есть доказательство несостоятельности самой доктрины, демократической и гуманистической по своей сути и закладывающей программу эффективного, сбалансированного развития человеческого общества на длительную перспективу. Футурологические и иные политические теории проверяются на реализуемость не в словесных баталиях, тем более не в навешивании друг на друга различных ярлыков, а в длительной, кропотливой работе по претворению в жизнь основных идей этих концепций при обязательной их корректировке в результате сопоставления с новыми фактами и более глубокого познания законов общественного развития. Ответ на вопрос о степени реалистичности марксистского учения о ликвидации всех форм отчуждения человека предстоит дать истории.

В то время, когда многочисленные успехи элитаризма в экономической, социальной и других сферах во многом так или иначе связаны с воздействием,

оказанным на капитализм со стороны стран, в которых совершились пролетарские революции, а также международного рабочего движения⁶⁹, общества, поставившие задачу уничтожения частной собственности, по существу к реализации этой задачи все еще не приступали и десятилетиями топчутся «вдоль границы переходного периода и коммунистической эпохи, поскольку невозможно⁷⁰ на ощупь, вслепую вступить в новый тип развития».

Современному миру, находящемуся на этапе коренных изменений в соотношении сил между различными классами и социальными группами, а также государствами и их союзами, предстоит длительное соперничество между сторонниками двух качественно отличающихся друг от друга типов развития — коммунистического и либерально-элитаристического. Кроме того, отнюдь не исключена возможность временного усиления влияния в отдельных регионах социально консервативных и даже регрессивных идей — религиозного фундаментализма, традиционных авторитарно-общинных концепций и во многом сходных с ними по своему объективному содержанию теорий казарменного социализма. Соперничество социальных идеалов и программ общественного развития неизбежно. Учитывая же крайнюю опасность для человеческой цивилизации в нынешних условиях разрешения существующих конфликтов военными или иными насильственными средствами, перед всеми здравомыслящими людьми встает задача добиваться, чтобы велась лишь «честная борьба идеологий», в ходе которой «каждый доказывает преимущества своего строя, своего образа жизни, своих ценностей — но не только словом и пропагандой, а реальными делами»⁷¹. Это дает возможность предотвратить угрозу самоуничтожения человечества в ракетно-ядерной, химической и бактериологической войне, избежать кровавых и разрушительных конфликтов национального и регионального масштаба, откроет простор для всемерного духовного обогащения и повышения уровня благосостояния различных народов, позволит посредством разумных компромиссов находить выходы из любых трудных ситуаций и таким образом успешно продвигаться по пути социального прогресса.

Типы государства

В мировой юридической и политической литературе используются различные типологии государств. И в целом может быть предложено практически неограниченное число таких типологий, учитывая, что для создания новой классификации достаточно выделения как минимум одной пары противоположных черт государства, рассматриваемых в качестве главных, сущностных. Остальные же характеристики государства будут выступать как обуславливающие специфику его форм в рамках каждого из типов.

Понятие «тип государства» в советской юридической литературе обычно определяется как совокупность важнейших признаков государств, соответствующих одинаковому экономическому базису и имеющих сходную классовую природу. То есть двумя основными критериями классификаций в данном случае объявляются: характер экономического базиса и субъект осуществления государственной власти. При этом, как правило, приходится сталкиваться с отождествлением типа государства с тем или иным типом общества. Такой подход вполне допустим и выполняет определенные познавательные функции. Однако им нельзя ограничиваться, ибо многие важные сущностные признаки целого ряда разновидностей государств не могут быть в полной мере раскрыты посредством анализа особенностей традиционно выделяемых форм (правления, государственного устройства, государственного режима) внутри каждого исторического типа государства.

Выше уже отмечалась свойственная до недавнего времени нашей отечественной науке упрощенная трактовка проблем типологии общественного развития. Применительно к классификации государств это выражалось в закреплении жесткой схемы — деления всех государств на рабовладельческие*, феодальные, буржуазные и социалистические, а также на переходные к буржуазному типу (государства капиталистической ориентации) и переходные к социалистическому типу (государства социалистической ориентации). Отметим некоторые основные недостатки данного подхода.

* Разграничение типа государства, соответствующего азиатскому способу производства, и античного типа в советской юридической литературе чаще всего не проводится.

Социализм фактически рассматривался как антикапитализм, что служило ложной теоретической основой для отождествления прогрессивных и регрессивных (примитивных) моделей социализма, а также для некорректных истолкований сущности коммунистической формации. «Коммунизм, — справедливо отмечает С. Платонов, — как по своему содержанию, так и по масштабам решаемой задачи — соизмерим отнюдь не с капитализмом, а только со всей предшествующей историей»⁷². Признание же возможности регрессивной социальной эволюции нельзя ограничивать лишь случаями совершаемых реакционными слоями эксплуататорских классов контрреволюционных переворотов.

Главными критериями социалистичности государства по существу считались официально декларируемый марксистско-ленинский характер правящей партии и признание ее таковой со стороны других аналогичных партий, а также наличие определенных гарантий (внутренних и внешних) стабильности существующего режима. Волонтаризм такого подхода в наиболее явной форме проявился, например, в том, что из двух наименее развитых стран Юго-Восточной Азии Лаос (с правящей марксистско-ленинской партией и относительно стабильной политической ситуацией) во второй половине 70-х годов был отнесен к числу социалистических государств, а Кампучия, где с 1979 г. у власти находилась такая же партия, но обстановка не отличалась устойчивостью, зачислялась в группу стран социалистической ориентации.

Использование для научного анализа указанных довольно ненадежных типологических характеристик, а наряду с ними в качестве дополнительного критерия оценки социальной природы государства ошибочного показателя социалистичности общества — степени огосударствления (выдаваемого за реальное обобществление) народного хозяйства без учета уровня развития производительных сил и действительного характера производственных отношений — приводило к тому, что очень часто оказывалось невозможным более или менее четкое разграничение народно-демократического и социалистического этапов в развитии тех или иных государств. В частности, это относится к Вьетнаму, Китаю, Северной Корее, Кубе. Кроме того, исходя из данных критериев, применительно к 80-м годам трудно выявить сколько-нибудь серьезное от-

личие сущности перечисленных государств и, например, Южного Йемена, Эфиопии, Анголы, Мозамбика (государств социалистической ориентации).

Советской юридической науке в течение многих десятилетий было свойственно отождествление понятия «социализм в известном смысле»³ (характеризующего начальный этап переходного периода от эксплуататорского строя к первой фазе коммунизма) с собственно социализмом как реальным шагом на пути коммунистического развития и соответственно неоправданное смещение признаков государства переходного периода и государства социалистического.

Государства, декларировавшие ориентацию на построение социализма, практически всегда рассматривались как относящиеся к более высокому (передовому) историческому типу, чем те, которые определялись как буржуазные, капиталистические*, или по крайней мере, чем государства капиталистической ориентации. При этом часто закрывались глаза на реальное содержание институционализированных в форме независимых государств с якобы антиимпериалистическими режимами «регрессивных общественных движений под социалистическими лозунгами»⁴ (одним из немногих исключений, да и то не сразу, стала однозначно негативная оценка кровавого пол-потовского правления в Кампучии в 1975—1979 гг.). И наоборот, игнорировался объективно прогрессивный характер целого ряда режимов, ориентировавшихся на эффективное (и в качестве такового скорее всего единственно возможное для них в конкретных исторических условиях) зависимое от международного неокapитализма, от транснациональных корпораций ускоренное социально-экономическое и культурное развитие.

Нередки были ошибки фактического характера при отнесении тех или иных (в частности, новых индустриальных) стран к числу буржуазных государств или стран капиталистической ориентации. И уж совсем неопределенная ситуация складывалась при попытках, опираясь на фактически официальную типологию государств, разъяснить классовую природу режимов, провозглашающих своеобразный «третий»

* Одним из проявлений этого является апологетическая по отношению к «реальному социализму» классификация типов законности (см.: *Алексеев С. С.* Общая теория права: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 222).

(например, «исламский») путь развития — прежде всего Ливии и Ирана. Искусственная подгонка под существующую жесткую схему здесь оказывалась не очень продуктивной. Помимо этого, настоятельно необходимым был не получавший должного отражения в советских юридических исследованиях учет различных сторон специфики государственных институтов таких стран «смешанного» типа развития, как Кузейт, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и другие нефтедобывающие монархии района Персидского залива.

Рассматривая экономически слаборазвитые страны* капиталистической и социалистической ориентации, многие исследователи значительные усилия затрачивали на поиск различий между ними там, где этих различий нет или где они крайне незначительны — в соотношении между основными хозяйственными укладами и в классовом составе органов политической власти. Как та, так и другая группа стран имеет в целом сходную структуру многоукладного хозяйства; во главе государства, как правило, стоит гражданская или военная интеллигенция. Главные же отличия заключаются именно в политической ориентации, в выборе разных социальных идеалов и программ развития. Для того чтобы соответствующая специфика надстроечных структур отразилась на важнейших сферах жизни общества, требуется определенное, порой довольно продолжительное время.

Прежде чем предложить свою дефиницию типа государства и собственную типологию современных государств, еще раз подчеркнем, что в познавательных целях могут применяться разнообразные, не исключающие друг друга классификации, каждая из которых раскрывает ту или иную сторону изучаемого объекта (в данном случае — государства). При этом некоторые типологии могут быть менее удачными, чем другие не столько вследствие выбора различных критериев, сколько из-за необоснованных отступлений от

* Термин «слаборазвитые» (в социально-экономическом и культурном отношении) страны намного точнее часто используемого термина «развивающиеся». Во-первых, во многих слаборазвитых странах никакого позитивного развития фактически не наблюдается, нередко для них даже характерен явный регресс в важнейших областях жизни общества. Во-вторых, наиболее динамично развивающимися являются как раз страны развитые, т. е. постиндустриальные и индустриальные.

связанной с этим выбором логики рассуждений или недостаточной глубины проникновения в суть общественных явлений (при чисто поверхностном анализе).

Используя разные основания для построения типологий политических институтов, отметим следующие типы государств:

эксплуататорские и неэксплуататорские, а также имеющие тенденцию к превращению в неэксплуататорские;

способствующие сохранению своей относительной автономии от общества; подавляющие и фактически поглощающие все общество*; обеспечивающие постепенное превращение общества в «субъект по отношению к самому себе», т. е. стимулирующие трансформацию всех государственных институтов из стоящих над обществом в общественные**;

гарантирующие господство частной собственности (в индивидуальной или коллективной форме) либо же государственной собственности, а также содействующие процессу постепенного реального обобществления, т. е. уничтожения частной собственности;

прогрессивные, консервативные, реакционные (оцениваемые так в зависимости от конкретных исторических условий и исходя из различных критериев);

обеспечивающие всестороннюю гуманизацию общественных отношений (включая в это понятие их интеллектуализацию, экологизацию, сбалансированное развитие производительных сил и всего механизма общественного воспроизводства); содействующие успешному развитию отдельных сфер жизни общества (либо сохранению в них стабильного положения) при деградации других сфер либо искусственном тормо-

жении социального прогресса*; вызывающие своей деятельностью углубление регрессивных кризисных процессов во всех основных областях жизни общества (внутри страны и в мире в целом);

реализующие стратегию ускоренного развития общества и максимальной мобилизации его ресурсов; способствующие размеренному эволюционному развитию без особого перенапряжения сил; гарантирующие преимущественно сохранение стабильности;

базирующиеся на принципе децентрализации и регионализации власти либо же ее централизации, которая в крайних своих проявлениях приводит к лишению периферии внутренних стимулов саморазвития;

воплощающие в жизнь стратегию в основном самостоятельного или зависимого развития⁷⁶ в качестве второстепенной или по крайней мере не центральной части некоего надгосударственного образования;

обеспечивающие открытость общества внешнему миру или его замкнутость;

провозглашающие официальную идеологию или объявляющие себя идеологически нейтральными;

признающие или не признающие принцип ротации, т. е. возможности периодической сменяемости стоящих у власти политических сил;

ориентирующиеся на конфронтационную модель разрешения социальных конфликтов или на создание и обеспечение эффективного функционирования механизма их урегулирования путем компромиссов;

обеспечивающие преимущественно осуществление общесоциальных функций (функций «общих дел») или защиту эгоистических интересов властвующей элиты**;

* Данные два типа можно объединить в один — «этакратию», используя условный и не во всем удачный, но имеющий определенную научную ценность термин, введенный М. А. Чешковым (см.: *Четкое М. А.* Концепция бюрократии: необходимость и возможность переформулировки // Рабочий класс и современ. мир. 1988. № 5 С. 185—196).

** Государство, ставящее перед собой цель постепенного полного растворения в обществе (что является прямой противоположностью тоталитарному господству) и уничтожения всех форм эксплуатации и угнетения и, конечно же, реализующее соответствующую программу преобразований, В. И. Ленин называл «уже не государством в собственном смысле слова» (см.: *Ленин В. И.* Государство и революция. С. 90, 102).

* Подобной может быть, например, роль эко-тоталитаризма (тоталитаризма «зеленого» фундаментализма), выдвигающего лозунг «экология любой ценой» (см.: *Соколов М.* Эффект воронки. Возможен ли «зеленый» тоталитаризм? // Век XX и мир. 1989. № 10. С. 22—25).

** Древнегреческий философ Аристотель (384—322 до н. э.) различал правильные формы государства, в которых правители отстаивают общую пользу, и неправильные, в которых властвующие защищают только свое личное благо (см.: *История политических и правовых учений: Древний мир.* М., 1985. С. 254). Фактически здесь мы сталкиваемся с одной из первых типологий государства, ибо различные его формы объединяются в два основных типа, хотя термин «тип» при этом и не используется.

Что же касается применения данного термина, то даже у В. И. Ленина встречается отождествление категорий «форма»

правовые, т. е. с режимом конституционной законности, и неправовые в двух их противоположных разновидностях — с режимом беззакония и с режимом революционной законности;

легитимные, т. е. законные с точки зрения международного права или господствующих в мире либо в конкретном регионе представлений о «естественном праве», и нелегитимные*, но существующие де-факто;

демократические и автократические**;
агрессивные и миролюбивые;

сохраняющие неизменным тип общественного развития; изменяющие его в одном из двух основных направлений — прогрессивном (это государства революционные по содержанию своих функций, но не обязательно по способам их осуществления) или регрессивном (контрреволюционные государства), а также (в случае третьего варианта изменения типа развития) проводящие исторически бесперспективный эксперимент насильственного навязывания обществу типовой эволюции (подобное государство обычно соединяет в себе черты как революционного — уничтожающего устаревшее, отжившее, так и контрреволюционного — разрушающего прогрессивное, и поэтому его оценка не может быть сведена к его отождествлению с каким-либо из указанных «чистых» типов);

реализующие стратегию: а) азиатского (восточного), б) либерального, в) коммунистического либо г) того или иного комбинированного типа развития.

При построении собственной типологии, государств

и «тип» государства (см.: Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Поли. собр. соч. Т. 37. С. 246).

* Для детальной разработки такой типологии государств большое значение имеет критическое осмысление множества выдвинутых еще со времен глубокой древности, например древнегреческим философом Платоном (428 или 427 — 348 или 347 до н. э.), концепций легитимности власти. При этом очень важно различать, во-первых, понятия «законность» как режим, система способов осуществления власти и «легитимность» как соответствие существующей власти определенным авторитетным социальным нормам, правосознанию. Во-вторых, не следует смешивать внутренние (с точки зрения населения той или иной страны) и международные (как проявление официальных позиций других государств или международного сообщества в целом) аспекты легитимности государственной власти.

** Рассмотрение демократии и автократии как типов, а не форм государства характерно, в частности, для многих циклических (т. е. непрогрессистских) теорий общественно-исторического процесса, но не только для них.

каждый исследователь исходит из конкретных познавательных или иных практических целей (например, пропагандистских) и в зависимости от этих целей выбирает определенное основание разделения государств на типы (а затем уже на виды, формы внутри каждого из типов), которое наиболее рельефно в духе созданной концепции подчеркивало бы как общие признаки, так и специфику рассматриваемых объектов.

Автором данной работы при выделении тех или иных типов государства ставится задача уяснения особенностей реализуемых государственной властью (или по крайней мере с ее помощью) программ общественного развития. При этом принимается во внимание, во-первых, тот факт, что в рамках одного и того же типа общества (оцениваемого с точки зрения господствующего способа производства) могут существовать коренным образом отличающиеся друг от друга политические надстройки (достаточно сравнить институты власти России в самом начале 1917 г., в его середине и в конце), а во-вторых, что один и тот же государственный механизм — нередко практический с тем же самым, что и прежде, персональным составом не только простых функционеров, но и высшего политического руководства — может проводить в жизнь совершенно разные политические линии, т. е. содействовать осуществлению различных стратегий общественного развития.

Исходя из этого, *под типом государства* в дальнейшем в данной работе понимается следующая важнейшая характеристика существующей в то или иное время на конкретной территории (в стране или регионе) власти — *средством реализации какой программы (стратегии) общественного развития служит государственный механизм* (его аппарат, процедуры и т. д.), причем с учетом не столько декларируемых (искренних субъективных или используемых для маскировки) целей, а прежде всего — реального содержания политики государства, его истинной роли в обществе.

Следуя марксистской прогрессистской схеме общественно-исторического процесса и не претендуя при этом на подробную классификацию существовавших в различные эпохи государств (это задача отдельного исследования), представляется возможным выделить следующие основные исторические или классовые типы современных государств:

1. Неокапиталистические, т. е. осуществляющие основанную на соединении элементов либерального (капиталистического) и коммунистического типов развития неокапиталистическую стратегию, которая имеет много разновидностей, зависящих в том числе и от того, какова существующая хозяйственная база для проведения соответствующих общественных преобразований: а) неокапитализм, б) капитализм, в) в основном или в значительной мере традиционные докапиталистические структуры, г) казарменный социализм. Если использовать чаще всего употребляемую в советской литературе терминологию, то это — высоко-развитые и некоторые среднеразвитые капиталистические страны, часть государств капиталистической ориентации, а также ряд бывших стран «реального социализма».

2. Капиталистические (буржуазные) государства, т. е. реализующие либерально-капиталистический тип развития в чистом виде (без создания широкой сети государственных служб социального обеспечения и иных аналогичных ведомств для эффективного ведения «общих дел»). Это — страны со средним уровнем развития капитализма и большинство государств капиталистической ориентации, некоторые бывшие страны «социалистического выбора».

3. Государства докапиталистических (добуржуазных) типов, т. е. с преобладанием в их деятельности застойной динамики воспроизводства феодальных отношений или порядков, свойственных традиционному азиатскому способу производства, в том числе (как, например, в некоторых регионах Океании) типичных родо-племенных отношений. Эти государства иногда без достаточных на то оснований относят к числу стран капиталистической ориентации или неопределившихся в выборе пути развития.

4. Казарменно-социалистические государства с преобладанием модифицированного и модернизированного азиатского способа производства. Это — страны «реального социализма» или социалистической ориентации со сталинистскими или неосталинистскими моделями организации власти.

5. Государства, реализующие ту или иную разновидность смешанного типа развития, соединяющего в себе элементы неокапиталистического и традиционного азиатского, а иногда также казарменно-коммунистического типа. Это прежде всего некоторые из так

называемых государств «третьего» (в частности «исламского») пути. Содержание их деятельности в зависимости от конкретного соотношения указанных элементов может сводиться к стимулированию как относительно прогрессивной (по крайней мере в определенных сферах), так и регрессивной социальной эволюции.

6. Государства, целенаправленно осуществляющие задачи создания необходимых предпосылок для перехода к коммунистическому типу развития. Это — революционно-демократические и пролетарские государства. При этом следует учитывать, что как те, так и другие могут быть «с бюрократическим извращением»⁷⁸. Однако наличие подобного извращения не обязательно означает скатывание к «предысторическому» типу развития. Такая регрессивная социальная эволюция происходит в том случае, когда примитивные бюрократические методы начинают доминировать во всей деятельности государства.

7. Социалистические государства, реализующие коммунистическую стратегию общественного развития. Используя термин «социализм» в его основном марксистском значении, приходится констатировать, что таких государств еще нет, а есть лишь «социализм в известном смысле»⁷⁸ (о чем уже говорилось выше).

Итак, можно сказать, что существует ряд основных и смешанных (неосновных) исторических типов государств. Кроме того, следует особо выделять государства переходных типов — таких, в условиях которых ставится задача либо коренного изменения типа развития, либо связанного с проведением глубоких преобразований в социально-экономических структурах перехода к качественно новому этапу в рамках единого (в самых главных своих чертах) типа развития.

Целесообразно различать следующие важнейшие разновидности государств переходного типа:

1. При либеральном (классическом европейском) типе развития общества по линии: античность (рабовладение) — феодализм — капитализм — неокапитализм это — государства, переходные от а) рабовладельческого к феодальному, б) от феодального к буржуазному (капиталистическому), в) от буржуазного к неокапиталистическому типу.

2. В условиях традиционного азиатского способа производства это — государства, обеспечивающие пе-

переход от гой или иной (в том числе и казарменно-социалистической) модификации данного типа развития к либеральному типу развития (к буржуазному или неокапиталистическому государству).

3. Государства, предпринимающие попытки осуществить переход от любого из основных («чистых») или смешанных, а также переходных типов к казарменно-социалистическому.

4. Государства, целенаправленно создающие предпосылки для перехода от любых из существующих в настоящее время типов развития к коммунистическому.

Наряду с этим нельзя, однако, не отметить и такие специфические разновидности государств переходного типа, как реализующие регрессивную стратегию: а) возвращения к существовавшему ранее типу государства (и, следовательно, к старому типу развития или одному из предшествующих исторических этапов в рамках единого типа развития), консервативному или реакционному по сравнению с ликвидируемым или существенно изменяемым типом (государства и развития); б) введения новых, отсутствовавших когда-либо в прошлом политических институтов, своей деятельностью уводящих общество с пути исторического прогресса, втягивающих страну или регион в тупиковую либо регрессивную социальную эволюцию (примером этого может служить переход от государства, обеспечивающего осуществление или подготовку к осуществлению программы коммунистических преобразований, к казарменно-социалистическому государству).

Переход к новому историческому типу государства — это политическая революция, за которой в случае успешной реализации задуманной стратегии может следовать социальная революция *. Исторический

* Методологически важное значение имеет следующее высказывание К. Маркса: «Каждая революция разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет *политический* характер» (*Маркс К.* Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. I. С. 448). При этом правильное понимание данного положения требует исключения упрощенной, односторонней трактовки категории «революция» посредством выхватывания из революции (как определенного процесса) каких-либо ее отдельных этапов или элементов. Возможно несовпадение по времени ряда социальных (т. е. связанных с изменением типа развития общества) и политических аспектов единой революции (см., напр.: *Платонов С.* Указ. соч. С. 228).

опыт свидетельствует, что такой переход может быть результатом использования различных методов политической борьбы — как революционных, так и чисто (или преимущественно) эволюционных. Это дает основания для разграничения революционных и эволюционных путей установления нового общественного строя, что, следовательно, предполагает признание возможности совершения политической и социальной революции в ходе растянутых на длительный срок реформ. Более или менее характерные примеры реализации подобной реформистской стратегии — переход Византии от античности (рабовладения) к феодализму, Швеции и Норвегии — от феодализма к капитализму, а Таиланда — от феодализованного традиционного азиатского способа производства к капитализму.

С помощью эволюционных методов (своеобразных политических, но не социальных революций) может осуществляться определенная трансформация государственных институтов в рамках одного и того же типа развития (типа государства). Проявлениями таких процессов являются происходящие в результате той или иной подвиги в соотношении сил между различными фракциями политической элиты или экономически господствующих классов и социальных слоев изменения: а) либо формы государства (государственного режима или формы правления); б) либо официальной идеологии (как, например, при египетском фараоне Аменхотепе IV в XV веке до н. э.), что, как правило, также бывает связано с корректировкой принципов легитимности власти; в) либо разовое (в данном конкретном случае) нарушение действующих принципов легитимности власти без их упразднения.

Указанные изменения нередко именуются революциями — в случаях, когда они происходят при более или менее массовой поддержке населения, но чаще всего — переворотами (если такой активной поддержки нет) *. При этом политические перевороты могут

* Имеются и другие подходы к разграничению понятий «переворот» и «революция». Г. И. Мирский, например, пишет: «Переворот — это смена режима, революция — смена системы. Переворот устраняет правивший до этого политический режим, но сохраняет — в ее наиболее существенных, определяющих чертах — господствующую общественно-экономическую систему» (*Мирский Г. И.* Роль армии в политической жизни стран «третьего мира». М., 1989. С. 45).

быть явными и скрытыми — когда их реальное содержание особенно не афишируется и остается непонятным для широкой общественности, ошибочно воспринимающей новую ситуацию как простое продолжение старой (хотя и с некоторыми частичными модификациями).

Как политические, так и социальные революции целесообразно разделять на: а) прогрессивные, б) консервативные или реакционные (т. е. стабилизирующие или восстанавливающие устаревшие отношения); в) ведущие к выбору тупиковой ветви социальной эволюции (что обычно бывает связано с наличием и реакционных, и консервативных, и прогрессивных элементов).

Прогрессивные политические и социальные революции, приводящие к созданию предпосылок для изменения типа общественного развития, могут совершаться либо посредством радикальных реформ, проводимых самоочищающейся и обновляющейся (освобождающейся от груза старых взглядов и от балласта наиболее одиозных фигур) политической элитой (это так называемая «революция сверху»), либо в результате резкого, коренного изменения не только политики государства, но и состава и сущности политического руководства страны и широкого подключения народных масс (в той или иной форме) к решению вопросов государственной и общественной жизни (это случай возникновения революционно-демократического государства).

Революционно-демократическое государство в самом общем плане можно определить как исторически прогрессивное государство, действующее в интересах и при непосредственном активном участии широких народных масс, ставящее перед собой задачи ускоренного создания предпосылок для изменения типа общественного развития или перехода к более передовому этапу в рамках существующего типа развития. Такое государство может быть переходным к буржуазному типу (в условиях, когда подобный переход является шагом вперед). Характерный пример в данном случае — якобинская диктатура в начальный период ее существования (1793 г.) во Франции. Но в современную эпоху революционно-демократическим обычно является государство, выдвигающее цель ликвидации эксплуататорского строя и ускоренного создания предпосылок для построения социализма.

Все революционно-демократические государства как исторически прогрессивные и имеющие определенные шансы для успешной реализации своей программы преобразований* следует, во-первых, отличать от временных форм народной власти, создававшихся «на части территории той или иной страны восставшим народом в условиях рабовладельческой и феодальной формации», примерами чего служат «сицилийские «царства» рабов II в. до н. э., «республика зилотов» в Византии XIV в., «государство тайпинов» в Китае XIX в.»⁸⁰ и ряд других политических образований, не имевших даже минимальных материальных и идейных предпосылок для прогрессивного изменения типа развития**. Результатом победы восставших жестоко эксплуатируемых крестьян-общинников и (или) рабов (а это не раз имело место в истории, в частности в древнем Китае), как правило, был не переход к новому, более передовому общественному строю и историческому типу государства, а лишь некоторые сдвиги в соотношении сил между различными социальными слоями, замена старой политической и хозяйственной элиты на практически однотипную с ней новую, определенная временная корректировка оставшихся по сути, своей прежними форм и методов государственного управления.

А во-вторых, учитывая указанную основную характеристику революционно-демократического государства, нельзя допускать его отождествления с государствами, лишь декларирующими соответствующие прогрессивные цели, но в действительности активно стимулирующими регрессивную социальную эволюцию.

В-третьих, любое революционно-демократическое государство как реализующее программу ускоренного проведения политических и социально-экономических преобразований необходимо отграничивать от госу-

* При этом, конечно же, не исключена возможность их регрессивной эволюции или уничтожения в результате контрреволюции.

** Значительный теоретический и практический интерес представляет смежная с данной проблемой неразрешимая дилемма «вождя крайней партии» в революции, сталкивающегося с необходимостью «обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство» (*Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 422—423).

дарств, следующих чисто реформистской стратегии, направленной на медленную, постепенную подготовку условий для перехода к новому типу развития.

И наконец, в-четвертых, современное революционно-демократическое государство как лишь приступающее к созданию предпосылок для перехода к социализму и не имеющее еще полностью адекватной политической основы для решения этой задачи * нужно отличать от пролетарского государства, социальная природа которого позволяет ему в той или иной мере проводить в жизнь непосредственно социалистическую программу преобразований.

В дальнейшем в данной работе термины «государство переходного типа» и «революционно-демократическое государство» будут употребляться как синонимы и лишь в своем узком значении современного государства, реализующего революционную стратегию ускоренного создания предпосылок для перехода к социализму.

Но прежде, чем приступить к детальному анализу государства переходного типа (в указанной трактовке), представляется целесообразным остановиться еще на нескольких, на наш взгляд, очень важных как с теоретической, так и с практической точек зрения вопросах.

Интересы прогресса человеческой цивилизации требуют, чтобы в мире продолжали существовать государства различных типов, а их соперничество, вписывающееся в рамки международного права и общепризнанных норм морали, служило одним из источников успешного развития всех народов. Любая «попытка уничтожить свою противоположность была бы самоубийственна не только с военно-технической точки зрения; даже если бы это каким-то чудом удалось, «победитель»⁸¹ был бы обречен на стагнацию, остановку развития». Провозглашение приверженности сохранению плюрализма человеческого общества должно включать в себя признание не только полез-

ности параллельного и взаимозависимого существования государств, реализующих различные стратегии общественного развития, но и желательности создания благоприятных условий внутри каждой страны для того, чтобы региональные и локальные коллективы могли свободно определять для себя те или иные типы и формы развития (конечно же, с учетом общенациональных интересов). «Любой народ, — справедливо подчеркивают В. В. Коротева, Л. С. Перепелкин и О. И. Шкаратан, — должен иметь право выбора, чему отдать предпочтение — бурному ли экономическому росту и соответствующим стандартам потребления, улучшению ли здоровья населения за счет экологически чистых условий жизни, а может быть, и поддержанию традиционного стиля жизни, включая распределение времени на работу и досуг, общение»⁸². Культурное и экономическое разнообразие общества — важный показатель его цивилизованности.

В мире накоплен богатый опыт поощрения многими государствами самобытного развития (иногда явно альтернативного господствующему в обществе) отдельных этнических групп, стремящихся сохранять и развивать свой традиционный образ жизни. Значительный интерес представляет практика стимулирования неокapиталистическим государством Израиль фактически коммунистических локальных социальных экспериментов — создания и успешного функционирования сельскохозяйственных коммун киббуцев.

Предоставляя возможность национальным, политическим, ситуативным и иным меньшинствам находить для себя своеобразные «убежища» и свободно реализовывать на собственной территории (не выпадающей из сферы верховного контроля суверенной государственной власти) свои представления о наилучшем социальном устройстве, об оптимальной организации производства, досуга и т. д., государство одновременно и сближается с обществом, и укрепляет себя. Выводя свои структуры из зоны многих социальных конфликтов, как бы занимая позицию независимого арбитра, создавая механизмы выработки компромиссных решений, государство вместе с тем может эффективно пресекать проявления сепаратизма и любые попытки добиться чрезмерной атомизации страны. Действует принцип цивилизованного общества: «В многообразии — сила и единство».

* Здесь имеется в виду не столько характер высших органов политической власти (в отдельных случаях они могут быть вполне пролетарскими и по своим идеологическим установкам, и даже по социальному составу), сколько реальный механизм власти в целом с учетом особенностей ее осуществления на региональном и локальном уровнях, соотношения формальных и неформальных процедур, состояния общественного мнения (массового сознания) и т. д.

Мир в настоящее время переживает очень важный исторический момент формирования новых политических структур, когда не только объединяются и разделяются государства, видоизменяются и распадаются межгосударственные союзы, но и закладываются идеологические, нормативные и институциональные основы для выбора человечеством безопасного и эффективного пути к созданию единого и многообразного в своих проявлениях планетарного сообщества. В этих условиях требуется максимально ограничить сферу наиболее опасных социальных эксцессов. Среди них на первом месте — агрессивный гегемонизм, который можно было бы назвать «близоруким высокомерием сильных». Во-вторых, это — пассивное «иждивенчество, слабых» — постоянное ожидание помощи извне, игнорирование необходимости создания системы внутренних стимулов развития страны или региона, что является одним из потенциально взрывоопасных источников социальной нестабильности. В-третьих, это — такое специфическое и отнюдь небезобидное проявление иждивенчества, как безрассудная и недальновидная хитрость националистических или регионалистских движений, в чьих программах и политике рациональные моменты вытесняются стремлением переиграть другие народы и жителей иных территорий, «попытаться усесться на чужой спине»⁸³, доминирует региональный и локальный эгоизм, за которым, как правило, у лидеров этих движений скрываются корыстные интересы периферийной старой или нарождающейся новой элиты. И наконец, в-четвертых, большую угрозу таит в себе возможность возникновения тоталитарных режимов с непредсказуемой политикой и способных причинить неисчислимые бедствия народам своей страны и всему миру.

Учитывая все это, представители марксистского социалистического движения соединяют борьбу за защиту классовых интересов трудящихся с борьбой за обеспечение национальных (региональных и общегосударственных), а также общечеловеческих, т. е. важнейших для всех нас интересов, противостоят как национальным и региональным эгоизмам, так и эгоизмам корпоративным и узкоклассовым (которые нередки и в среде трудящихся). По этому поводу очень точно высказался в 1899 г. В. И. Ленин: «...с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, —

интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения»⁸⁴.

Конечно же, в новых исторических условиях необходим поиск новых, более совершенных и лучше соответствующих нынешней обстановке в мире средств и методов борьбы за прогрессивное переустройство общества. И в этом нелегком деле не обойтись без глубокого изучения и обобщения накопленного различными государствами и политическими движениями как позитивного, так и негативного опыта.

Социальная природа государства переходного типа

Общемировые процессы преодоления отношений эксплуатации и угнетения, революционного разрыва с отживающим свой век строем социальной несправедливости и перехода различных стран и народов на путь строительства социализма характеризуются чрезвычайным разнообразием форм. «Все нации, — подчеркивал В. И. Ленин, — придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»⁸⁵.

При этом, как уже отмечалось, необходимо различать две важнейшие разновидности процессов изменения типа общества и государства: 1) качественные изменения, являющиеся результатом относительно быстрого захвата революционными силами главных рычагов государственной власти или иными словами — если воспользоваться терминологией выдающегося итальянского мыслителя-марксиста А. Грамши (1891—1937) — следствием предпринятой в ходе «маневренной войны» успешной «фронтальной атаки»⁸⁶ на политические бастионы старого эксплуататорского государства; 2) растянутый на длительное время, но приводящий в конце концов к радикальным качественным изменениям процесс накопления прогрессивных количественных изменений во всех сферах общественной жизни и вытеснения реакционных сил с занимаемых ими политических позиций, что, по терминологии

логии А. Грамши, обозначается как «позиционная война», как стратегия длительной осады эксплуататорского государства.

В рамках революционной стратегии, являющейся основным предметом научного анализа в данной работе, следует четко разграничивать: 1) непосредственно социалистическую политическую революцию, которой соответствует традиционная марксистско-ленинская концепция государства диктатуры пролетариата — революционной власти трудящихся при руководящей роли рабочего класса *; 2) национально-демократическую или народно-демократическую революцию, в ходе которой преобладают преобразования общедемократического характера, а политическая власть находится в руках широкого блока прогрессивных (в данных условиях) сил общества — сил, включающих в себя и определенную часть эксплуататорских классов. Государство, соответствующее такому периоду создания основных предпосылок для перехода впоследствии к социалистическим преобразованиям, в советской литературе принято именовать революционно-демократическим государством⁸⁸.

При известных условиях в течение более или менее продолжительного времени может существовать своеобразный промежуточный этап на пути от политического господства эксплуататоров к политическому господству трудящихся во главе с рабочим классом. Видный теоретик международного коммунистического движения, бывший Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Р. Арисменди (1913—1988) довольно удачно назвал этот этап «подходом к переходному периоду от капитализма к социализму»⁸⁹.

Ф. Энгельс в 1847 г. подчеркивал, что возможны «подготовительные мероприятия, как переходные промежуточные ступени к упразднению частной собственности»⁹⁰. В период революции 1905—1907 гг. в России В. И. Ленин развил учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата⁹¹ как революци-

онной государственной власти в условиях постепенного перерастания демократической революции в социалистическую.

Создание революционно-демократического государства может служить либо одной из форм «перехода или подхода к пролетарской революции»⁹², либо первоначальным этапом единого процесса перерастания общедемократических преобразований в социалистические и соответственно — прогрессивной эволюции социальной природы и функций политической власти в конкретной стране. При этом следует учитывать существование не только опасности открытого контрреволюционного переворота, но и скрытой авторитарной, тоталитарной деформации революционно-демократического (как и социалистического) государства, его перерождения в консервативно-бюрократическое государство, воспроизводящее старые или порождающее новые формы эксплуатации и угнетения трудящихся. Примерами революционно-демократических государств могут быть политические структуры, возникшие и функционировавшие после победы антиимпериалистических (антимонополистических, антифашистских) революций в странах с довольно высоким или средним уровнем развития капитализма — в Чехословакии, Восточной Германии (впоследствии ГДР), Венгрии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы в середине — второй половине 40-х годов, а также в Чили в 1970—1973 гг. и Португалии в 1974—1975 гг., когда там активно проводились радикальные общедемократические преобразования.

Другой разновидностью революционно-демократического государства являются существовавшие или существующие в слаборазвитых (прежде всего в экономическом отношении) странах государства социалистической ориентации. Они призваны служить оружием создания предпосылок для перехода к социализму: а) от феодализма, минуя стадию капитализма (например, Монголия в 20—30-е годы); б) от основном докапиталистических (феодальных и патриархальных) отношений при наличии некоторых элементов капитализма (Эфиопия после революции 1974 г. и Афганистан после революции 1978 г.); в) от отношений полностью зависимого от иностранного капитала, слабого, «периферийного» капитализма (например, Гренада в 1979—1983 гг., Никарагуа после рево-

* Именно в этом контексте нужно рассматривать следующее важное высказывание К. Маркса: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» (Маркс К. Критика Готской программы II Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С 27)

люции 1979 г.); г) от антигуманного казарменного псевдосоциализма, характеризующегося регрессивной социальной эволюцией (Кампучия после революции 1979 г.).

Социальную природу революционно-демократического государства в марксистско-ленинской литературе обычно определяют как диктатуру (власть) революционного народа, т. е. как власть, имеющую две важнейшие сущностные характеристики: 1) государственно-властное политическое руководство данным обществом со стороны прогрессивных социальных слоев; 2) политическое подавление реакционных слоев эксплуататорских элементов.

Такой теоретический подход требует уяснения по крайней мере двух понятий — «диктатура» и «народ», а также критериев прогрессивности и реакционности (о которых уже говорилось выше).

Термин «диктатура» употребляется марксистами в двух основных значениях: а) как сущность государственной власти, политического господства того или иного класса; б) как особый политический режим, при котором существенно ограничиваются или полностью упраздняются институты политической демократии⁹³. В. И. Ленин, в частности, подчеркивал необходимость «разъяснить... понятие диктатуры класса в отличие от диктатуры личности»⁹⁴.

Имея в виду первое значение термина «диктатура», В. И. Ленин писал: «История учит, что всегда была диктатура»⁹⁵, «диктатура одного класса является необходимой... для всякого классового общества»⁹⁶. Здесь речь идет о диктатуре определенного класса, которая может осуществляться в различных политических формах*.

* Вместе с тем необходимо учитывать, что существует множество примеров государств, чья социальная природа в тот или иной период их развития не может быть однозначно определена как диктатура конкретного класса, ибо характеризуется довольно сложным переплетением воздействий на органы государственной власти различных социально-политических сил. Одним из подобных примеров является случай, когда «борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает самостоятельность по отношению к основным классам-антагонистам, «как кажущаяся посредница между ними» (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 172).

Аналогично тому, как нормы конституционного права «вы-

Одна из таких форм — авторитарный политический (государственный) режим, для обозначения которого также используется термин «диктатура», но уже во втором своем значении. Так, Ф. Энгельс указывал диктатуру среди средств, к которым прибегает буржуазия, усматривающая в созданной ею законности опасность для своего господства: «Нарушение конституции, диктатура, возвращение к абсолютизму...»⁹⁷. А В. И. Ленин говорил о военно-полицейской диктатуре⁹⁸, о диктатуре Корнилова⁹⁹ и т. д.

Таким образом, понятия «диктатура революционного народа» или «революционно-демократическая диктатура» указывают не столько на революционный характер средств и методов осуществления власти (они при определенных условиях могут не слишком отличаться от типично парламентских), сколько на переходную (с точки зрения типа государства) социальную природу политической власти.

Рассматривая термин «народ», также следует отметить, что он может нести различную смысловую нагрузку. Прежде всего, он применяется для обозначения различных этнических общностей или населения всей страны¹⁰⁰. Однако наряду с этим в марксистско-ленинской литературе для характеристики политико-правовых институтов используется качественно иное, сугубо классовое понятие «народ» как совокупность прогрессивных классов и социальных слоев. «Употребляя слово: «народ», — подчеркивал В. И. Ленин, — Маркс не затуманивал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию»¹⁰¹. Именно такое содержание вкладывается в термин «народ» в широко используемых в марксистской общественной науке понятиях «диктатура революционного народа»,

ражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» (Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Поли. собр. соч. Т. 17. С. 345), так и в содержании основных направлений деятельности государственных институтов в конце концов, как правило, отражается соотношение этих сил. В результате этого сущность государства с антагонистическими классами далеко не всегда может быть обозначена понятием диктатуры того или иного класса. Иными словами, любой политический режим является либо внешним проявлением диктатуры определенного класса, либо формой временного или относительно продолжительного компромисса между противостоящими друг другу социально-политическими силами.

«народно-демократическая революция», «народно-демократическое государство».

Конкретное социальное содержание и задачи власти (диктатуры) революционного народа определяются тем, какие классы и социальные группы в данном обществе в тот или иной момент составляют народ.

В условиях стран с высоким или средним уровнем развития капитализма народ — это прежде всего рабочий класс и мелкобуржуазные слои города и деревни. В таких странах уже созданы социально-экономические предпосылки для перехода к социализму, однако чаще всего отсутствуют многие необходимые для этого политические и идеологические предпосылки. В связи с этим в данной группе стран революционно-демократическое государство, возникающее в обстановке кризиса существующих политических структур, призвано осуществить задачи общедемократических антимонополистических преобразований и подготовить необходимые политические и идеологические условия для последующего перехода к социалистическим преобразованиям. К такому государству полностью применима следующая ленинская характеристика: «*Это еще не социализм, но это уже не капитализм. Это громадный шаг к социализму*»¹⁰².

В то же время в слаборазвитых странах, в которых рабочий класс немногочислен либо его вообще практически нет, отсутствует весь комплекс внутренних предпосылок для перехода к социализму — социально-экономических, политических, идеологических. Революционно-демократическое государство в таких условиях должно решать задачи создания всех этих предпосылок на пути некапиталистического развития.

Власть (диктатура) революционного народа в слаборазвитых странах представляет собой власть блока демократических антиимпериалистических сил — формирующегося рабочего класса, крестьянства, прогрессивной интеллигенции (военной и гражданской), городской мелкой буржуазии, обездоленных полупролетарских («маргинальных») городских слоев. На первых этапах некапиталистического развития в этот демократический блок могут входить антиимпериалистически, патриотически настроенная часть средней и даже крупной национальной буржуазии, традиционной родоплеменной верхушки¹⁰³ или иных существовавших при прежних режимах элитных групп. При

этом внутри стоящего у власти в революционно-демократическом государстве прогрессивного демократического блока выделяются различные политические компоненты: 1) последовательно революционные силы; 2) колеблющиеся мелкобуржуазные слои города и деревни; 3) буржуазно-демократические элементы (буржуазная демократия) — как¹⁰⁴ правило, средняя городская и сельская буржуазия; 4) антиимпериалистически ориентированные группы из среды добуржуазный «пережиточных» социальных слоев. И если буржуазная демократия является политическим союзником трудящихся в реализации определенных задач экономической и культурной модернизации общества, то некоторые в целом социально консервативные добуржуазные группы — союзниками в осуществлении ряда антимонополистических, антиимпериалистических и даже антиэксплуататорских задач*.

Следует также отметить, что понятия «революционно-демократическое государство» и «революционно-демократическая власть» близки, но не тождественны. Второе понятие является обязательным компонентом первого, но не всегда революционно-демократическая власть представляет собой целостную, распространяющуюся на всю территорию страны, суверенную организацию. Эта власть нередко охватывает лишь ряд районов страны либо в условиях двоевластия имеет отдельные органы на всей или части территории страны при сохранении иных (неревolutionонных) органов власти¹⁰⁵.

В целом же социальная природа революционно-демократического государства может быть охарактеризована следующим образом:

1) это власть большинства (или по крайней мере осуществляемая в интересах большинства) населения — власть революционного народа, т. е. прогрессивных сил общества, над реакционным меньшинством — проимпериалистическими (иногда феодальными) силами и иными социально консервативными элементами;

* Очень важно не упускать из виду имеющиеся коренные различия политических установок тех или иных антикапиталистически ориентированных сил, ибо, как справедливо отмечает А. В. Кива, «власть, основанную на частной собственности, как и саму частную собственность, можно отвергать и с прогрессивных позиций — с позиций движения вперед, — и с позиций движения назад» (Кива А. В. Национально-освободительное движение: теория и практика. М., 1989. С. 172).

2) это власть внутренне противоречивого блока прогрессивных политических сил, в который входят представители антагонистических классов и социальных слоев;

3) эта власть представляет собой переходный этап от политического господства эксплуататоров к политическому господству трудящихся во главе с рабочим классом, что, однако, не исключает возможности эволюции революционно-демократической власти в обратном направлении¹⁰⁶ — в сторону реставрации политического господства эксплуататорского меньшинства;

4) эта власть опирается на многоукладный экономический базис, имеющий характер переходного от капиталистического или иного эксплуататорского (даже в основном докапиталистического) к социалистическому.

Основные разновидности государственной власти переходного типа

Специфика конкретных революционно-демократических государств определяется целым рядом факторов. И поэтому в основу классификаций таких государств, выявления их основных разновидностей могут быть положены различные критерии.

1. В зависимости от *степени зрелости социально-экономических структур общества* можно выделить страны, в которых до установления революционно-демократической власти: а) в основном существовали феодальные и родоплеменные отношения; б) преобладали отношения полностью зависимо от иностранных монополий «периферийного» капитализма; в) существовал среднеразвитый капитализм; г) капитализм (неокапитализм) достиг высокого уровня развития; д) господствовали отношения казарменного псевдосоциализма.

Конкретизация данной классификации позволяет, исходя из учета *степени зрелости рабочего класса* той или иной страны, различать революционно-демократические государства, существующие в странах, в которых рабочий класс: а) практически или полностью отсутствует; б) лишь формируется и еще крайне слаб; в) хорошо развит.

2. Оценивая *соотношение классовых сил в прогрес-*

сивном блоке, определяя, каким классам и социальным группам в нем принадлежит гегемония, целесообразно выделять революционно-демократические государства: а) с пролетарской динамикой* и б) с мелкобуржуазной динамикой, проявляющейся либо в постоянном нарастании в стране неуправляемой рыночной стихии, либо в усилении авторитарно-бюрократических тенденций, связанных с чрезмерным огосударствлением экономики и остальных сфер общественной жизни. При этом в странах социалистической ориентации, в которых процессы классообразования еще не завершены и политическая власть, обладающая значительной автономией по отношению к своей социальной базе, обычно находится в руках гражданской или военной интеллигенции, место критерия «чистого» соотношения классовых сил нередко занимает преобладающая политическая ориентация революционной демократии (т. е. стоящей у власти интеллигенции) — пролетарская или мелкобуржуазная, а также степень восприятия народными массами этой ориентации, степень поддержки ими революционной демократии.

3. Принимая во внимание *особенности официальной идеологии прогрессивного блока* (фактор, тесно связанный с предыдущим и конкретизирующий соотношение классовых сил применительно к сфере идеологии), революционно-демократические государства можно подразделить на те, где официальной идеологией провозглашается научный социализм, и те, где таковой является одна из концепций мелкобуржуазного («национального», «регионального», «религиозного») социализма. При этом нужно учитывать, что провозглашение научного социализма официальной идеологией революционно-демократического государства не обязательно свидетельствует о полном и правильном восприятии революционной демократией (или иным политическим руководством) всех сторон марксистско-ленинского учения. В то же время, наоборот, в отдельных случаях политическая власть в революционно-демократическом государстве может принадлежать марксистско-ленинской партии или организации, которая, учитывая особенности в стра-

* Термин «пролетарская» (динамика, идеология и т. п.) в данной работе используется для обозначения соответствия того или иного явления общественной жизни, политической программе научного социализма, коммунистическому типу развития.

не, временно ограничивает выдвижение непосредственно пролетарских лозунгов и даже иногда отказывается от открытого декларирования своей приверженности научному социализму.

Рассматривая классовую природу мелкобуржуазных концепций социализма, в них следует различать элементы научного социализма, левацко-авантюристических, консервативных авторитарно-бюрократических, буржуазно-либеральных, традиционных (общинных и религиозных) и иных идей.

4. В зависимости от *типа и уровня политической культуры населения и степени развития традиций политической демократии* различаются революционно-демократические государства: с относительно высоким и низким уровнем политической культуры населения; с развитыми и слабо развитыми традициями политической демократии. Данный фактор в значительной мере определяется уровнем социально-экономического развития страны. Однако прямой связи здесь нет. Так, во многих слабо развитых странах «зависимого капитализма», как и в странах с развитыми капиталистическими отношениями, существуют довольно глубокие традиции политической демократии, и уровень политической культуры их населения достаточно высок.

5. Особенности *соотношения основных методов осуществления революционной власти* — действий «сверху» и «снизу»¹⁰⁷ — позволяют выделить революционно-демократические государства, в которых власть осуществляется: а) в интересах народа и через народ — при органичном сочетании политических действий «сверху» — со стороны государственных органов и «снизу» — самих народных масс; б) в интересах народа, но при значительном или полном преобладании действий «сверху», т. е. не через широкие народные массы, а через политический авангард народа или организацию, претендующую на такую роль (например, через армию в условиях военно-революционного режима).

Для правильного понимания данной классификации очень важным с методологической точки зрения является следующее ленинское положение: «Низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой¹⁰⁸ слой пролетариата, но не через трудящиеся массы».

Соотношение методов осуществления власти «сверху» и «снизу» зависит как от уровня общей и политической культуры населения, так и от политической обстановки в стране — от того, находится ли страна в состоянии гражданской войны или переживает мирный период развития.

6. *Характер юридического оформления институтов власти и своеобразие способов их легитимации* (приобретения статуса законных, формально соответствующих конституции и воле народа) дают возможность для разграничения революционно-демократических государств с временной организацией власти и с конституционной представительной системой¹⁰⁹. В первом случае основой легитимации революционно-демократических институтов является сам факт захвата власти революционерами и насильственного низвержения власти реакционного эксплуататорского меньшинства, во втором случае — как правило, победа на выборах, поддержка со стороны большинства избирателей*.

7. Исходя из различий в *партийных системах*, выделяются революционно-демократические государства: с беспартийной, с однопартийной и многопартийной системой.

8. В зависимости от *конкретного этапа развития национально-(народно-) демократической революции* следует различать революционно-демократические государства, находящиеся: а) на начальном этапе антиимпериалистических, антимонаполистических, антиколониальных, антифеодальных преобразований, б) на этапе закрепления и углубления общедемократических преобразований, в) на этапе их перерастания в социалистические. Возможны также этапы «топтания на месте» или кризиса, проявляющегося в резком усилении деформаций политических структур и движении назад.

Обобщающим же критерием подобной классификации революционно-демократических государств (основанной на периодизации их развития) служит *соотношение решаемых революционно-демократической властью общедемократических и антиэксплуататорских задач*. Исходя из этого, выделяются: *национально-демократические* и *народно-демократические* госу-

* Здесь не рассматривается специфика использования революционно-демократическими силами традиционных для ранее существовавшего авторитарного режима неэлекторальных, непарламентских форм легитимации власти.

дарства. Для первых характерно, что они решают главным образом задачи общедемократического характера, а гегемония в правящем блоке демократических сил принадлежит либо мелкобуржуазным слоям, либо пролетарским (или по-пролетарски мыслящим) элементам, которые временно ограничивают выдвижение пролетарских лозунгов. Признаками же народно-демократического государства является то, что оно наряду с общедемократическими задачами решает задачи антикапиталистических, антиэксплуататорских, т. е. непосредственно социалистических преобразований, а гегемония в правящем блоке демократических сил принадлежит рабочему классу или по-пролетарски мыслящим элементам.

Использование дополнительного критерия — *политической динамики* — дает возможность выделить национально-демократические государства с пролетарской и с мелкобуржуазной динамикой. В народно-демократических государствах в условиях гегемонии рабочего класса динамика — пролетарская.

Несомненно, что приведенный перечень критериев классификации основных разновидностей революционно-демократических государств не является исчерпывающим и ни один из них нельзя абсолютизировать, ибо каждое из оснований научной классификации служит достижению лишь определенных познавательных целей.

Особенности государства социалистической ориентации

В основе современной концепции государства социалистической ориентации лежит критическое осмысление идеи основоположников марксизма-ленинизма о возможности некапиталистического пути развития для отсталых (в социально-экономическом и культурном отношении) стран в сопоставлении этой общей идеи с довольно богатым и отнюдь не однозначным историческим опытом, связанным с попытками ее практического осуществления в целом ряде стран.

В научной литературе встречаются разнообразные трактовки соотношения содержания, вкладываемого в термины «социалистическая ориентация» и «некапиталистический путь развития»¹⁰. При этом указываемые различия между данными понятиями нередко но-

сят чисто умозрительный характер, вследствие чего создаваемые на такой теоретической основе классификации государств не имеют реального позитивного значения для практики прогрессивных преобразований в отсталых странах и регионах.

Автор настоящей работы еще недавно сам ошибочно полагал, что некапиталистическое развитие тождественно социалистической ориентации¹¹. Но ведь нельзя не учитывать, что некапиталистическая эволюция может быть как прогрессивной, так и реакционной. Она бывает сопряжена с регрессивными явлениями в тех случаях, когда вместе с элементами капитализма или элементами, способными приобрести либерально-капиталистическую динамику, уничтожаются важнейшие завоевания цивилизации и ограничиваются возможности социального прогресса. Исходя из этого, под социалистической ориентацией целесообразно понимать прогрессивное некапиталистическое развитие, способствующее ускоренному созданию предпосылок для перехода к коммунистическому типу развития.

Принимая во внимание приведенную выше общую характеристику революционно-демократического государства и уже отмечавшиеся некоторые из его специфических черт в условиях слаборазвитых стран, можно указать следующие основные признаки государства социалистической ориентации:

1) оно существует в слаборазвитых в социально-экономическом отношении странах и призвано создать экономические, социальные, политические и духовные предпосылки для перехода к социализму от в основном докапиталистических общественных отношений, минуя капиталистические, либо от отношений полностью зависящего от иностранных монополий («периферийного») капитализма;

2) политическая власть представляет собой направленную на подавление проимпериалистических и феодальных элементов власть (диктатуру) революционного народа — рабочего класса (если он имеется), различных непролетарских слоев трудящихся и патриотически, антиимпериалистически настроенной части эксплуататорских классов;

3) стоящая у власти революционная демократия основывает свою политику на той или иной разновидности социалистической идеологии (мелкобуржуазной или пролетарской), открыто провозглашает цель со-

здания общества без эксплуатации человека человеком и проводит глубокие антиколониальные, антимонополистические, а на более высоких ступенях развития государства и антикапиталистические, антиэксплуататорские преобразования во всех сферах общественной жизни.

Следует учитывать, что не могут рассматриваться в качестве обязательного признака государства социалистической ориентации ни национализация монополий, ни значительные размеры обобщественного сектора экономики, ни политическое руководство со стороны революционно-демократической партии. Вследствие своей общей экономической и культурной отсталости многие страны социалистической ориентации, даже в условиях перерастания национально-демократического государства в народно-демократическое, вынуждены в течение долгого времени мириться с сохранением наиболее сложных в техническом отношении предприятий в собственности монополий, что, однако, не исключает установления тех или иных форм государственного и общественного контроля за их деятельностью. На первых этапах развития государства социалистической ориентации размеры обобщественного сектора нередко бывают крайне незначительны (в силу практически полного отсутствия или крайне низкого уровня развития промышленности и слабости кооперативного движения). В этот период также может не существовать и революционно-демократической партии (например, когда власть находится в руках прогрессивных военных, распустивших ранее существовавшие партии, но еще не создавших революционной партии).

Кроме того, не являются специфическими признаками государства социалистической ориентации, отличающими его от всех государств капиталистической ориентации, такие важнейшие его черты, как опора на помощь социалистических стран и проведение антиимпериалистической внешней политики. Эти признаки могут быть свойственны и некоторым странам капиталистической ориентации, руководимым не империалистическими слоями буржуазии и феодально-родовой знати, а антиимпериалистически настроенной национальной буржуазией. В целом же источником внешней помощи в экономическом и культурном отношении (оказываемой на различных условиях) для всех слаборазвитых стран являются развитые страны

независимо от их социально-экономического строя. И государствам социалистической ориентации использование таких источников нецелесообразно ограничивать какой-либо одной (пусть даже и наиболее близкой им идеологически) группой стран.

Указывая на социалистический характер политических воззрений революционной демократии, необходимо не только отграничивать научный социализм от мелкобуржуазных социалистических теорий, но также эти последние — от доктрин буржуазного социализма, которые в ряде стран капиталистической ориентации были объявлены официальной идеологией правящих сил и даже государства в целом. В. И. Ленин подчеркивал недопустимость чрезмерного «растягивания» термина «социализм» и, воспринимая такой подход, в научной оценке деклараций о приверженности идеалам социализма следует исходить из родового признака социалистических (в самом широком смысле этого слова) теорий и соответствующих им программ практической деятельности: «...социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации»¹¹².

Как и все революционно-демократические государства, государства социалистической ориентации можно разделить на две группы — национально-демократические и народно-демократические. Такая классификация отражает глубину осуществленных и проводимых в той или иной стране в конкретное время преобразований. Однако их глубина зависит не только и даже не столько от степени радикальности революционной демократии, сколько от продолжительности существования революционной власти. Поэтому первостепенное значение для правильного понимания перспектив социалистической ориентации в каждой конкретной стране имеет выяснение политической динамики государства, т. е. установление, кому в прогрессивном демократическом блоке принадлежит гегемония.

Проблема научного определения политической динамики развития государства социалистической ориентации довольно сложна, и ее решение в каждом конкретном случае в очень значительной степени зависит от подхода исследователя к понятию «социализм», к сущностным признакам этого строя. До середины 80-х годов, т. е. до того момента, когда передо-

вым силам в КПСС и советском обществе в целом удалось (как в 1923 г. В. И. Ленину) осуществить «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»¹¹³, при анализе данной проблемы теоретические позиции большинства политиков и ученых, считающих себя сторонниками марксизма-ленинизма, сводились примерно к следующему.

Прежде всего подчеркивалось, что в условиях мелкобуржуазной динамики для государств социалистической ориентации характерно «стремление сохранить мелкое и частично среднее частное национальное предпринимательство как неизменный компонент «смешанной экономики», которая, в свою очередь рассматривается как постоянный фактор создаваемого общества; настороженное отношение к марксизму-ленинизму, марксистам-ленинцам, известное недоверие к рабочему классу, к неконтролируемой инициативе трудящихся масс, боязнь классовой брешь и т. п.»¹¹⁴; провозглашение официальной идеологией той или иной разновидности утопического мелкобуржуазного социализма.

Говоря в самом общем плане, с этим нельзя не согласиться — таковы некоторые из признаков мелкобуржуазной динамики. Но далеко не все из них могут однозначно оцениваться сторонниками коммунистического типа развития как негативные. Во-первых, рационально регулируемая революционным государством с помощью научных методов «смешанная экономика» — это важная составная часть последовательной и рассчитанной на длительное время стратегии «нэповского» типа, направленной на использование разнообразных стимулов для развития производительных сил.

Во-вторых, некоторые политические течения, выдающие себя за марксистско-ленинские, действительно заслуживают очень настороженного к себе отношения, ибо толкают трудящихся на необдуманные шаги, ввергают в авантюры «больших скачков», «крутых поворотов» и т. п.

В-третьих, так как «пролетариат не делается святым и застрахованным от ошибок и слабостей только от того, что он совершит социальную революцию»¹¹⁵, а тем более от того, что ему кем-либо авторитарно приписывается миссия совершать такую революцию в любой стране, неконтролируемая инициатива трудящихся масс (в том числе и рабочего

класса) очень часто может приобретать характер не революционного, а скорее регрессивного охлократического движения*. Упрощенная, односторонняя трактовка политическим руководством коренных интересов трудящихся, корпоративный и групповой эгоизм, неумение различать содержание разных этапов прогрессивных преобразований (причем имеющих существенную специфику в различных сферах жизни общества и в конкретных регионах) — все это на практике нередко приводит к полной дезорганизации народного хозяйства, к обострению кризисных явлений в процессах общественного воспроизводства, к развалу не только экономики, но и самой страны.

И наконец, в-четвертых, программа классового сотрудничества, имеющая под собой принципиальную основу защиты как интересов трудящихся, так и социального прогресса в целом, отнюдь не противостоит задачам классовой борьбы, а является воплощением сознательного регулирования этой борьбы, направлением ее в цивилизованное и поэтому наиболее выгодное для народа и революционного государства русло**.

Во многих научных исследованиях справедливо отмечалось, что, если с углублением прогрессивных преобразований на смену мелкобуржуазной динамике не придет пролетарская, т. е. если гегемония не пе-

* Важнейший признак охлократии — некомпетентность, презрение к знаниям и опыту цивилизации, стремление простыми способами и очень быстро разрешить сложные проблемы общественной жизни. Для действительного же, а не мнимого решения большинства таких проблем необходимы не только революционный энтузиазм, не одна лишь неумная воля (которой, кстати, часто не хватает энтузиастам), главное же — нужен профессионализм. Знания, воплощаемые в программе того или иного движения, должны быть соизмеримы с поставленными задачами, иначе рассчитывать на успех не приходится. Революционные движения в отличие от охлократических готовятся не только к «лихим наскокам на врага» (причем часто просто вымышленного или искусственно созданного), но и к длительным маршам и возможным отступлениям, к созданию глубоко эшелонированной обороны (при «позиционной войне»), к разнообразному лавированию, к ведению «дипломатических» переговоров, к обращению противников в союзников.

** Вообще различные стороны проблемы «социального контракта» — институционализированного классового сотрудничества и национального примирения, как и вопросов, связанных с существованием тех или иных форм «опеки над народом» со стороны революционно-демократического государства, требуют очень серьезного теоретического осмысления и заслуживают специального исследования.

рейдет к пролетарским элементам, то в таком случае в конце концов неизбежно «топтание на месте» и даже поворот революции вспять. Вместе с тем нельзя не признать, что практика государств социалистической ориентации, действующих в условиях мелкобуржуазной динамики, содержит ряд позитивных моментов и ее необходимо учитывать при разработке конкретных научно обоснованных программ создания предпосылок для перехода тех или иных отсталых стран и регионов к коммунистическому типу развития.

Что же касается государства социалистической ориентации в условиях пролетарской динамики, т. е. при гегемонии пролетарских (не обязательно по своему социальному положению или происхождению, прежде всего — по своим идейно-теоретическим, классовым позициям) элементов, то раньше, как правило, указывалось, что ему присущи такие основные черты: «частное предпринимательство... допускается как вынужденная и временная мера, но при этом ставится цель в конечном итоге... вытеснить его из национальной экономики»¹⁰: официальной идеологией признается научный социализм; правящей является авангардная партия трудящихся; проводится целенаправленная политика на формирование рабочего класса, повышение уровня его организованности, профессиональной и идеологической подготовки, на всемерное возращение его роли в обществе; государственная власть опирается на творческую инициативу трудящихся масс и всеми способами поощряет ее дальнейшее развертывание.

С общетеоретической точки зрения такой подход представляется в целом верным, хотя сразу же нужно сделать несколько важных оговорок относительно того, что в данном случае речь должна идти о действительно научном, а не псевдонаучном социализме, вытеснение частного (капиталистического) предпринимательства (ни в коем случае не личной хозяйственной инициативы трудящихся) следует рассматривать как очень и очень отдаленную цель, причем не революционно-демократических, а уже социалистических преобразований. Главная же проблема состоит в том, что пролетарской динамики на практике обычно не возникало либо она появлялась на короткое время и затем вытеснялась казарменно-коммунистической.

Проведенный в последние годы в советской науч-

ной и публицистической литературе глубокий критический анализ различных сторон опыта реализации концепций казарменного социализма, выдававшихся за научный социализм, способствовал осознанию широкой общественностью того факта, что 1) за провозглашаемой политикой обобществления основных средств производства чаще всего скрывалась линия на их этатизацию (огосударствление) при практически полном отчуждении трудящихся от процесса управления производством и распределения прибавочного продукта, при бюрократических формах руководства народным хозяйством; 2) за постоянными апелляциями к трудящимся и претензиями на отстаивание их коренных интересов в действительности, как правило, стояло максимальное ограничение любой не санкционированной правящими кругами политической активности, ее введение в строго регламентированные институционные рамки; 3) а проводившаяся культурная революция, пропаганда социалистических и коммунистических идей в значительной мере представляли собой искусственное внедрение в массовое сознание чуждых истинному марксизму левацко-авантюристических и авторитарно-бюрократических социально консервативных ревизий или догматических трактовок марксизма-ленинизма, насаждение идеологической нетерпимости, сопровождаемое использованием антиинтеллектуальных методов осуществления культурной и кадровой политики.

Более глубокое теоретическое осмысление сущности социализма и соответственно — социалистической ориентации требует внесения серьезных корректив в понимание природы и социальной роли различных форм собственности, дифференцированного подхода к конкретным разновидностям «смешанной экономики», четкого разграничения реальных и показных, чисто формальных проявлений инициативы трудящихся, настоящей конструктивной линии на некапиталистическое развитие и подделок под такую политику, отступлений от нее.

Порочная практика левацко-авантюристических и различных иных авторитарно-бюрократических социально неэффективных моделей социалистической ориентации, с одной стороны, и значительные или относительные достижения ряда стран капиталистической ориентации, с другой, не могут служить основанием для отрицания возможности успешной реализации

научно обоснованной стратегии создания предпосылок для перехода слаборазвитых стран и регионов к коммунистическому типу развития. При этом данная стратегия может осуществляться, во-первых, в форме «зависимого социалистического развития»¹¹⁷ — в случае, когда тот или иной регион выступает в качестве составной части единого государства с пролетарской или непосредственно социалистической надстройкой в центре и на большей (или значительной) части его территории и революционно-демократической — на периферии, либо если определенная страна с революционно-демократическими структурами власти является компонентом некоего надгосударственного образования (законодательно оформленного или фактического союза государств) с преобладанием в нем социалистических (или пока еще лишь пролетарских) элементов.

Во-вторых, это может быть очень сложный для воплощения в жизнь (но отнюдь не полностью нереальный) вариант «зависимого от экономически развитой части международного сообщества в целом» социалистического развития (по образцу находившейся в конце 40-х — начале 50-х годов в изоляции от стран Восточной Европы Югославии). Важнейшим условием успешной реализации данного варианта стратегии перехода к коммунистическому типу развития является хорошо продуманный (на длительную перспективу) выбор надежной и достойной для прогрессивной страны «экологической ниши», обеспечивающей экономическое и политическое выживание государства при различных поворотах международной хозяйственной конъюнктуры и мировой политики. При этом необходимы: готовность к быстрому внесению существенных коррективов в собственную роль в международном разделении труда, умелое лавирование между коалициями различных держав, нахождение противоречий между их элитными группами, а также проведение принципиальной политики по отношению к народам всех стран и регионов мира, что в свою очередь даст основания рассчитывать на их поддержку.

Несмотря на переживаемые ныне социалистическим движением серьезные трудности, можно с уверенностью утверждать, что будущее обязательно даст нам новый ценный опыт прогрессивного некапиталистического развития.

ГЛАВА 2

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Предпосылки образования

Государство, переходное к социалистическому типу, возникает в результате национально-демократической или народно-демократической революции.

Обращая внимание на наличие в революции политических и социальных аспектов, К. Маркс подчеркивал, что революция — это «*ниспровержение существующей власти и разрушение старых отношений*» В. И. Ленин указывал, что «переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции*».

Образование революционно-демократического государства означает отстранение от власти реакционных слоев эксплуататорских классов и переход ее к блоку прогрессивных демократических сил — к революционному народу. Это политический аспект революции. С ним тесно связан аспект социальный — коренная перестройка старых общественных отношений, т. е. проведение как общедемократических, так и некоторых антикапиталистических, антиэксплуататорских — непосредственно социалистических преобразований.

Социальный характер революции, приводящей к образованию государства, переходного к социалистическому типу, зависит прежде всего от природы основных социальных противоречий и от соотношения классовых сил внутри революционного народа. Национально-демократическая революция решает задачи антифеодальных (в том числе направленных против патриархальных отношений), антилатифундистских, антиколониальных и антимонополистических преобразований. Народно-демократическая революция характеризуется тем, что в ней наряду с решением этих общедемократических задач значительный вес приоб-

ретают также и антикапиталистические, непосредственно социалистические преобразования.

Для осуществления национально-демократической или народно-демократической революции необходимы определенные объективные и субъективные предпосылки.

Объективные предпосылки. В экономической сфере — это противоречие между существующими производственными отношениями и потребностями прогрессивного развития производительных сил данной страны. В условиях неокapитализма данное противоречие принимает форму конфликта «между гигантски выросшими производительными силами и капиталистическими производственными отношениями»³.

В экономически слаборазвитых странах, реализующих ту или иную стратегию капиталистической модернизации, важнейшие элементы этого противоречия могут быть охарактеризованы как конфликт: а) между отсталыми (патриархальными, полуфеодальными и т. п.) производственными отношениями и настоятельной необходимостью развития производительных сил; б) между существующими внутри страны отношениями «зависимого» (от иностранных монополий) капитализма, а также несправедливым характером международного капиталистического разделения труда, навязываемого империализмом и транснациональными корпорациями, и необходимостью создания независимой национальной экономики.

В тех же странах, где предпринимаются попытки осуществить одну из реакционных (вследствие их противоположности по абсолютному большинству своих характеристик общей направленности исторического прогресса) казарменно-коммунистических утопий, важнейшими экономическими предпосылками установления революционно-демократической власти являются либо острый конфликт между относительно высоким уровнем развития производительных сил и их крайне неэффективным использованием, либо (при низком уровне развития производительных сил) — конфликт между потребностью в ускоренной модернизации, сбалансированном развитии экономики и неспособностью авторитарно-бюрократической системы решить эти задачи.

В социальной сфере к числу объективных предпосылок для осуществления национально-демократической или народно-демократической революции следует

отнести: а) противоречие между узким слоем реакционных эксплуататорских классов, с одной стороны, и трудящимися массами, а также относительно прогрессивными слоями эксплуататорских классов, с другой стороны; б) обусловленную наличием общих интересов возможность достижения (на более или менее продолжительный срок) компромисса между противостоящими реакционным классам социальными силами.

В странах неокapитализма усиливающиеся противоречия между монополистической буржуазией и всеми остальными слоями общества обуславливают возможность выработки компромиссной платформы антимонополистического единства. В экономически слаборазвитых странах и странах со средним уровнем развития капитализма существует объективная возможность создания широкого союза прогрессивных сил на платформе борьбы против внутренней реакции (феодалов, латифундистов, проимпериалистической бюрократии, компрадорской буржуазии), против империализма и транснациональных корпораций, эксплуатирующих трудящихся в мировом масштабе и подрывающих суверенитет независимых государств.

В странах, переживающих кризис казарменно-коммунистических моделей общественного устройства, предпосылки возникновения государства, переходного к социалистическому типу, обусловлены, с одной стороны, коренной противоположностью интересов немногочисленной элиты, монопольно владеющей практически абсолютной властью, и пользующейся всевозможными привилегиями, и интересов широких народных масс, подвергающихся различным формам эксплуатации и угнетения, а с другой стороны, — возможностью изоляции социальных слоев, ориентирующихся на переход к стратегии капиталистического развития.

Основными объективными предпосылками образования революционно-демократического государства в политической сфере являются: а) противоречие между антидемократическими политико-правовыми институтами эксплуататорских государств и демократическими устремлениями народа; б) противоречие между демократизмом формы и классовой ограниченностью институтов демократии эксплуататорского типа.

Объективные предпосылки образования революционно-демократического государства могут быть также разделены на внутренние и внешние. К числу внутрен-

них предпосылок (большинство из названных выше) относятся те, которые характеризуют состояние экономического базиса страны, ее социальных структур и политической надстройки.

Внешние предпосылки связаны с определенным состоянием системы международных отношений, в которой находится данная страна. Важнейшими внешними предпосылками национально-демократической или народно-демократической революции являются: а) противоречия между национальными интересами конкретной страны (национальными в смысле интересов широких народных масс) и международным империализмом; б) возможность опереться в деле созидания нового общества (в том числе и в борьбе с империализмом) на поддержку социалистических и революционно-демократических государств, других прогрессивных сил мира.

Субъективные предпосылки образования государства, переходного к социалистическому типу, проявляются в готовности и решимости революционных классов или их наиболее активных слоев к свержению существующего эксплуататорского режима и установлению власти революционного народа, в осознании революционными классами и их союзниками своих задач, их сплочении в организованную силу, руководимую революционной партией или организацией — политическим авангардом, вырабатывающим стратегию и тактику революционных преобразований⁴.

Важное теоретическое значение для правильного понимания соотношения объективных и субъективных предпосылок возникновения государства, переходного к социалистическому типу, имеют положения работ В. И. Ленина, посвященных анализу понятия «революционная ситуация» («революционный кризис») ⁵. «Для революции, — подчеркивал В. И. Ленин, — недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому» ⁶.

Революционная ситуация, предшествующая возникновению государства, переходного к социалистическому типу, может иметь не только полную, но и неполную форму. В неполной форме она бывает характерна для многих стран с низким уровнем социально-экономического и культурного развития (но не

только для них), в которых началом национально-демократической или народно-демократической революции служит военный переворот или иной насильственный захват власти, совершаемый относительно узкой группой революционеров. А. С. Шин указывает два основных внутренне противоречивых признака подобной революционной ситуации: а) «кризисные моменты в политике правящих кругов, в основе которых лежат уменьшение их возможностей для осуществления социального маневрирования..., их нежелание удовлетворить требования масс и в то же время отсутствие каких-либо видимых признаков кризиса «верхов»...»; б) «рост недовольства народных масс существующими условиями жизни, зарождение в среде передовой части народных масс антиправительственных настроений и готовности блокироваться с другими оппозиционными правительству силами и в то же время сохранение ими еще выжидательной позиции, отсутствие каких-либо массовых антиправительственных действий со стороны трудовых слоев, приводящих к захвату власти».

Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что если национально-демократическая революция в современную эпоху может привести к созданию революционно-демократического государства практически при любом уровне социально-экономического и культурного развития страны⁸, то для победы народно-демократической революции требуется наличие целого комплекса особых условий, при которых становится возможным выдвижение не только общедемократической, но и непосредственно социалистической программы.

Понятия «предпосылки образования» и «предпосылки успешного развития» революционно-демократического государства во многом близки, но, конечно же, не тождественны. Исторический опыт свидетельствует, что в некоторых случаях в конкретной стране может существовать достаточно объективных и субъективных предпосылок для победы национально-демократической революции в смысле создания революционно-демократического государства, но недостаточно — для победы революции с точки зрения достижения ею своих основных социальных целей. Во втором случае политическая победа революционных сил часто оказывается временной. В связи с этим очень важным представляется замечание А. В. Кивы

о соотношении внутренних и внешних предпосылок успешного развития революционно-демократического государства: чем ограниченнее внутренние предпосылки, тем большую компенсирующую роль должны играть предпосылки внешние¹⁰, т. е. тем большее значение имеет всесторонняя помощь данному государству со стороны других стран. Учитывая ограниченные возможности существующих ныне социалистических и революционно-демократических государств выполнять роль источника обширной, разнообразной и эффективной помощи¹⁰ сходным по своей социальной природе, но менее развитым или находящимся в более тяжелых условиях странам, на первый план в решении задачи сознательного формирования внешних предпосылок для успешного развития государства, переходного к социалистическому типу, выступает способность революционного руководства страны проводить хорошо продуманную политику, направленную на получение и максимально полное использование помощи от международного сообщества (международных организаций, высокоразвитых стран, иностранных хозяйственных и общественных организаций и всех иных сил, готовых оказывать помощь), а также поддерживать добрососедские отношения и развивать взаимовыгодное сотрудничество с различными странами, политическими и экономическими силами современного мира.

Формы возникновения

В марксистской литературе общепризнанным является выделение двух путей революции — мирного и немирного. Критерием подобной классификации служит соотношение форм классовой борьбы, используемых противоборствующими сторонами в период свержения старой (реакционной или консервативной) власти и утверждения новой революционной власти.

Для немирного пути (немирной формы) революции характерны наиболее острые формы классовой борьбы — гражданская война, партизанская борьба, баррикадные бои, столкновения между воинскими частями, поддерживающими революцию, и враждебными ей и т. п. В случае мирного пути (мирной формы) революции вооруженная борьба революционных и контрреволюционных сил практически отсутствует, классовая борьба идет в иных, менее острых формах.

Истории известны различные варианты немирного пути возникновения государства, переходного к социалистическому типу. Революционные силы могут завоевать политическую власть в результате: а) всенародного восстания; б) продолжительной партизанской войны, которая на заключительном этапе своего развития может перерасти в общенациональную гражданскую войну; в) военного переворота, совершаемого под руководством революционной партии или прогрессивной группы военных; г) успешного вооруженного выступления относительно немногочисленной группы революционеров, действия которой после свержения реакционного режима активно поддерживают широкие народные массы; д) вооруженного столкновения между сторонниками правого и левого крыла в рядах разнородного блока политических сил, держащих в своих руках государственную власть (не носящую еще революционно-демократического характера), и поражения правого крыла этого блока.

Необходимо учитывать также, с кем революционные силы вступают в вооруженную борьбу и в каких условиях: а) с местной реакцией (в условиях открытого антинародного авторитарного режима либо режима, в котором существуют определенные институты буржуазной демократии); с колонизаторами; с иностранными оккупантами и т. д.

В рамках реализации стратегии мирного пути формирования государства, переходного к социалистическому типу, революционный народ может взять политическую власть в свои руки в результате: а) победы революционно-демократических сил на всеобщих выборах (как при образовании нового государства в случае победы радикального по своим требованиям социалистически ориентированного национально-освободительного движения с использованием главным образом мирных средств борьбы, так и в условиях проведения традиционных выборов в независимом государстве с институционализированной конституционной представительной системой); б) эволюции в сторону восприятия социалистической (гуманной и демократической по своему содержанию) программы правящей партии или организации (например, группы военных), держащей в своих руках политическую власть; в) всеобщей забастовки и (или) иных массовых народных выступлений, приводящих к отставке реакционного или консервативного правительства и

образованию революционно-демократического правительства (не обязательно на парламентской основе); г) мирного упразднения (или постепенного вытеснения) органов власти, воплощающих диктатуру реакционных слоев общества, и взятия политической власти в руки уже созданных или создающихся органов, представляющих диктатуру революционного народа — советов, ревкомов и т. п. (при условии разрушения репрессивного аппарата антинародного режима).

Перечень указанных выше разновидностей мирных и немирных форм возникновения революционно-демократического государства не является исчерпывающим. Более того, отнесение тех или иных форм завоевания власти революционным народом к мирным или немирным является в значительной степени условным. Так, например, революционный военный переворот или вооруженный захват власти группой революционеров может быть не только формой немирного пути осуществления революции, но и мирного, что происходит в случае бескровного переворота при практически полном отсутствии сопротивления революционным силам со стороны органов и сторонников старой власти. Это нередко случается в условиях свержения прогнивших диктаторских режимов. И наоборот, такая мирная форма классовой борьбы, способная привести к краху антинародной диктатуры, как всеобщая забастовка, может сопровождаться кровопролитными столкновениями бастующих с верными правительству подразделениями полиции и армии. Как подчеркивает В. Е. Чиркин, «при оценке мирного и немирного пути возникновения революционно-демократического государства речь идет о преобладающей тенденции, которая пролагает себе дорогу в сложном переплетении других тенденций»¹².

В целом же надо отметить, что понятия «мирный» и «немирный» пути — это прежде всего общесоциологические категории, без которых не может обойтись юридическая наука. Однако используя эти категории, она должна их конкретизировать в соответствии со спецификой своего предмета исследования — государственных и правовых институтов. Как для политической практики, так и для теории государства и права важное значение имеет фактическое отношение революционных сил к проблемам сохранения легальности и обеспечения перехода к качественно новому режиму законности¹³, т. е. вопрос о способах легитимации ре-

волюционной власти (способах придания ей законного характера).

Принимая во внимание возможность в зависимости от конкретной обстановки различного фактического отношения революционных сил к действующей (дореволюционной) системе норм государственного права и в первую очередь — к ее процессуальной части, следует различать возникновение революционно-демократического государства: а) при ориентации революционного народа на использование старых норм, регулирующих учредительный процесс (процесс формирования органов государственной власти), т. е. без резкого разрыва (по форме, но не обязательно по содержанию) с прежним режимом законности; б) в условиях резкого разрыва со старыми нормами учредительного процесса, со старой законностью (если таковая существовала).

Для правильного уяснения данной проблемы очень важным с методологической точки зрения является высказывание В. И. Ленина о том, что социалистическая революция в России «могла бы, рассуждая чисто теоретически, беря вопрос абстрактно, произойти легально, если бы, например, Учредительное собрание, созданное буржуазией, дало большинство против нее, дало большинство партиям рабочих и беднейших крестьян»¹⁴.

Исторический опыт свидетельствует, что многие государства, переходные к социалистическому типу, возникают без нарушения действующих в данном обществе принципов легитимности (законности) государственной власти. Этот факт способствует привлечению на сторону народной революции значительной части мелкобуржуазных слоев, в среде которых сильны юридические иллюзии, проявляющиеся, в частности, в абсолютизации режима законности, в приверженности теории «правового континуитета» («правовой непрерывности»).

Следование новой революционной власти старым принципам легитимности не всегда означает приверженность революционных сил парламентской процедуре, институтам парламентаризма. Это лишь один из способов «легального» оформления революционно-демократического государства. Во многих эксплуататорских государствах действующие принципы легитимности существенно или в определенной степени отличаются от принципов буржуазного республикан-

ского парламентаризма. Среди прочих, это могут быть, например, монархические принципы в различных своих вариантах.

Так, революционно-демократическая власть может формально сохранить институты дуалистической монархии и в условиях отсутствия монарха (в результате отречения от престола, смерти или иных причин) образовать из представителей революционных сил регентский совет при малолетнем или ином недееспособном наследнике престола и на «законных» (с позиции старого права) основаниях сформировать правительство, ответственное перед регентским советом. Возможен также вариант, когда монарх, формально сохраняющий свой пост и после национально-демократической революции, оказывается вынужденным «привести к присяге» революционное правительство, которое не обязательно формируется на основании результатов всеобщих выборов.

Важным моментом, который необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о следовании революционной власти старым принципам легитимности, является различие критериев легитимности, провозглашавшихся старой властью, и критериев, господствующих в правовом сознании граждан (т. е. разделяемых большинством граждан государства). Это, в частности, ярко проявляется в том, что диктаторский антинародный режим, попирающий элементарные демократические права и свободы граждан, не проводящий выборов или превращающий их в фарс, рассматривается большинством граждан как незаконный, несмотря на то, что этот режим «теоретически обосновывает» свою легитимность. И наоборот, насильственное свержение этого режима оценивается гражданами как законное, как соответствующее принципам легитимности (даже исходя из буржуазно-демократических стандартов).

Кроме того, завоевание власти революционным народом может формально соответствовать старым образцам легитимности и в случае вооруженного отпора действиям реакции, грубо нарушающим демократические положения конституции. Примером может служить подавление попытки правого военного или иного государственного переворота. При этом основанная исключительно на формально-юридических критериях оценка революционно-демократической власти как полностью легитимной отнюдь не изменяется даже

при вполне вероятном в такой обстановке установлении чрезвычайной формы правления — создании органов временной революционной власти, существенно отличающихся от институтов, традиционно присущих конституционной представительной системе, и (или) введении соответствующих чрезвычайных методов осуществления власти. Ведь в старых, временно не отменяемых революционным народом конституциях и иных законодательных актах эксплуататорских (в том числе и типично буржуазно-демократических) государств обычно содержится целый комплекс норм, предусматривающих объявление военного или осадного положения в случае возникновения чрезвычайной обстановки. Использование этих положений революционно-демократической властью не нарушает провозглашаемых принципов легитимности.

В целом же категории «легитимная» и «нелегитимная» власть в период революции — это юридические иллюзии, ибо посредством их делается попытка оценивать с позиции старого, отжившего свой век, права качественно новые по своему социально-экономическому и политическому содержанию элементы государственно-правовой надстройки. Научный марксистско-ленинский подход к анализу закономерностей общественного развития и к оценкам отдельных социальных явлений свободен от всяких, в том числе и юридических, иллюзий. Марксисты всегда исходили из того, что коренным вопросом революции является вопрос о том, «в чьих руках в данный момент государственная власть»¹⁵, в чьих интересах и насколько эффективно эта власть осуществляется, каким социальным целям служит, против кого и чего направлена. Лишь это имеет принципиальное значение, а вопрос о форме юридического оформления государственной власти полностью ему подчинен и зависит от конкретных особенностей политической обстановки.

Вместе с тем необходимо учитывать, что в состав революционного народа входит не только политический авангард трудящихся, вооруженный научной идеологией. Нередко этот авангард бывает крайне немногочисленным. Прогрессивный демократический блок, осуществляющий политическое руководство обществом в государствах, переходных к социалистическому типу, не может не включать в себя представителей мелкобуржуазных или по-мелкобуржуазному

мыслящих слоев и групп трудящихся (в том числе и рабочих с неразвитым или недостаточно развитым классовым сознанием), а также сторонников чисто реформистской стратегии осуществления социалистических преобразований. Поэтому серьезное внимание к вопросу о «правовой почве революции» является одной из сторон учета иллюзий и предрассудков определенной части революционного народа и политически нейтральных слоев населения.

Помимо рассмотренных выше форм возникновения революционно-демократического государства (мирных и немирных, с использованием и без использования норм старого государственного права), можно на основании других критериев выделить и иные формы. Так, исходя из особенностей способа разрешения конфликта между реакционными слоями эксплуататорских классов и революционным народом следует различать образование революционно-демократического государства: а) в результате быстротечного разрешения этого конфликта (быстрой победы революционных сил как в немирной, так и в мирной форме) и б) в результате затяжной борьбы. В немирной форме затяжная борьба — это партизанская война, всеобщая гражданская война и т. п., в мирной — борьба в рамках государственных институтов и между различными государственными институтами.

При этом используемую в философской литературе категорию «скачок, происходящий путем взрыва»¹⁶, нельзя отождествлять с быстротечным разрешением классового конфликта, ибо «скачок со, взрывом» нередко охватывает довольно продолжительный промежуток времени. Только завершающаяся победой революционного народа относительно мирная классовая борьба внутри государственных институтов и между государственными институтами, находящимися в руках различных социальных и политических сил, может рассматриваться как проявление «скачка без взрыва» (от эксплуататорского типа государства к государству, переходному к социалистическому типу). Но и в этом случае обычно свойственная реформизму градуалистская трактовка преобразований не дает их полной объективной картины. Как отмечал Ю. А. Красин, революционный процесс всегда «носит дискретный характер, делится на этапы. Здесь нет сплошной постепенности, абсолютной непрерывности»¹⁷.

Приводящая к созданию революционно-демократического государства национально-демократическая «ли народно-демократическая революция при любых формах своего осуществления обязательно должна решить вопрос о власти. Власть революционного народа должна стать реальной властью (в отличие от власти формальной)¹⁸, для чего нужно изъять из-под контроля реакции реальные рычаги управления государством и обществом. Возникновение революционно-демократического государства всегда связано со сломом механизма диктатуры реакционных слоев эксплуататорских классов.

Основой же наиболее развитых, изощренных форм этого механизма является не только система органов, осуществляющих открытое подавление народных масс, но и определенная система социальных союзов, созданная господствующим классом¹⁹. Поэтому национально-демократическая или народно-демократическая революция обязательно предполагает разрушение не только репрессивных органов, используемых реакционными классами, но и системы искусственно создаваемых «правлящей элитой... вторичных союзов, на основе которых господствующий класс строит политику «национального консенсуса»...»²⁰. Революционно-демократическая власть создает (иногда не в ходе революционного переворота, а с некоторым «опозданием») систему широких социальных союзов среди революционного народа, обеспечивающих опору новой власти на народные массы, активное участие масс в управлении. Установление революционно-демократической власти всегда связано с началом проведения глубоких социально-экономических и политических преобразований.

Завершая рассмотрение данного вопроса, необходимо, во-первых, отметить, что основные формы возникновения революционно-демократического государства (способы завоевания революционным народом государственной власти) — мирные или немирные — зависят от соотношения классовых сил внутри каждой страны, на которое оказывают влияние и факторы международной жизни (место страны в системе международных отношений и общее состояние этой системы). Мирный путь завоевания государственной власти революционным народом является возможным в тех случаях, когда, с одной стороны, реакция не решается оказывать прогрессивным силам вооруженное сопро-

тивление или у нее полностью отсутствуют реальные средства для такого сопротивления, а с другой стороны, когда революционный народ не считает целесообразным прибегать к чрезвычайным методам подавления реакционных классов. Немирный путь становления революционно-демократической власти связан с упорным нежеланием реакции сдавать без вооруженной борьбы свои политические позиции, что заставляет революционные силы прибегнуть к наиболее острым формам ведения классовой борьбы.

И во-вторых, следует обратить внимание на то, что формы овладения государственной властью далеко не всегда соответствуют формам борьбы за ее удержание и укрепление. Как реакция, так и революционный народ в процессе развития революции могут неоднократно менять выбор средств и методов защиты своих классовых интересов, переходить от мирных средств борьбы к немирным, от легальных форм к внеправовым и наоборот.

Основные этапы развития

Существенное значение в познании как общих закономерностей перехода к социализму, так и особенностей проявления этих закономерностей в отдельных странах или группах стран имеет проведение научной периодизации развития революционно-демократического государства.

Прежде всего нужно исходить из того, что установление революционно-демократической власти «открывает многовариантную перспективу»²¹ и что осуществляемые этой властью прогрессивные преобразования во всех сферах общественной жизни не являются необратимыми²². При этом важнейшим положением методологического характера должно служить (с учетом уже отмечавшегося выше по вопросу о современном научном понимании диктатуры) высказывание В. И. Ленина о том, что революционно-демократическое государство «неизбежно временно» и представляет собой «либо переход к буржуазной диктатуре, к поражению пролетариата, либо к социалистической диктатуре»²³. В случае поражения прогрессивных сил на месте революционно-демократического государства возникает буржуазное или иное эксплуататорское государство. А при успешном развитии на-

родной революции государство, переходное к социалистическому типу, становится социалистическим.

Для проведения периодизации развития революционно-демократического государства может быть выбрано несколько критериев, каждый из которых в научных целях — для изучения определенной группы общих закономерностей возникновения и развития государств, переходных к социалистическому типу, вполне допустимо (и даже необходимо) применять отдельно. Однако для получения обобщающей картины процесса изменений, происходящих в конкретной стране, эти различные, но тесно связанные между собой критерии, должны быть взяты в комплексе.

В основу разделения единого процесса революционно-демократических преобразований на этапы могут быть положены особенности качественного состояния государства и общества с точки зрения: а) глубины социально-экономических, политических и иных преобразований, т. е. зрелости всех предпосылок для перехода к социализму* (сюда входит также и определение, кому принадлежит гегемония в политическом руководстве блока прогрессивных демократических сил и в обществе в целом); б) социальной стабильности общества и динамики его развития, что включает в себя выяснение степени контроля над институтами политической власти со стороны революционно-демократических сил и степени солидарности большинства политически активного населения с деятельностью революционного руководства (при этом выявляется общая линия развития революции); в) степени целостности революционно-демократической политической системы, зрелости механизма власти революционного народа и характера фактического и юридического оформления этой власти.

Выясняя степень зрелости всего комплекса предпосылок для перехода к построению социализма, целесообразно различать следующие этапы развития революционно-демократического государства:

* Именно на этом критерии основывается большинство периодизаций, имеющих в советской юридической, философской, экономической и исторической литературе (см.: Африка Страны социалистической ориентации в революционном процессе. М., 1984. С. 29—33; Государство социалистической ориентации. М., 1975. С. 43—47; Кива А. В. Страны социалистической ориентации... С. 71—78; Ли В. Ф. Социалистическая революция и власть в странах Востока. М., 1984. С. 33—37; Шин А. С. Указ. соч. С. 234—235).

1. Начальный этап. В этот период происходит свержение власти реакционного эксплуататорского меньшинства, формируются органы революционно-демократической власти, начинается процесс проведения коренных социально-экономических и иных преобразований.

В рамках данного и следующих за ним этапов могут быть выделены различные фазы, отражающие определенную глубину как политических, так и социально-экономических преобразований. При этом на отдельных фазах первого этапа, на всем этапе в целом и на конкретных фазах последующих этапов нередко проявляется явное несоответствие между глубиной осуществленных (или осуществляемых) политических и социально-экономических преобразований. А самое главное, нужно помнить «о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»²⁴. Иными словами, различные этапы или фазы того или иного этапа революционного процесса могут быть несколько сдвинуты по сравнению с любой разработанной «идеальной схемой», могут как бы накладываться друг на друга (тесно переплетаться) или даже вообще выпадать — полностью отсутствовать как самостоятельные этапы или фазы вследствие их сжатия в кратчайшие промежутки времени.

На начальном этапе существования революционно-демократического государства две неперменные составные части единого революционного процесса — коренная перестройка государственно-правовых институтов, с одной стороны, и изменение социально-экономических структур и политического сознания масс, с другой, часто оказываются достаточно, четко распределенными между следующими друг за другом фазами. Так, вначале могут быть сформированы органы революционно-демократической власти и лишь затем, уже в рамках новой фазы первого этапа, с некоторой «задержкой» (после укрепления этих новых органов) начинается процесс общедемократических, а вслед за ними (или наряду с ними) и определенных антикапиталистических, антиэксплуататорских социально-экономических преобразований.

В других же случаях ряд достаточно глубоких общедемократических социально-экономических преоб-

разований оказывается вынужденной провести под давлением народных масс еще не революционно-демократическая, а буржуазная или иная эксплуататорская по своей природе власть. Это создает условия для начала национально-демократической или народно-демократической революции с более высокого исходного рубежа. Кроме того, в процессе революционных преобразований может возникнуть значительный разрыв между глубиной изменений в экономике, осуществленных в результате непосредственных революционных действий народных масс (уровнем ее обобществления и подчинения контролю трудящихся), и характером государственной власти.

Иногда формирование органов революционной власти или преобразование существующих органов из буржуазных или иных эксплуататорских в революционно-демократические в результате их завоевания революционным народом идет параллельно с углублением процесса социально-экономических преобразований. Но очень часто в острое противоречие с прогрессивным преобразованием какой-либо части государственных институтов и социально-экономических структур общества вступает сохраняющееся неизменным чисто буржуазное (или иное эксплуататорское) содержание другой части институтов политической власти.

2. Этап углубления революционных преобразований, укрепления и дальнейшего развития революционно-демократической власти²⁵. В этот период механизм революционно-демократической диктатуры народа окончательно приобретает целостный характер, исчезают остатки органов власти, защищавших интересы реакционного эксплуататорского меньшинства, исчезает экономическая основа былого могущества реакционных слоев. При этом, если крупная частная собственность (иностранные монополии или крупные национальные частные предприятия) и сохраняется в силу тех или иных причин экономического или политического характера, то она подвергается строгому контролю как со стороны государства, т. е. революционного народа в целом, так и со стороны коллективов трудящихся, занятых на данном предприятии, и локальных территориальных коллективов — органов местного самоуправления.

Анализируемый второй этап может протекать в двух основных формах. Первая — оптимальная, когда происходит постоянное усиление антикапиталистиче-

ской, антиэксплуататорской направленности революции, а гегемония, которая на начальном этапе может принадлежать и мелкобуржуазным силам, переходит к носителям идеологии научного социализма. Революция, если она начиналась как национально-демократическая, перерастает в народно-демократическую революцию.

Вторая форма проявления данного этапа революционно-демократических преобразований характеризуется установлением и относительной стабилизацией или типично мелкобуржуазной системы органов политической власти и мелкобуржуазной экономической основы²⁵, или казарменно-коммунистической (псевдосоциалистической, псевдопролетарской) власти и соответствующей ей неэффективной директивной экономики. При таком состоянии государства и общества вскоре возникают значительные препятствия для дальнейшего успешного развития революции, появляются существенные деформации революционно-демократического государства, происходит перерождение классовой природы власти²⁷, результатом чего может явиться либо продолжительное сохранение «статус кво», либо вначале попятное движение (что становится содержанием третьего этапа революции), а затем и практически полная утрата революционных завоеваний.

Таким образом, у национально-демократической и народно-демократической революции в силу указанной выше причины, а также вследствие иных кризисных явлений в революционном руководстве и обществе в целом либо в результате агрессии извне может возникнуть период спада или общего кризиса. Наконец, революция может потерпеть поражение, не достигнув поставленных целей. Вместе с тем после временного спада революции вполне реальным является ее новый подъем, переход к более высокому этапу развития. А в случае поражения революции возможно осуществление новой революции, которая на этот раз может быть уже революцией более высокой по своей типологической принадлежности (например, после поражения национально-демократической революции новая революция может носить характер народно-демократической либо даже непосредственно социалистической).

3. Третий этап успешного развития революционно-демократического государства — **это этап перераста-**

ния народно-демократической революции в социалистическую, на котором завершается процесс создания основных предпосылок для установления власти социалистического типа. На этом последнем этапе развития революционно-демократического государства (за ним уже следуют различные этапы развития социалистического государства) руководящая политическая сила общества — вооруженная идеологией научного социализма партия (иногда — блок нескольких таких партий) выдвигает уже непосредственно социалистическую программу преобразований.

При наличии соответствующих объективных предпосылок, позволяющих приступить к реализации ряда задач социалистического строительства, переход к данному завершающему этапу революционно-демократических преобразований становится возможным в результате: а) мирного завоевания главенствующих позиций в прогрессивном демократическом блоке марксистско-ленинскими силами (проявлениями этого могут служить мирная эволюция правящей революционной демократии или коренное изменение соотношения сил в органах политической власти в пользу носителей идеологии научного социализма); б) насильственного свержения консервативного руководства революционной демократии или мелкобуржуазных сил демократического блока, которые ранее удерживали в своих руках политическую власть или занимали в органах власти доминирующие позиции; в) снятия правящей марксистско-ленинской партией временных ограничений на выдвижение непосредственно социалистической программы переустройства общества.

Данная обобщающая периодизация развития революционно-демократического государства, основанная на показателе зрелости важнейших предпосылок для перехода к социализму, частично учитывает и указывавшиеся выше два других критерия, каждый из которых может быть использован для проведения отдельной периодизации.

Имеются следующие возможные этапы в развитии революционно-демократического государства, в основе выделения которых лежит *показатель социальной стабильности и динамики развития общества*:

1. **Качественный скачок** в прогрессивном развитии общества в результате действий политически активной части народа, установления ею власти в интересах

абсолютного большинства. Это может происходить как в случае перехода власти из рук реакционного меньшинства в руки революционного народа, так и при ее переходе из рук одной, более умеренной фракции революционного народа в руки другой, более радикальной *.

2. Постепенное **расширение влияния революционно-демократической власти в массах** (расширение ее социальной базы), успешное движение революции вперед.

3. **Достижение консенсуса**²⁸, т. е. такого состояния общества, при котором абсолютное большинство населения сознательно воспринимает деятельность государственного руководства как направленную на защиту его интересов, солидаризируется с этой деятельностью, в государственном управлении доминируют методы убеждения, а не принуждения. Консенсус может складываться на любой из стадий революции. В частности, он, а не только действия политического авангарда народных масс, может служить основой для осуществления качественного скачка в прогрессивном развитии общества, в том числе и скачка, знаменующего переход власти из рук реакционного меньшинства в руки революционного народа.

Консенсус может формироваться на различной идейной и социально-классовой основе. Во-первых, на пролетарской основе или имеющей тенденцию к сближению с таковой. В этом случае обеспечиваются условия для успешного поступательного движения общества. Во-вторых, на мелкобуржуазной основе, в результате чего развитие революции замедляется, а нередко и вообще останавливается.

Консенсус далеко не всегда успевает сложиться в условиях революционно-демократического государства, а возникает уже на этапе социалистической революции либо же после краха революционных преобразований формируется на несоциалистической основе в рамках политической системы эксплуататорского типа.

* О степени радикализма и умеренности следует судить не по лозунгам, а по конкретным политическим шагам, различая при этом истинный, научно обоснованный радикализм, приводящий к поставленным гуманным и демократическим целям при использовании приемлемых для этого средств и исключении чрезмерных затрат, и авантюристический псевдорадикализм, вызывающий реакционные последствия.

4. **Временное сужение социальной базы революции**, осуществляемой в интересах народа, но еще не пользующейся полной сознательной поддержкой всех его основных слоев, углубление разрыва между действиями политического авангарда народа, постоянно подталкивающими революцию вперед, и реальным состоянием народных масс, их неподготовленностью к ускоренному развитию революции.

Методологической основой для правильной оценки данного этапа в развитии революционно-демократического государства является высказывание В. И. Ленина о том, что необходимо «трезво следить за действительным состоянием сознательности и подготовленности... всей трудящейся массы (а не только ее передовых людей)»²⁹.

5. **Установление «статус кво»** — временного политического равновесия, в условиях которого в большинстве сфер общественной жизни приостанавливается поступательное движение революции. Это может произойти, во-первых, в результате того, что при данном соотношении сил в стоящем у власти демократическом блоке его позитивный творческий потенциал оказывается исчерпанным и для дальнейшего продвижения революции требуется новый качественный сдвиг в соотношении политических сил в органах государственной власти в сторону усиления влияния сторонников идей гуманных, демократического (научного) социализма; во-вторых, вследствие отсутствия материальных и иных объективных условий для перехода революции к новому этапу (экономические трудности, переживаемые страной, разруха, идейно-политическая и общая культурная неподготовленность широких масс трудящихся к восприятию задач более высокого этапа революции и т. п.); в-третьих, ввиду такого обострения классовой борьбы с силами контрреволюции, при котором революционным силам необходимо временно приостановить наступление, закрепить достигнутое, возможно даже кое в чем сделать «шаг назад», чтобы подготовить условия для начала нового продвижения вперед³⁰.

6. **Медленное движение революции вспять**, эволюция политической власти вправо под напором консервативных сил, как входящих в демократический блок, так и находящихся вне его.

7. **Кризис власти**, возникающий в результате внутренних расколов в демократическом блоке и (или)

открытых действий контрреволюции и проявляющийся в постоянно усиливающейся неспособности государственных органов нормально осуществлять управление в центре и на местах одновременно либо на обширной территории страны.

8. **Качественный скачок назад** в развитии революционного процесса вследствие насильственного или мирного отстранения от власти наиболее радикальной фракции революционного народа и перехода власти к более умеренной политической группе, входящей в демократический блок. Это еще не поражение революции, а ее спад, это еще не победа контрреволюции, а лишь ступень на возможном пути к ней.

9. **Усиление деформаций революционно-демократической власти**, приводящее в конце концов к ее перерождению во власть эксплуататорского типа³¹, к утрате всех или основных революционных завоеваний народа.

10. **Контрреволюционный переворот** (в немирной или мирной форме), осуществляемый внешней или внутренней реакцией, либо переродившимися элементами из состава демократического блока.

В перечисленных выше условно выделяемых десяти возможных этапах в развитии революционно-демократического государства отражены далеко не все возможные варианты качественного состояния общества, состояния, определяемого исходя из критериев стабильности и динамики развития переходного общества, которому соответствует революционно-демократическое государство. При этом следует иметь в виду, что под стабильностью понимается не застывшее (стационарное), а относительно устойчивое состояние общества, обеспечивающее поддержание его способности к нормальному развитию в условиях более или менее слаженного функционирования государственного механизма и институтов политической власти в целом.

Не все из указанных вариантов качественного состояния общества представляют собой обязательные этапы в развитии революционно-демократического государства и соответствующего ему переходного общества. Некоторые из них являются взаимоисключающими. Одни из них возникают в условиях действия

благоприятных внутренних и внешних факторов, другие — преимущественно неблагоприятных. И наконец, нужно отметить, что данные условно выделенные этапы могут следовать в самых неожиданных сочетани-

ях — «накладываться» друг на друга, повторяться, чередоваться и т. д.

Проводя периодизацию развития революционно-демократического государства, основанную на *критерии целостности революционно-демократической политической системы, степени зрелости механизма власти революционного народа, характера фактического и юридического оформления этой власти*, необходимо исходить из того, что существование того или иного этапа порядка следования этапов друг за другом и т. п. обуславливаются прежде всего формой возникновения революционно-демократического государства и соотношением классовых и политических сил в данной стране на каждом конкретном историческом отрезке времени. В этих двух факторах в концентрированном виде отражается действие всех основных факторов общественной жизни.

Обобщение накопленного как успешного, так и негативного опыта развития существовавших ранее и существующих ныне революционно-демократических государств позволяет выделить и проанализировать следующие возможные этапы в их развитии.

1. **Этап зарождения элементов революционно-демократической власти** (или **подготовительный этап** ее формирования), в течение которого появляются лишь зачатки органов новой власти, государство же в целом остается государством эксплуататорского типа.

Данный этап может характеризоваться, во-первых, формированием институтов революционно-демократической власти на части территории страны в ходе национально-освободительной войны (т. е. войны против колонизаторов или оккупантов), народного восстания, партизанской войны против антинародного режима и т. д.³² Примерами здесь могут служить органы революционной власти в освобожденных районах Гвинеи-Бисау, Анголы, Мозамбика в период вооруженной борьбы народов португальских колоний в Африке за независимость.

Во-вторых, в ходе такого этапа могут возникнуть институты революционной власти (или их элементы) на всей территории страны (или ее части) при сохранении во всей стране или большей ее части единой системы органов государственной власти эксплуататорского типа, что представляет собой установление своеобразного состояния двоевластия или его элементов. Такое положение возникло в России после фев-

ральской революции 1917 г., когда Советы выступали в качестве органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а Временное правительство являлось органом власти буржуазного типа.

В-третьих, этап зарождения элементов революционно-демократической власти может выражаться в установлении после свержения антинародного диктаторского режима такой революционной власти, которая, хотя в целом и остается по своей классовой природе государственной властью эксплуататорского типа (политическая власть лишь переходит к более прогрессивным слоям эксплуататорских классов), но вместе с тем содержит отдельные элементы, способные стать основой или важной составной частью механизма революционно-демократического государства. Один из подобных примеров — взятие 25 апреля 1974 г. власти в Португалии Движением вооруженных сил (ДВС). В первые месяцы после свержения фашистской диктатуры в этой стране изменился лишь политический режим, но классовая природа власти до сентября 1974 г. оставалась прежней. В то же время ДВС представляло собой обладавшую реальной политической властью организацию, способную в случае устранения с руководящих постов в ней правых элементов превратиться в одну из важнейших составных частей механизма революционно-демократического государства. Впоследствии, с сентября 1974 г. по ноябрь 1975 г., такое государство в Португалии существовало.

2. **Начальный этап** формирования органов революционно-демократической государственной власти и упразднения органов политической власти реакционных слоев эксплуататорских классов. На этом этапе реальная власть в государстве в центре и на местах переходит к революционному народу. Но несмотря на то, что механизм старой власти оказывается разрушенным, система новых органов власти, образующих механизм государства переходного к социалистическому типу, находится лишь в начальной стадии формирования. Еще отсутствует достаточно разветвленная, иерархическая (т. е. обладающая элементами различных уровней), всеохватывающая структура органов государственной власти. Обычно имеются лишь высший орган, концентрирующий в своих руках реальную, основанную на силе власть, и отдельные

центральные специализированные органы управления.

На этом этапе у составных частей государственного механизма — органов власти всех уровней (центральных, региональных и местных) и их структурных подразделений обычно отсутствует четкая регламентация полномочий (многие органы власти бывают наделены чрезвычайными полномочиями), а иногда и распределение сфер деятельности. Нередко в государственном механизме нет среднего звена, объединяющего местные органы власти (часто неоднородные) в единую систему и подчиняющего их центру.

Существенна специфика правового регулирования на этом этапе. Старая конституция либо отменяется, либо фактически перестает действовать, вступает в силу временная конституция, которая необязательно представляет собой единый нормативный акт. Непосредственно волевые акты органов государственного управления (часто не оформленные документально) преобладают над методами правового регулирования общественных отношений, а в механизме правового регулирования на первый план во многих случаях выдвигаются индивидуальные, а не нормативные правовые акты.

На начальном этапе развития революционно-демократического государства в государственном аппарате (тех его элементах, которые были унаследованы от старого режима) сохраняются многочисленные очаги сопротивления реакционных сил. Эти очаги ликвидируются лишь на последующих этапах революции в результате чистки госаппарата, коренной перестройки его структуры и изменения принципов формирования и функционирования.

В этот период еще не сформирована новая политическая система общества. Часто она бывает представлена главным образом государственными органами и революционно-демократической партией (партиями) или организацией (организациями). При этом нередко отсутствует достаточно четкое разграничение организационных структур революционно-демократической партии или организации и создаваемых новых государственных институтов. Руководящий орган революционно-демократической партии (организации) или его ядро обычно превращается в высший орган государственной власти, а местные отделения этой партии (организации) играют роль местных органов власти.

Существенным фактором общественной жизни на данном этапе является сохранение многих элементов старой политической системы — различных партий, не стоящих на революционных позициях, несоциалистических по своей идейно-теоретической платформе и политической линии профсоюзов, других враждебных революции или нейтральных по отношению к ней общественных организаций, а зачастую и остатков сопротивляющегося окончательному установлению новой власти репрессивного аппарата старого государства — контрреволюционных воинских частей и военизированных формирований.

Основные черты рассматриваемого этапа в развитии революционно-демократического государства могут быть проанализированы на фактическом материале любой национально-демократической или народно-демократической революции, начало которой связано с резким разрывом с существовавшим ранее механизмом осуществления власти и со старой правовой системой. В качестве примеров, в частности, могут быть взяты Афганистан в 1978 г., Кампучия, Гренада и Никарагуа в 1979 г.

3. **Этап конституирования**³³ революционно-демократического государства. На данном этапе завершается организационное оформление нового государственного механизма, создается единая система центральных и местных органов власти, упорядочиваются их взаимоотношения — юридически закрепляются структура и компетенция каждого из органов государства и их структурных подразделений. В этот период широко вводится нормативное регулирование общественных отношений, индивидуальные правовые акты обычно основываются на действующих общих юридических нормах. Вместе с тем в условиях возможного на этом этапе крайнего обострения классовой борьбы могут иметь место и внеправовые (чрезвычайные) методы подавления контрреволюции.

На этапе конституирования революционно-демократической власти в условиях отказа от существовавших ранее основных принципов конституционного права чаще всего отсутствуют выборные центральные органы власти. В Кампучии, например, выборы в Национальное собрание были проведены через два года после победы народной революции — в 1981 г., в Никарагуа выборы президента и депутатов Национальной ассамблеи — через пять лет — в 1984 г. В то же

время нередко широкое распространение получают выборные органы народной инициативы — местные органы власти или органы контроля трудящихся на производстве. Правда, принципы их избрания могут существенно отличаться от традиционной парламентской процедуры. В частности, это может быть открытое, а не тайное голосование.

4. Этап **институционализации** революционно-демократического государства, т. е. формирования конституционной представительной системы. На этом этапе вместо временной вводится в действие постоянная конституция, проводятся выборы центральных и (или) местных органов власти (иногда центральные органы образуются путем не прямых выборов).

Юридически закрепляемый в результате институционализации механизм государства может обладать отдельными чертами временного устройства — в том случае, если постоянной конституцией предусматривается сохранение чрезвычайного органа власти (например, революционного совета). Так, например, на Мадагаскаре конституция 1975 г. закрепила не только создание избираемого «на основе всеобщего и прямого избирательного права» Национального народного собрания — «верховного представителя законодательной власти народа, но и существование Верховного революционного совета»³⁴.

В результате институционализации в некоторых случаях может быть юридически закреплена политическая система, включающая в себя лишь механизм власти революционного народа. При этом институты, противостоящие этому механизму и в свою очередь образующие механизм сопротивления реакционным слоям эксплуататорских классов, либо вообще отсутствуют, либо объявляются вне закона. Такая ситуация в 70-е—80-е годы была свойственна большинству революционно-демократических государств (Конго, Мадагаскару, НДРЙ, Анголе, Мозамбику, Кампучии и др.). В других же случаях закрепляемая конституцией политическая система включает в себя и ряд элементов механизма сопротивления эксплуататоров революционному народу (консервативные политические партии, объединения собственников промышленных предприятий и др.). Такое положение было закреплено, в частности, в Никарагуа конституцией 1987 г. Исчезновение данного компонента политической системы, имеющего явно выраженный антисоциа-

диетический характер, может произойти либо в рамках одного из этапов развития революционно-демократического государства при отказе революционных сил от стратегии институционального закрепления политического плюрализма *, либо уже в условиях высших стадий развития социалистического государства, когда перестает существовать экономическая основа сохранения эксплуататорских классов и, соответственно, — институтов, защищающих их интересы.

Формирование конституционной представительной системы в революционно-демократическом государстве отнюдь не исключает возможности возвращения к временным (чрезвычайным) формам и методам осуществления власти. Необходимость этого возникает в случае кризисной ситуации в стране либо вследствие осуществления насильственного (как правило, военного) переворота — перехода власти в руки одной из фракций революционного народа, более радикальной или более умеренной. Характерным примером в данном случае являются события ноября 1980 г. в Гвинее-Бисау, когда наиболее радикальные силы в правящей партии ПАИГК и среди военных свергли вставшего на консервативные позиции Президента Республики и вся полнота власти в стране перешла к новому, не предусмотренному конституцией чрезвычайному органу — Революционному совету.

После исчезновения причин, вызвавших необходимость введения чрезвычайных форм и методов осуществления власти, революционно-демократическое государство возвращается к конституционным формам и методам. Однако это может быть не простой возврат к старому, а создание новых организационных форм, закрепляемых новой конституцией. В Гвинее-Бисау, например, такие изменения произошли в мае 1984 г., когда Национальная народная ассамблея распустила Революционный совет, выполнивший свои функции, избрала Государственный совет и приняла новую конституцию³⁵.

В приведенной периодизации отражена примерная схема развития государства, переходного к социалистическому типу, в условиях резкого разрыва с существовавшим ранее механизмом осуществления власти

* Если же наряду с этим происходит отказ и от признания идеологического плюрализма, то неизбежным становится тоталитарное перерождение государства, застой и деградация в основных сферах общественной жизни.

и со старыми нормами конституционного права, т. е. с прежними принципами легитимности. В случае же, когда революционно-демократическая власть устанавливается при широком использовании «легальных» (с позиции старого права) средств, тогда революционный процесс с самого начала протекает в условиях существования конституционной представительной (т. е. институционализированной) системы. В этих условиях власть революционного народа с самого начала является не только революционной по содержанию, но и конституционной по своей форме. При этом принятие новой конституции или изменение положений старой и все вытекающие из этого иные перемены в политической и правовой надстройке и в обществе в целом происходят в основном в соответствии с установленной прежней конституцией процедурой. Так развивался революционный процесс в Чили в 1970—1973 гг., прерванный военным переворотом. На такую форму проведения революционных преобразований ориентируется большинство коммунистических и левосоциалистических партий, действующих в странах с буржуазно-демократическими режимами.

В то же время, оценивая перспективы подобного развития событий, нельзя забывать о том, что в этом случае отнюдь не исключается (а в определенных условиях и прямо предполагается) возможность того, что революционно-демократическое государство при необходимости прибегнет к чрезвычайным формам и методам осуществления власти (как в рамках конституции, так и выходя за них).

В целом же специфика революционного процесса в каждой конкретной стране — существование в ней тех или иных этапов и фаз, их особая последовательность и взаимное «наложение» — отражает богатство, разнообразие форм проявления общих закономерностей перехода от капитализма или иного эксплуататорского строя к социализму.

ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Задачи государства в политической, экономической, социальной, идеологической областях, в сфере национальных и международных отношений

Понятия «задача» и «цель» довольно близки, хотя и не тождественны. Задача — это «то, что требует исполнения, разрешения», а цель — это «то, к чему стремятся, что надо осуществить»¹. Предмет данного государствоведческого исследования позволяет абстрагироваться от имеющихся отличий в этих понятиях.

Задача (цель) государства в обществе с антагонистическими классами — это то, к чему стремится политически господствующий класс, то, чего ему необходимо достичь с помощью государственного механизма для удовлетворения своих интересов (осознанных потребностей).

Различаются стратегические — главные, конечные, обычно отдаленные, и тактические — промежуточные, текущие, рассчитанные на определенный исторический этап, задачи (цели)². Можно также говорить о целях-идеалах и целях-средствах для достижения этого идеала (т. е. стратегической цели).

Как уже отмечалось выше, в революционно-демократическом государстве нет какого-либо одного господствующего класса, а политическая власть находится в руках неоднородного блока прогрессивных (в данных условиях) сил. У представителей основных составных частей социальной базы государства, переходного к социалистическому типу, классовые интересы существенно отличаются. Вследствие этого, несмотря на наличие у всех членов блока прогрессивных демократических сил общечеловеческих интересов, единые стратегические цели у этих сил отсутствуют. Нет у них единообразного понимания социализма как определенной программы переустройства общества: у одних — это научное понимание; у других — содержащее значительные элементы социального утопизма;

третьими цель борьбы за социализм фактически не ставится, социализм трактуется ими как несколько реформированный капитализм, при котором государство обладает довольно развитыми социальными функциями. Поэтому единство блока прогрессивных сил на каждом из этапов развития революционно-демократического государства достигается прежде всего за счет согласования общих тактических (ближайших), а не стратегических целей в их полном объеме.

В революционно-демократическом государстве в качестве целей (задач), объединяющих разнородные социальные слои, выступают, во-первых, программы общедемократических преобразований: антимонополистических, антиимпериалистических, антифашистских, антифеодальных, антиколониальных, а также национальной консолидации; во-вторых, программа проведения некоторых начальных антикапиталистических, антиэксплуататорских, непосредственно социалистических, преобразований, с большей частью которых, однако, не могут солидаризироваться буржуазно-демократические слои.

Классификацию основных задач революционно-демократического государства целесообразно проводить применительно к следующим сферам: политической — касающейся организации и функционирования политической власти (политико-правовой надстройки); экономической — относящейся к организации хозяйственной жизни общества — развитию производительных сил и производственных отношений; социальной — характеризующей положение классов и социальных групп в обществе; идеологической (культурной) — затрагивающей проблемы общей грамотности и идейных позиций населения; национальных отношений, т. е. взаимоотношений наций и народностей внутри данной страны; международных отношений, т. е. связей с другими странами.³

В каждой из указанных областей среди задач могут быть выделены: разрушительные (деструктивные) — направленные на упразднение старого; стабилизирующие — предусматривающие сохранение существующего, достижение устойчивого состояния сложившихся отношений; созидательные (конструктивные) — направленные на создание нового, отличного от имеющегося в данный момент.

Главная задача государства, переходного к социалистическому типу, в *политической сфере* — закрепле-

ние прогрессивных изменений в социальной природе политической власти и формирование политико-правовых институтов, способных служить орудием сознательного создания предпосылок для перехода к коммунистическому типу развития. Данная задача конкретизируется следующим образом:

- отстранение от власти реакционных сил;
- слом реакционной государственной машины;
- упразднение реакционной правовой системы;
- расширение реального участия народных масс в управлении государственными и общественными делами;
- предотвращение перерождения революционно-демократической власти во власть эксплуататорского типа;
- создание и укрепление нового демократического государственного механизма;
- формирование новой демократической системы права.

Стратегическими задачами революционно-демократического государства в *экономической области* являются: постепенное вытеснение эксплуататорских производственных отношений и замена их социалистическими, подготовка условий для ликвидации эксплуатации человека человеком; максимальное развитие производительных сил; сведение к минимуму загрязнения или иного негативного изменения окружающей природной среды в результате хозяйственной деятельности. Применительно к той или иной стране (в зависимости от особенностей ее экономического развития) эти задачи могут быть уточнены следующим образом:

устранение экономически и политически опасных форм господства иностранного капитала (транснациональных корпораций) и национальных монополий;

ликвидация докапиталистических производственных отношений (феодалных, полуфеодалных и патриархальных);

создание, расширение и обеспечение эффективного функционирования демократически управляемого общественного сектора экономики;

широкое внедрение в производство и сферу обслуживания достижений научно-технического прогресса, развитие отечественной науки;

нахождение и поддержание соответствующих потребностям экономического развития и особенностям

политической обстановки в стране форм конструктивных взаимоотношений с частным национальным и иностранным капиталом;

мобилизация и рациональное использование материальных (в том числе и природных) ресурсов общества, его интеллектуального потенциала;

содействие равномерному экономическому развитию всех регионов и местностей страны.

Основные задачи государства, переходного к социалистическому типу, в *социальной сфере* — это:

обеспечение сужения социальной базы реакционных сил, нейтрализации и постепенного перехода на сторону революционного народа колеблющихся элементов, расширения и укрепления социальной базы национально-демократической (народно-демократической) революции (для слаборазвитых стран это предполагает также создание собственного рабочего класса, его численный и качественный рост);

совершенствование распределительных отношений в соответствии с революционно-демократическим принципом социальной справедливости, установление системы строгого налогового контроля за доходами всех слоев населения;

обеспечение бесперебойного снабжения населения жизненно необходимыми продовольственными и промышленными товарами, услугами;

создание достойных трудящегося человека условий труда, быта, отдыха, развитие жилищного строительства, системы здравоохранения, коммунальных служб, физической культуры, спорта и т. д., обеспечение постоянного повышения уровня народного благосостояния;

развитие системы профессионального образования;

борьба за достижение фактического равноправия женщин и мужчин, активизация участия женщин в общественной жизни;

участие в воспитании детей и содействие в укреплении семьи;

обеспечение возможностей удовлетворения общественно значимых интересов трудящейся и учащейся молодежи;

материальная поддержка лиц пожилого возраста, а также потерявших трудоспособность (инвалидов, больных), безработных и всех, испытывающих по независящим от них причинам материальную нужду (лиц с крайне низким уровнем доходов или лишив-

шихся средств к существованию в результате стихийных бедствий);

содействие выравниванию социальных условий жизни населения в различных регионах и местностях страны (при обязательной ориентации на достижение максимально высокого уровня жизни).

В *сфере идеологии (культуры)* важнейшими задачами революционно-демократического государства являются:

повышение общего культурного уровня населения, что обычно (особенно в экономически слаборазвитых странах) включает в себя и ликвидацию неграмотности;

выработка и содействие усвоению трудящимися новой шкалы духовных и материальных ценностей (коллективистских, а не индивидуалистских);

борьба с реакционными и консервативными обычаями, традициями, негативными образцами поведения, в том числе с местнической и ведомственной психологией, с бюрократическим и элитарно-патерналистическим стилем общения;

борьба против буржуазной идеологии, пропаганда социалистических идей — научного социализма или иных концепций стоящих у власти революционно-демократических сил.

Среди задач государства, переходного к социалистическому типу, в *области национальных отношений* следует указать:

уничтожение расовой, национальной, языковой дискриминации;

поддержание отношений дружбы и сотрудничества между всеми нациями и народностями, населяющими данную страну, создание условий для успешного развития всех национальных групп населения, для сохранения ими своей культуры (в том числе и языка) и овладения языком межнационального общения (это относится к странам со сложным этническим составом населения);

воспитание народа в духе патриотизма и интернационализма;

обеспечение национальной консолидации (в частности, формирования единой нации из нескольких народностей в странах с незавершенным процессом образования наций).

К важнейшим задачам революционно-демократи-

ческого государства в *сфере международных отношений* относятся:

обеспечение безопасности страны от агрессии извне;

развитие взаимовыгодного экономического, политического, культурного и иного сотрудничества со всеми странами, соблюдающими принципы международного права, обеспечение достойного места своей страны в мировом сообществе, в том числе и в системе международных экономических отношений;

поддержка в меру своих возможностей прогрессивных сил во всем мире — социалистических и революционно-демократических государств, международного рабочего, национально-освободительного и общедемократического движения и опора на их помощь;

содействие прогрессивной перестройке международных отношений, укрепление всеобщего мира и международной безопасности.

Понятие функций государства и принципы их классификации

Функции государства — это главные направления его деятельности по осуществлению своих задач. В функциях революционно-демократического государства находят выражение его социальная природа и назначение как важнейшего элемента политической надстройки, переходной к социалистическому типу. Поэтому функции революционно-демократического государства можно определить как основные направления его деятельности по созданию в обществе всего комплекса предпосылок, необходимых для перехода к строительству социализма.

Касаясь проблемы соотношения понятий «задачи» и «функции» государства, следует отметить, что та или иная задача может решаться посредством реализации нескольких функций государства и, наоборот, одна функция может быть рассчитана на достижение ряда задач.

Существуют различные критерии (основания) классификации функций государства. Так, исходя из критерия *сферы деятельности* государства (внутри страны или за ее пределами), функции подразделяются на внутренние и внешние. В зависимости от *исторических рамок (продолжительности)* осуществления

определенной деятельности государства выделяются его постоянные и временные функции.

Учитывая *социальное содержание* государственной деятельности, целесообразно разграничивать функции общесоциальные (общих дел) и сугубо классовые³. К. Маркс, в частности, подчеркивал, что «выполнение общих дел» вытекает «из природы всякого общества»⁴.

Кроме того, по признаку *соответствия конкретной деятельности государства его стратегическим установкам* различаются функции открытые — публично признаваемые и намеренно осуществляемые — и латентные⁵, возникающие в противоречии с конечными целевыми установками существующей государственной власти, нередко даже независимо от ее желания и вопреки ему.

Основными методами осуществления функций государства являются принуждение, убеждение и поощрение (стимулирование)⁶, а важнейшими формами осуществления функций — правовые, т. е. связанные с деятельностью государства по созданию или санкционированию социальных норм, применению норм права и их защите от возможных или уже имеющих место нарушений, и неправовые — проявляющиеся в непосредственных волевых актах государства, юридически не закрепляемых. При этом среди правовых форм обычно выделяют: правотворческую, правоисполнительную и правоохранительную, или правообеспечительную, связанную с отправлением правосудия и контрольно-надзорной деятельностью⁷.

Внутренние функции

В советской юридической литературе предложен ряд схем изложения внутренних функций революционно-демократического государства⁸. С учетом как положительных сторон, так и недостатков имеющихся классификаций, но не вводя при этом всего комплекса указанных выше критериев выделения основных направлений деятельности государства, можно ограничиться перечислением следующих важнейших внутренних функций государства, переходного к социалистическому типу:

разработка программ прогрессивного развития страны (и всех ее регионов) во всех сферах общест-

венной жизни, обеспечение своевременного сбора, обработки и передачи информации о состоянии общества, необходимой для принятия эффективных управленческих решений;

формирование и развитие организационных структур, обеспечивающих сохранение и упрочение единства всех прогрессивных сил страны, постоянное расширение контроля народных масс над общественной и государственной жизнью, мобилизацию народа на решение задач революционного переустройства общества;

защита революционно-демократического общественного и государственного строя, законных прав и интересов всех слоев населения страны, поддержание общественного порядка, регулирование деятельности партий, профсоюзов и иных общественных организаций, оказание поддержки прогрессивным общественным организациям;

подавление реакционных слоев эксплуататорских классов, всех контрреволюционных выступлений, создающих реальную угрозу революционно-демократическому общественному и государственному строю; упразднение или постепенное вытеснение остатков реакционных или консервативных общественно-политических институтов;

создание и обеспечение эффективного функционирования механизма подготовки и выдвижения на руководящие посты преданных революционным идеалам, бескорыстных, квалифицированных, демократичных кадров и механизма пресечения бюрократических тенденций в государственном аппарате и его очищения от враждебных революции или чуждых ей по духу и некомпетентных работников;

руководство хозяйственно-экономической жизнью страны — управление финансовой (в том числе налоговой) деятельностью, государственным сектором экономики и смешанными предприятиями с преимущественным участием государственного капитала; развитие и поддержание в действующем состоянии хозяйственной инфраструктуры страны — транспортной сети, системы энергоснабжения, информационных систем и т. д.;

содействие кооперативному движению;

контроль за деятельностью частного национально-го и иностранного капитала;

помощь работникам, занимающимся индивидуаль-

ной трудовой деятельностью, с целью их наиболее эффективного включения в механизм общественно полезной хозяйственной деятельности;

содействие развитию научных исследований и внедрению их результатов в практику, пропаганде научных знаний, сохранению и укреплению научного потенциала страны;

охрана окружающей среды, осуществление санитарного надзора, борьба со стихийными бедствиями;

регулирование меры труда и меры потребления в соответствии с революционно-демократическим принципом социальной справедливости;

развитие и поддержание системы снабжения населения необходимыми продовольственными и промышленными товарами, системы социального обеспечения, здравоохранения, жилищного строительства, коммунального хозяйства, бытовых услуг, трудоустройства, детских дошкольных заведений, культурно-массовых, спортивных учреждений и т. д.;

развитие и поддержание системы просвещения, профессионального, среднего и высшего специального образования, переподготовки и повышения квалификации кадров;

своевременное информирование населения о происходящих в стране и в мире в целом событиях; осуществление в той или иной форме контроля за деятельностью средств массовой информации; развитие сети политической учебы населения;

содействие сохранению и развитию национальной культуры, ознакомлению населения с культурой других народов и усвоению достижений мировой культуры.

Необходимо учитывать, что существуют определенные различия в системе функций тех или иных разновидностей революционно-демократического государства. В частности, конкретные функции имеют неодинаковый вес в общем объеме государственной деятельности в зависимости от особенностей данной страны (уровня ее социально-экономического развития, этапа революционных преобразований и т. д.), от политической обстановки в ней. Так, на начальных этапах развития революционно-демократического государства (особенно в экономически слаборазвитых странах) некоторые из его функций могут находиться лишь в зачаточном состоянии либо вообще практически отсутствовать.

В условиях чрезвычайной обстановки — гражданской войны, иностранной интервенции, внутреннего кризиса, крайнего истощения или общей скудности материальных ресурсов страны, как правило, происходит резкое изменение (по сравнению с нормальной, благоприятной обстановкой) в соотношении между различными функциями революционно-демократического государства. На первый план выдвигаются одна или несколько функций, в то же время многие другие осуществляются в ограниченном объеме или в значительно видоизмененной форме. Некоторые из декларируемых функций могут приобретать черты целевых установок.

В чрезвычайной или близкой к ней по своему содержанию обстановке не исключено временное появление и латентных функций революционно-демократического государства. Так, условия гражданской войны или иного обострения политической борьбы могут потребовать предельного ограничения активности всех политических сил, установки которых отличаются от политической платформы стоящего у власти прогрессивного блока или способны нанести ущерб его единству. Тем самым возникает латентная функция подавления практически всякой действительной или мнимой политической оппозиции, вследствие чего ограничиваются демократические процедуры выработки и принятия государственных решений.

Чрезмерные экономические требования (не соответствующие состоянию хозяйственного механизма страны и потребностям его развития) части трудящихся — их наименее сознательных слоев, стоящих на позициях группового эгоизма, могут вызвать к жизни вынужденную деятельность революционно-демократического государства, направленную на противодействие подобного рода невыполнимым или губительным для революции (не только для экономики) требованиям.

Кроме того, ограниченность и (или) необходимость мобилизации ресурсов революционно-демократического государства часто требуют от него существенного видоизменения функции регулирования меры труда и меры потребления. В результате этого данная государственная деятельность приобретает черты функции максимального ограничения размеров потребления всех основных слоев населения и обеспечения их лишь предметами первой необходимости. Революционно-де-

мократическое государство, организуя в ряде случаев хозяйственные или оборонные работы, также нередко осуществляет деятельность, связанную с противодействием активному или пассивному сопротивлению мобилизационным мероприятиям со стороны части населения (причем не только реакционных слоев эксплуататорских классов). Иными словами, революционно-демократическая власть бывает вынуждена использовать внеэкономические, в том числе и принудительные, методы для привлечения населения к хозяйственной и оборонной работе, к мероприятиям по охране окружающей среды или по борьбе со стихийными бедствиями.

Учитывая отличие понятий «функция государства» и «функция органа государства», следует подчеркнуть, что функции государства обычно осуществляются посредством деятельности его органов. Однако революционно-демократическому государству зачастую приходится выполнять свои функции, не имея всех необходимых для этого демократических институтов¹⁰. Поэтому некоторые органы государства, переходного к социалистическому типу, наделяются не свойственными им по общему правилу (т. е. применительно к нормальной, стабильной обстановке) функциями.

Иногда те или иные функции революционно-демократического государства принимают на себя другие элементы политической системы (прежде всего правящая партия)¹¹. Это объясняется необходимостью восполнения имеющихся пробелов в структуре государственного механизма в условиях, когда функции, которые должны были бы выполнять недостающие звенья этого механизма, не могут не осуществляться. Помимо организационной слабости государственного аппарата, причинами такой подмены его функций деятельностью других элементов политической системы является и недоверие руководства правящего прогрессивного блока государственным чиновникам, стремление создать дополнительные внесударственные рычаги контроля над ними в условиях, когда в самом государственном механизме явно недостаточно инструментов борьбы с бюрократизмом, отрывом государственного аппарата от масс, уклонением от следования целям революции, когда государственный аппарат в своей значительной части представлен либо кадрами с низким профессиональным уровнем подготовки, ли-

бо персоналом и структурами, унаследованными от прежнего режима или сформированными в соответствии со старыми образцами.

Это также может быть следствием обоснованного или не в полной мере обоснованного сомнения политического руководства страны в уровне революционной сознательности масс, в их способности самостоятельно формировать государственные органы и контролировать их деятельность.

Расширение общественного контроля за деятельностью государственного аппарата, переход ряда традиционных функций государства к массовым общественным организациям — это перспективное направление прогрессивных преобразований в политической сфере. «Обратное поглощение государственной власти обществом»¹² может начаться еще в рамках революционно-демократической политической системы и углубляться уже в ходе социалистического строительства. Подмена функций органов революционно-демократического государства деятельностью общественных органов (таких органов народной инициативы, как комитеты защиты революции, рабочий контроль на предприятиях, комиссии жильцов и т. д.) может быть проявлением первого шага на этом пути. В то же время приказные методы руководства и чисто административные формы контроля за деятельностью государственного аппарата со стороны революционно-демократической партии (организации), связанные с подменой функций государственных органов деятельностью партийных органов, должны быть лишь временными и вынужденными (в силу специфики конкретной политической обстановки) методами и формами осуществления функций революционно-демократического государства, преследующими цель в чрезвычайно сложных условиях борьбы за социалистическую перспективу гарантировать неизбежность осуществленных прогрессивных преобразований и верность государства революционному курсу.

Как временные организационные формы осуществления функций революционно-демократического государства, так и его латентные функции, определяемые теми или иными особенностями обстановки в стране, не должны возводиться в абсолют, превращаться в самоцель. Необходимо, чтобы и политическое руководство, и широкие народные массы могли четко различать конкретную экстраординарную ситуацию и

нормальное функционирование государственного механизма и политической системы в целом в обычных (не чрезвычайных) условиях существования революционно-демократического государства. Нельзя даже на время упускать из виду стратегические целевые установки и подменять их тактическими. Вместе с тем следует избегать и ошибки противоположного характера — ссылаясь лишь на стратегические цели и игнорируя цели промежуточные (настоятельно необходимые для достижения первых), абсолютизировать средства и методы деятельности, пригодные лишь для оптимальных условий, с которыми далеко не всегда приходится сталкиваться революционной властью.

Обоснованное недоверие политического руководства революционно-демократического государства и народных масс к государственному аппарату (в значительной своей части враждебного революции либо безразличного к ее целям, или же располагающего недостаточно компетентными кадрами) должно постепенно исчезнуть. Важнейшей предпосылкой этого является, во-первых, демократизация государственного аппарата — его приближение к массам, замена всех функционеров, показавших свою профессиональную непригодность или не желающих сотрудничать с новой властью, преданными революции квалифицированными кадрами, создание и введение в действие системы указывавшихся основоположниками марксизма-ленинизма средств, направленных на то, чтобы обеспечить народные массы «против своих собственных депутатов и чиновников», чтобы не допустить «превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом»¹⁵; во-вторых (и это главное), глубокие, необратимые социально-экономические и культурные преобразования в обществе, избравшем социалистическую перспективу развития.

Если же в революционно-демократическом государстве сохраняется необходимость использования в целом неадекватных средств для достижения стратегических целей, но вместе с тем являющихся непременным условием решения ряда промежуточных (тактических) задач, то перед революционным руководством часто возникает реальная угроза встать на позиции не критического отношения к существующим государственным институтам, формам и методам их

деятельности. В результате этого утрачиваются или резко ограничиваются возможности государства к постоянному обновлению, к быстрому и гибкому реагированию на изменение внутренней и внешней обстановки. С этим сопряжена и иная опасность для революционно-демократического государства — возможность неконтролируемого разрастания бюрократических тенденций, коррупции, буржуазного перерождения значительной части государственного аппарата различных эшелонов власти¹⁶, появления чуждых революционно-демократическому государству функций (например, подавления самостоятельной активности трудящихся, репрессий против авангарда рабочего класса¹⁷) и превращения их в постоянные.

Такое негативное развитие событий приводит к стагнации революционно-демократических институтов власти, подготавливает почву для открытого контрреволюционного переворота или для постепенного перерождения прогрессивного государства в государство эксплуататорского типа. Поэтому правильная, научно обоснованная политика авангарда национально-демократической или народно-демократической революции должна быть направлена на предотвращение подобных крайне вредных явлений.

В рамках данной работы не представляется возможным раскрыть вопрос о перерастании в процессе углубления революционных преобразований общества внутренних функций революционно-демократического государства в функции социалистического государства и показать, какие из них при этом исчезают (и при каких условиях), какие — видоизменяются (и как), какие новые функции возникают. Это предмет отдельного исследования.

Внешние функции

Основываясь на традиционной для советской юридической науки трактовке внешних функций государства¹⁸, как правило, выделяются следующие основные внешние функции революционно-демократического государства: «1) оборона страны от нападения извне, 2) сотрудничество... со странами, ведущими борьбу против империализма, феодализма, колониализма и неоколониализма, прежде всего с государствами социалистического содружества, 3) борьба за мир, мир-

ное сосуществование стран с различными системами, разрядку международной напряженности»¹⁷.

Однако, учитывая ряд важных факторов, такой подход требует существенных уточнений. Так, все более усложняющаяся структура современного мира не позволяет ограничиться простой констатацией его раздела на две противоположные социально-экономические системы и указанием на наличие группы стран, еще не определившихся в выборе пути развития. Явным упрощением действительности была бы классификация функций революционно-демократического государства, основанная на простом противопоставлении характера международных связей в зависимости от того, приверженность какому политическому курсу официально декларируется в той или иной стране-партнере.

Практика показывает, что народы экономически слаборазвитых стран, избравших социалистическую ориентацию, до сих пор не могут в полной мере рассчитывать на действенную помощь со стороны рабочего класса (и всех трудящихся) развитых стран, во-первых, потому, что развитие абсолютного большинства капиталистических стран пошло иначе, чем это представляли себе основоположники марксизма-ленинизма, — там не произошли победоносные пролетарские революции, а буржуазия довольно хорошо смогла приспособиться к изменившейся обстановке в мире; во-вторых, потому, что страны, в которых были осуществлены пролетарские политические революции, на том или ином этапе их развития — оказались в плену деформированных моделей социализма — малопривлекательных в политическом, социальном и культурном отношении, экономически неэффективных, неспособных к быстрому восприятию достижений современной технологической революции. В этих странах выдвигались и реализовывались во многом ошибочные, несостоятельные концепции международных связей (в том числе экономической и политической интеграции стран, ставящих цель построения социализма).

Вследствие этих и ряда других причин (в частности, нынешнего кризисного состояния социалистического движения в целом) революционно-демократическим государствам в ближайшее время вряд ли придется надеяться на достаточно большой объем эффективной и разносторонней помощи со стороны

других родственных им по своей социальной природе и политической ориентации государств. Перед каждой страной, целенаправленно создающей предпосылки для проведения социалистических преобразований, очень остро стоят задачи как наиболее полного и одновременно экономного использования своих внутренних ресурсов для ускоренного и сбалансированного развития*, так и максимальной диверсификации внешних связей (т. е. расширения числа разнообразных партнеров по сотрудничеству). Необходимо в полной мере использовать возможности получения помощи от всех, кто готов ее оказывать, поддержания взаимовыгодных отношений со всеми, кто не намерен (хотя бы применительно к определенным сферам общественной жизни) открыто мешать осуществлению проводимого или подготавливаемого социалистического эксперимента.

Кроме того, следует учитывать, что нередко революционно-демократические государства вынуждены стремиться к установлению партнерских отношений с ярыми противниками своего общественного и политического строя. Характерным примером этого является заключение в 1984 г. договора Нкомати между Мозамбиком и ЮАР и соглашения в Лусаке между Анголой и ЮАР¹⁸. А в конце 40-х — первой половине 50-х годов Югославии, практически полностью изолированной от СССР и стран народной демократии в результате бесцеремонной гегемонистской политики сталинского руководства Советского Союза, приходилось в реализации собственной стратегии социалистического развития во многом опираться на военное и экономическое сотрудничество с капиталистическими странами**.

И наконец, говоря о внешних функциях государства, переходного к социалистическому типу, нельзя их смешивать с задачами этого государства в сфере международных отношений. Многие из данных задач ре-

* Решение этой задачи ни в коем случае не должно превращаться в реализацию реакционной по своей сути идеи создания автаркического хозяйства, самоизолированного локального сообщества.

** Правительства западноевропейских стран и США, конечно же, не приветствовали социалистических преобразований в Югославии, но были вынуждены в определенной мере содействовать им, видя главную свою задачу в укреплении противников Сталина и одновременно с этим — в сохранении раскола в коммунистическом движении.

шаются посредством осуществления внутренних функций государства. Так, например, проведение комплекса оборонных мероприятий внутри страны*, т. е. типично внутригосударственная деятельность, преследует цель предотвратить негативное для себя изменение международных отношений. И наоборот, задачи, относящиеся к внутригосударственной сфере (развитие экономики, системы здравоохранения, образования, охраны окружающей среды и т. д.) реализуются также за счет установления и поддержания тех или иных связей с другими странами (в том числе с иностранными организациями и физическими лицами). А. В. Сурилов справедливо отмечает, что «фактически любая функция государства характеризуется и внутренним, и внешнеполитическим аспектом»¹⁹.

Основой для классификации внешних функций революционно-демократического (как и любого иного) государства могут служить разнообразные критерии.

Исходя из *содержания внешних связей*, различают: политические (включая военные), экономические, экологические, гуманитарные²⁰ и иные функции.

Принимая во внимание *юридическую природу партнеров по внешним связям*, выделяют функции государства, направленные на поддержание взаимоотношений: со всем международным сообществом в целом; с другими государствами и союзами государств; с нациями, борющимися за свое освобождение (национально-освободительными движениями); с международными межправительственными организациями; с международными неправительственными организациями; с иностранными общественными организациями (партиями, профсоюзами, массовыми общественными движениями, молодежными, женскими организациями, религиозными и иными объединениями); с иностранными (в том числе транснациональными) хозяйственными организациями; с индивидами, не являющимися гражданами данного государства.

В зависимости от *социальной природы государств — партнеров* по внешним связям функции подразделяются на деятельность по поддержанию контактов: с социалистическими странами; со страна-

ми, идущими по пути некапиталистического развития; со странами, ориентирующимися на построение капиталистического общества; со странами, оказавшимися на пути регрессивной социальной эволюции или находящимися в состоянии стагнации консервативных и реакционных социально-экономических структур.

Учитывая иные особенности государств — партнеров по международным связям, могут быть предложены и другие классификации внешних функций революционно-демократического государства. Так, следует различать деятельность по поддержанию контактов с великими державами, средними и малыми странами (критерий — *экономический и политический вес* страны в мире); с высокоразвитыми, среднеразвитыми и слаборазвитыми странами (основание классификации — *уровень экономического развития*); с ведущими активную внешнюю политику или находящимися в состоянии самоизоляции либо подвергающимися изоляции, блокаде со стороны соседних государств или международного сообщества в целом (критерий — *интенсивность связей* с международным сообществом); с миролюбивыми государствами или с агрессивными либо потенциально опасными в силу склонности к проявлениям гегемонизма, к вмешательству во внутренние дела других стран, к навязыванию своей идеологии, политического и социально-экономического строя или из-за выдвижения претензий на чужую территорию и т. п. (основание классификации — *фактическое отношение к общепризнанным нормам международного права*); с нейтральными и неприсоединившимися государствами или с членами тех или иных военно-политических союзов* (критерий — *место, занимаемое страной в рамках конфронтационной модели современного мира*).

Принимая во внимание *историко-географический аспект* внешних связей данного государства, переходного к социалистическому типу, среди его функций необходимо особо выделять деятельность по поддержанию контактов со своими соседями, со странами одного географического или культурного (этнического, языкового, религиозного и г. п.) региона, со своими традиционными партнерами.

* Такого рода деятельность может осуществляться и вовне страны, в частности в форме оказания военной помощи своим союзникам.

* Значительной спецификой обладают государства, стремящиеся выйти из определенного военно-политического союза и фактически приостановившие свое членство в нем.

Оценивая *характер взаимоотношений* революционно-демократического государства с теми или иными силами на международной арене (не только государствами, но и политическими движениями, иностранными хозяйственными организациями и т. д.) в конкретной сфере, функции данного государства целесообразно подразделять на деятельность по поддержанию связей: а) с нынешними и потенциальными союзниками, объединенными общностью интересов*; б) с соперниками; в) с занимающими промежуточное положение между ними силами. При этом на содержание и степень интенсивности реализации определенных функций государства существенное влияние оказывает принадлежность того или иного партнера по внешним связям к числу приоритетных либо малоперспективных или даже нежелательных.

Исходя из *специфики самой деятельности государства*, направленной на обеспечение эффективных взаимосвязей с международным сообществом, можно указать следующие внешние функции государства, переходного к социалистическому типу**:

выработка общей внешнеполитической концепции;

исследование состояния международной среды в целом и ее отдельных компонентов — положения в конкретных странах и регионах, в определенных сферах общественной жизни;

выявление тенденций развития мирового сообщества и его важнейших составных частей, прогнозирование возможных вариантов их эволюции;

определение нынешнего, желаемого и возможного места своей страны в мире и на этой основе разработка конкретных программ международной деятельности — ее содержания и целей, средств и методов;

* Соотношение интересов определенных государств или других субъектов международных отношений в каждой из сфер жизни человеческого сообщества — политической, экономической, экологической и др. — может быть различным. В частности, политические союзники нередко являются соперниками в области экономики и наоборот.

** В приводимой ниже классификации учитываются основные положения введенной С. Платоновым схемы замкнутого воспроизводящегося цикла из шести сознательно осуществляемых функций — трех дескриптивных (описывающих, аналитических, исследовательских) и трех нормативных (предписывающих, конструктивных, практических) см.: *Платонов* С. Указ. соч. М., 1989. С. 78—82).

практическая реализация внешнеполитических программ — стимулирование желательных для себя и для прогрессивного развития международного сообщества процессов и блокирование, ограничение (по мере возможности) нежелательных процессов (эта деятельность включает в себя и пропаганду за рубежом своих идейно-теоретических установок);

идеологическая и организационная работа по обеспечению действенности функционирования механизма поддержания внешних связей данной страны.

Необходимо отметить, что такие внешние функции государства, как исследование состояния международной среды и практическая реализация внешнеполитических программ обычно имеют не только легальную (с точки зрения права зарубежных стран, а иногда и международного права), но и нелегальную формы осуществления. Это определяется спецификой задач, содержания и методов деятельности разведки и контрразведки — важных составных элементов государственного аппарата. И конечно же, далеко не на все стороны внешнеполитической деятельности государства может быть в полной мере распространен общедемократический принцип гласности, открытости информации.

Детальная обобщающая классификация внешних функций государства, переходного к социалистическому типу, должна строиться на основе учета указанных выше и ряда других критериев. Комплексное освещение данной проблемы требует, во-первых, выявления общего во внешних функциях всех революционно-демократических государств, а во-вторых, отличий в содержании и соотношении этих функций в зависимости от особенностей той или иной страны, ее внутреннего и международного положения.

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Многообразие государственных форм политической власти, переходной к социалистическому типу

Одно из важнейших положений марксистско-ленинской общей теории государства и права — идея о многообразии форм государства в рамках каждого исторического типа государства¹. В. И. Ленин, в частности, отмечал, что «формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии»². Аналогичен ленинский подход к анализу форм государства, служащего³ орудием построения социалистического общества⁴.

Государству, переходному к социалистическому типу, также свойственно многообразие форм. Сущность же его в своей основе одна: политическая власть ориентирующихся на построение социализма прогрессивных слоев общества. Вместе с тем имеются и различия в сущности подобных государств в зависимости от того, какие классы и социальные слои в каждом конкретном случае входят в состав прогрессивных сил общества, какая стратегия общественного развития реализуется — революционная или реформистская.

В научной литературе встречаются различные трактовки вопроса о формах революционно-демократического государства. Так, некоторые авторы называют национально-демократическое и народно-демократическое государство формами революционно-демократического государства⁵ или разновидностями революционно-демократического политического режима⁶. Воспринимать такой подход вряд ли целесообразно, ибо указанные два понятия дают характеристику революционно-демократического государства с точки зрения его типологической принадлежности — того, как далеко ушло оно от эксплуататорских (т. е. досоциалистических) типов государства и соответст-

венно насколько приблизилось к своей цели — созданию социалистического государства. Формы же государства, будучи тесно связаны с его типологической принадлежностью, все-таки характеризуют государство не с точки зрения его сущности, а внешнего проявления этой сущности.

Форма государства показывает, «как организована государственная власть, из каких органов она состоит, какими методами она действует»⁷. Три основных элементами формы государства являются форма правления, форма государственного устройства и государственный режим.

В советской юридической литературе используется также понятие исторической формы государства, в том числе и по отношению к революционно-демократическому государству⁸. Подобно тому, как в рамках государства диктатуры пролетариата принято различать такие его исторические формы, как Парижская коммуна, Республика⁹ Советов, народно-демократическая республика и др.¹⁰, можно выделить особые исторические формы революционно-демократического государства: народную советскую республику, государство революционно-демократической диктатуры аратства^{*}, парламентскую республику крестьянской демократии, государство осуществляемой Народным (национальным) фронтом революционно-демократической диктатуры рабочего класса, средних и беднейших слоев города и деревни, различные современные разновидности государства социалистической ориентации.

Формы правления

Форма правления раскрывает состав и порядок образования высших органов государства, характер взаимоотношений между ними.

Рассмотрение конкретных форм правления революционно-демократического государства предполагает определение юридического и фактического статуса таких трех традиционных высших органов государства, как глава государства, высший представительный орган и правительство, а также особого чрезвычайного органа власти (если он имеется). При этом выяс-

^{*} Араты — трудящиеся-скотоводы в Монгольской Народной Республике (см.: Араты // БСЭ. 3-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 161).

няются: способ формирования, в том числе и обновления персонального состава, этих органов, их полномочия и характер связей с другими государственными органами.

Глубоко укоренившееся в современном обыденном сознании мнение, что революционно-демократические государства — республики, подкрепляемое аналогичными высказываниями в отечественной юридической литературе⁹, нуждается в существенных уточнениях и дополнениях, так как историческая практика свидетельствует, что в этих странах могут существовать не только республиканские, но и монархические формы правления.

Вопрос о возможности сохранения в течение определенного времени монархии в государстве, переходном к социалистическому типу, заслуживает специального рассмотрения и в связи с тем, что в научной и особенно в учебной литературе не всегда правильно указываются критерии деления форм правления на монархии и республики и существенные признаки каждой из этих форм.

Обычно советскими учеными-юристами называются следующие признаки монархии: 1) высшим органом власти в государстве является одно лицо; 2) получение монархом власти по наследству (отмечается, что могут быть и исключения — избрание монарха)¹⁰. Иногда к этим двум признакам добавляют еще третий: «монарх... формально считается источником всей государственной власти»¹¹. В качестве основных признаков республики называются коллегиальность и выборность высших органов власти на определенный срок.

Со многим в приведенных положениях согласиться нельзя. Во-первых, необходимо четко определить, что критерием для разграничения монархий и республик является статус главы государства (статус в широком смысле слова, т. е. с учетом норм, регулирующих процесс смены лиц на посту главы государства), а не какой-либо определенный порядок формирования (выборность или невыборность) и функционирования (коллегиальность или единоначалие в деятельности) высших органов власти в целом. Кроме того, следует учитывать, что в монархии могут существовать выборные высшие органы власти (в парламентарной монархии), а в республике — отсутствовать (например, на Кубе в 1959—1976 гг.).

Во-вторых, необходимо иметь в виду, что определенное число лиц, занимающих пост главы государства, также не может служить признаком той или иной формы правления. Как в республиках, так и в монархиях может быть коллективный глава государства: в республиках — президентский совет или государственный совет и другие аналогичные органы, в монархиях — регентский совет или несколько монархов на престоле, например, два царя в древней Спарте или в России в начальный период царствования Петра I.

В-третьих, формальное признание источником власти народа или монарха тоже не может в настоящее время считаться основанием для разграничения форм правления, ибо в парламентарных монархиях (например, в Швеции, Японии, Испании и др.) формально провозглашается, что власть исходит от народа¹².

Специфическим признаком монархии является отсутствие юридической ответственности за свои действия монарха и ряда других членов правящей династии.

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным выделить следующие основные признаки *монархии*: 1) власть главы государства передается по наследству (существует правящая династия); 2) глава государства занимает свой пост на неопределенный срок (но не обязательно пожизненно, ибо он может отречься от престола); 3) монарх не несет юридической ответственности за свои действия. В определенных случаях возможны отступления лишь от первого признака — монарх избирается либо при отсутствии наследника (чрезвычайные обстоятельства), либо в особой разновидности монархии — в выборной монархии.

По общему правилу для *республики* характерны избрание главы государства на определенный срок и юридическая ответственность его за свои действия. Однако в условиях чрезвычайных (неконституционных) форм правления главным отличительным признаком республики остается лишь отсутствие правящей династии (тот факт, что власть не передается по наследству) и юридическая ответственность главы государства за свои действия.

Монархическая форма правления в любой из своих разновидностей, в том числе и в форме парламентарной монархии, означает явное отступление в ряде

вопросов от принципов демократизма: 1) принцип юридического равенства граждан в ней не является универсальным, так как узкая группа лиц (правящая династия) обладает некоторыми исключительными (лишь им присущими) правами; 2) рамки действия избирательного права ограничены, ибо оно не влияет на такой важный государственный институт, как глава государства. Указанные (и другие) соображения делают данную форму правления неприемлемой для социалистических государств. Но страны, переходные к социализму, — это еще не социалистические страны, и во всех сферах их общественной жизни (в том числе и в области политической надстройки) долгое время могут сохраняться многие оставшиеся от старого строя черты. Этим и объясняется возможность существования в них в течение определенного времени, особенно на начальных этапах революционных преобразований, монархической формы правления.

История дает следующие примеры разновидностей монархической формы правления в революционно-демократических государствах.

1. Ограниченная теократическая монархия, в которой монарх — духовное лицо, занимающее одновременно с постом главы государства и пост главы церкви. Такая форма правления существовала в Монголии с 1921 г. (со времени победы народной революции) до 1924 г. (года смерти богдо-гэгэна — главы ламаистской церкви Монголии). Власть богдо-гэгэна в Народной Монголии была предельно ограничена, но он формально продолжал оставаться главой и церкви, и государства, что «объяснялось сильным влиянием церкви на массы и необходимостью объединения всех патриотических сил в антиимпериалистической борьбе»¹³.

Аналогичным примером является Лаос, где и после победы весной — летом 1975 г. национально-демократической революции король — ограниченный монарх, наделенный и верховной религиозной властью в качестве «высочайшего покровителя буддизма»¹⁴, до 29 ноября 1975 г. (дня своего отречения от престола) формально сохранял пост главы государства. 2 декабря 1975 г. Лаос был провозглашен народно-демократической республикой.

2. Ограниченная монархия, в которой монарх — светское лицо (при этом не исключен случай, когда его пост является временно вакантным). В качестве

примера можно назвать Эфиопию с конца 1974 г. — времени официального заявления революционных властей о выборе социалистического пути развития (20 декабря), чему предшествовало низложение императора Хайле Селассие I (12 сентября), — до 21 марта 1975 г., когда был упразднен пост монарха¹⁶. Формальное сохранение монархии в Эфиопии в этот период в определенной степени объясняется политическими традициями, но, как представляется, в еще большей мере — попыткой найти решение такой важной финансовой (и соответственно политической) проблемы, как возвращение награбленных императорской семьей и вложенных в иностранные банки многомиллиардных (в американских долларах) денежных сумм. Скорый разрыв с этой формой правления связан с отказом наследника престола Асфа Воссена вернуться в страну из-за границы и возвратить средства, которые по праву принадлежали эфиопскому народу.

3. Ограниченная монархия, являющаяся результатом личной унии с бывшей метрополией, т. е. такая форма правления, при которой главой государства выступает монарх, одновременно правящий и в другой стране (в бывшей метрополии). Эта форма правления характерна для некоторых бывших колоний Великобритании. При этом английскую королеву в данном государстве представляет генерал-губернатор, наделенный ограниченными полномочиями.

Такая форма правления сохранялась на Ямайке и на Гренаде и в тот период, когда они относились к числу государств социалистической ориентации. На Ямайке указанная разновидность монархии продолжала существовать во время нахождения у власти Народной национальной партии (ННП) и проведения в условиях функционирования традиционной парламентской системы довольно радикальных реформ антиимпериалистического характера (1972—1980 гг.). Социалистическая ориентация Ямайки была прервана в результате активизации внутренней реакции и грубого вмешательства США в избирательный процесс в этой стране¹⁷. Хотя ННП и выдвигает перспективное требование установления республиканской формы правления, сохранение монархии в годы ее правления было связано с глубоко укоренившимися политическими традициями, нарушать которые Народная национальная партия не решалась.

На Гренаде существование монархии и в период революционного процесса 1979—1983 гг.¹⁸, прерванного агрессией США, связано не столько с традициями (от традиций буржуазного парламентаризма, от Вестминстерской модели революционно-демократическая по своей природе партия Новое движение ДЖУЭЛ отказалась), сколько с попыткой своеобразным способом решить задачу поддержания нормальных связей со своими соседями — небольшими островными государствами, имеющими такую же форму правления, и с бывшей метрополией, от которой Гренада, как и все другие бывшие колонии Великобритании в восточном районе Карибского моря, продолжала получать экономическую помощь.

В. Е. Чиркин считает, что сохранение монархической формы правления в некоторых революционно-демократических государствах — это «отклонения, обусловленные не закономерностями, а случайностями исторического развития...»¹⁹. Данное положение нуждается в уточнении. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что при определенных условиях в течение некоторого времени в революционно-демократических государствах возможно сохранение монархических форм правления. Более того, оно является логическим следствием объективных процессов, протекающих в той или иной стране и проявляющихся в сравнительно медленном, постепенном переходе от одного этапа национально-демократической революции к другому, — более высокому.

Безусловно, монархия в государствах, переходных к социалистическому типу, может существовать лишь на начальных этапах их развития. С углублением революционного процесса она, будучи пережитком даже не капитализма, а добуржуазной эпохи, непременно упраздняется, и провозглашается республика. Это — общая закономерность, подтверждающаяся событиями 1924 г. в Монголии, 1975 г. — в Эфиопии и Лаосе. Аналогичным образом во второй половине 40-х годов монархия была упразднена в ряде европейских стран народной демократии.

Временное сохранение монархической формы правления на ранних этапах существования революционно-демократической власти нередко оказывается необходимым с целью учета реального уровня политического сознания масс — наличия у значительной части населения (особенно у мелкобуржуазных слоев)

иллюзий в отношении традиционных для данного государства монархических институтов. Кроме того, это также может быть следствием принятия во внимание революционными силами конкретных внешнеполитических факторов (в частности, необходимости поддержания нормальных отношений с важнейшими традиционными партнерами данной страны).

В сохранении монархической формы правления в государстве, переходном к социалистическому типу, находит прямое отражение компромиссный характер существующей в нем власти — власти блока прогрессивных, но разнородных политических сил. Иногда это бывает компромисс и с определенной частью консервативных элементов.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что монархия в революционно-демократическом государстве может быть лишь ограниченной и никогда — абсолютной. Если до национально-демократической революции в стране существовала абсолютная монархия, то после революции она не может сохраниться неизменной. Ведь реальная власть в государстве, переходном к социалистическому типу, принадлежит революционному народу, в состав которого монарх — представитель реакционных или, как минимум, консервативных сил — не входит. Национально-демократическая, как и народно-демократическая революция, в случае, если революционный народ считает целесообразным временно сохранить монархические институты, обязательно низводит монарха до положения чисто формального главы государства, лишённого реальной власти.

Возможность временного сохранения монархической формы правления в государстве, переходном к социалистическому типу, является одним из подтверждений, во-первых, того, что основное значение в характеристике любого государства имеет его типологическая принадлежность, форма же государства играет подчиненную роль*; и, во-вторых, того, что среди составных элементов формы государства политический режим играет ведущую роль по сравнению с формой правления. Революционно-демократический режим в любой из своих разновидностей — гражданской или

* Это, однако, не означает признания допустимости нигилистического отношения к форме государства. Социалистическому государству, которому не свойственны какие-либо компромиссы с эксплуататорскими классами в сфере политической надстройки, монархическая форма правления органически чужда.

военной — способен свести практически на нет отрицательное влияние на политическую жизнь страны такого фактора, как существование ограниченной монархии (также независимо от ее разновидностей).

Условия сохранения монархии требуют от взявших в свои руки реальную политическую власть революционно-демократических сил дополнительной бдительности, так как монарх или его «законный представитель» (например, генерал-губернатор) обычно являются постоянным источником контрреволюционной активности, потенциальным центром объединения всей реакции. Так, деятельность генерал-губернатора Гренады П. Скуна в конце октября 1983 г. (в период агрессии США против этого крошечного островного государства) представляла собой попытку придания видимости «законности» грубейшей акции государственного терроризма со стороны американского империализма. Упразднение революционным правительством Гренады монархических институтов на одном из предыдущих этапов революции не смогло бы предотвратить интервенции США, но оно лишило бы агрессоров и тех ничтожных «защепок за легальность», которые предоставил «борцам против коммунизма» генерал-губернатор.

Что же касается основной — республиканской формы правления в революционно-демократических государствах, то она может: а) существовать и до победы революционно-демократических сил; б) устанавливаться после получения страной независимости и создания в ней революционно-демократической власти; в) возникать после свержения монархии одновременно с упразднением власти реакционных классов; г) устанавливаться в результате происходящей уже в процессе углубления революционно-демократических преобразований замены монархических институтов.

В юридической литературе наиболее распространено деление республик на президентские и парламентские, в основе которого лежат следующие признаки: как избирается глава государства — на всеобщих выборах или парламентом; кто формирует правительство — президент или лидер фракции, обладающей большинством мест в парламенте; перед кем ответственно правительство — перед президентом или парламентом.

Вместе с тем такая классификация не всегда позволяет раскрыть специфику форм правления рево-

люционно-демократического государства, ибо в нем нередко отсутствуют выборные высшие органы власти, а реальная власть концентрируется в руках того или иного чрезвычайного органа власти (например, революционного совета). В значительно большей степени учитывает особенности революционно-демократического государства различие:

парламентско-централизованных республик, в которых «верховенство в государственном механизме принадлежит высшему представительному органу, полномочия главы государства выполняет коллегиальный орган, избираемый верховным представительством, а правительство несет ответственность перед обоими органами»²⁰;

централизованно-дуалистических республик, где «главой государства является единоличный президент, высшим представительным органом — избираемый однопалатный парламент..., а органом исполнительной власти — совет министров, действующий под руководством президента»²¹;

монистических республик, в которых «основные полномочия главы государства, законодательного учреждения и высшего органа государственного управления тесно соединены, а зачастую совмещены в одном органе»²².

Внутри каждой из этих трех форм правления, существующих в революционно-демократических государствах, имеются свои разновидности. Есть также и переходные формы (например, такие, где сохраняются чрезвычайные органы власти, но уже созданы важнейшие элементы конституционной представительной системы).

Проблема влияния, оказываемого на специфику форм правления тем или иным чрезвычайным органом власти, действующим в общей системе государственных органов, заслуживает отдельного исследования. Здесь же ограничимся лишь указанием на то, что такой орган может состоять как из гражданских лиц, так и из военных, формироваться из представителей одной или нескольких партий, либо на непартийной основе. Функции чрезвычайного органа власти могут выполнять революционный совет, военный совет, временное революционное правительство, руководящий орган правящей партии и другие структуры.

Итак, рассматривая формы правления в революционно-демократических государствах, необходимо,

во-первых, правильно определять такие понятия, как «монархия» и «республика», не допускать смешения признаков любой монархии («монархии вообще») с абсолютной монархией, а любой республики — с республикой, в которой имеются выборные высшие органы государства; и, во-вторых, решительно отказаться от несостоятельного дополнения априорными выводами конкретно-исторического подхода в анализе государств, переходных к социалистическому типу. Внутреннее богатство, разнообразие политико-правовых явлений общественной жизни революционно-демократических государств требует пристального внимания не только к кажущимся непрерываемыми и недопускающими никаких отступлений от созданной теоретической модели общим закономерностям, но и к их (этих закономерностей) нестандартным, происходящим (вследствие специфики конкретных условий) с определенными отклонениями от «идеальной модели» форм проявления.

Формы государственного устройства

Под *формой государственного устройства* понимается «внутреннее деление государства на те или иные части, правовое положение этих частей, соотношение между центральной государственной властью и властями в отдельных частях государства»²³. Основными формами государственного устройства являются: унитарное государство; федерация и конфедерация, каждая из которых может существовать в революционно-демократическом государстве.

Унитарное государство — это форма централизованного государственного устройства, при котором составные части государства не обладают признаками государственного образования. Такому государству свойственны:

- строгая подчиненность органов власти и управления составных частей государства центральным (высшим) органам;

- отсутствие сферы исключительной компетенции у органов власти и управления составных частей государства либо возможность изменения объема и упразднения такой компетенции центральными органами без согласия на это органов составных частей государства;

- отсутствие у органов составных частей государства права издавать законы, издание этими органами лишь подзаконных актов.

Федерация — это форма централизованного государственного устройства, при котором признаками государственного образования обладают как государство в целом, так и его составные части (субъекты федерации), а высшие органы и государства в целом, и субъектов федерации имеют широкую сферу собственной исключительной компетенции. При этом важнейшими характеристиками государства в целом являются:

- наличие собственных высших органов власти и управления, не производных от высших органов субъектов федерации;

- обширные государственно-властные полномочия общегосударственных органов, наличие во взаимоотношениях высших органов федерации с соответствующими органами ее субъектов широкого круга как субординационных, так и координационных связей;

- установление общегосударственными законодательными органами общих принципов права для всей федерации и издание законов, регулирующих отношения, входящие в сферу компетенции федеральных органов;

- прямое введение в действие на территории всей федерации правовых актов, издаваемых общегосударственными органами в пределах своей компетенции.

К основным же признакам субъектов федерации относятся:

- наличие собственных высших органов власти и управления, обладающих сферой исключительной компетенции, объем которой не может быть сужен без согласия самих субъектов федерации;

- существование во взаимоотношениях с высшими органами федерации как многочисленных субординационных, так и обширных координационных связей;

- строго определенное и конституционно закрепленное представительство в высших общегосударственных органах;

- наличие собственной правовой системы, что предполагает также право издавать законы в пределах собственной компетенции и в соответствии с общими принципами права, закрепленными в общегосударственном законодательстве.

Конфедерация — это форма слабо централизованного государственного устройства, при котором при-

знаками государственного образования обладают как государство в целом, так и его составные части (субъекты конфедерации), но сфера компетенции центральных органов очень ограничена, основные государственно-властные полномочия принадлежат высшим органам субъектов конфедерации. При этом важнейшими характеристиками государства в целом являются:

- производность его высших органов власти и управления от высших органов субъектов конфедерации, т. е. формирование первых на основе строго определенного представительства от вторых;

- ограниченность властных полномочий центральных органов, наличие преимущественно координационных, а не субординационных связей между высшими органами конфедерации и ее субъектов;

- принцип консенсуса (единогласия представителей всех субъектов конфедерации) в деятельности высших органов конфедерации;

- наличие специальной процедуры введения в действие правовых актов органов конфедерации посредством явного и юридически значимого выражения своей воли соответствующими компетентными органами субъектов конфедерации.

Следует отметить, что результатом применения принципа консенсуса и наличия специальной процедуры введения в действие правовых актов органов конфедерации нередко является отсутствие в конфедерациях разветвленной единой системы общих принципов права, единообразной системы законодательства и единого режима правового регулирования.

К основным признакам субъектов конфедерации относятся:

- наличие собственных высших органов власти и управления, непосредственно не подчиненных высшим органам конфедерации;

- полное преобладание во взаимоотношениях высших органов конфедерации и ее субъектов координационных связей, слабая степень развития субординационных связей;

- строго определенное и конституционно закрепленное представительство в высших органах конфедерации;

- наличие собственной правовой системы, основные принципы, содержание и структура которой могут

существенно отличаться от правовых систем других субъектов данной конфедерации.

Следует учитывать, что имеются и смешанные или переходные формы государственного устройства, обладающие чертами сразу нескольких из перечисленных выше основных форм.

В революционно-демократическом государстве каждая из форм государственного устройства может либо сохраняться по традиции от государства эксплуататорского типа, либо вводиться после установления революционно-демократической власти, может существовать как в однопациональной, так и многопациональной стране.

Исходя из конкретных условий того или иного государства, переходного к социалистическому типу, в каждом случае определяется, какая форма государственного устройства в наибольшей степени способствует достижению следующих важнейших целей: а) решению национального (этнического, языкового, религиозно-общинного и т. п.) вопроса; б) обеспечению эффективной работы административного аппарата; в) развитию внутригосударственных экономических связей; г) успешной защите государством своих интересов на международной арене. На основе этого делается вывод о целесообразности проведения в стране реформы административно-территориального деления и в случае положительного ответа на данный вопрос — также о том, какой должна быть эта реформа — учитывающей или не учитывающей границы существующих экономических районов и исторических областей, особенности этнического, языкового, религиозного и т. д. состава населения.

В условиях государства, переходного к социалистическому типу, унитарная форма государственного устройства может: а) сохраняться по традиции (и в однопациональных, и в многопациональных странах); б) создаваться вместо федерации или конфедерации в однопациональных странах; в) устанавливаться при объединении двух или нескольких государств, близких по своему национальному составу; г) создаваться в странах со сложной этнической (языковой, религиозно-общинной и т. п.) структурой населения в целях обеспечения национальной консолидации (формирования единой нации) и противодействия сепаратистским устремлениям отдельных этнических и других групп.

В рамках унитарного государства нередко существуют автономные образования. В связи с этим необходимо учитывать особенности революционно-демократических государств, в которых отдельные составные части обладают правами автономии, а административно-территориальные единицы на остальной территории (обычно большей по своим размерам и с большим населением) таких прав не имеют.

Образуемые в некоторых унитарных революционно-демократических государствах в целях решения национального вопроса автономные единицы могут значительно отличаться по своему юридическому статусу. Во-первых, существуют создаваемые с учетом национального состава населения автономные административно-территориальные единицы, объем государственно-властных полномочий органов которых практически таков, как и в обычных административно-территориальных единицах. Территория подобных автономных образований и компетенция их органов могут быть изменены высшими органами государства без согласия на то органов соответствующей автономной части государства. Специфика правового положения таких административно-территориальных единиц по сравнению с другими заключается главным образом, в обеспечении возможности с учетом местных условий решать вопросы культуры, а также применения национального языка в качестве официального в работе государственных органов, действующих на данной территории.

Во-вторых, существуют автономные единицы, обладающие определенными чертами государственного образования, в частности, исключительной компетенцией своих высших органов, правом издавать собственные законы, строго определенным представительством в высших органах государства. В этом случае революционно-демократическое государство объединяет признаки и унитарной, и федеративной формы государственного устройства.

Отдельного исследования требует проблема появления легальным путем или де-факто зачатков органов революционно-демократического государства на находящейся в состоянии колониальной зависимости от метрополии территории, обладающей некоторыми правами автономии, или на территории той или иной автономной части государства эксплуататорского типа.

Что же касается революционно-демократических федераций, то они могут: а) сохраняться по традиции (в том числе и в однопациональном государстве); б) образовываться (непосредственно или после предварительного этапа существования конфедерации) в результате объединения двух или нескольких государств; в) создаваться для решения национального вопроса в странах с развитыми нациями (обладающими высоким уровнем национального самосознания). При этом сохранение федеративной формы государственного устройства не является самоцелью, а служит решению определенных политических, экономических и иных задач. В тех или иных условиях может возникнуть необходимость создания нескольких независимых государств либо, наоборот, образования унитарного государства.

Существенными особенностями обладают революционно-демократические федерации различных видов: 1) созданные с учетом или без учета национального состава населения; 2) с равными правами всех субъектов федерации или с наличием у некоторых субъектов федерации более широких прав по сравнению с другими субъектами; 3) с равным и неравным представительством субъектов федерации в высших органах государства; 4) с единообразной системой государственных органов во всей стране или с существенными различиями в этой системе на территории отдельных субъектов федерации, в частности, с асимметрией системы государственных органов в составных частях федерации²⁴, т. е. с отсутствием у тех или иных субъектов федерации собственных органов власти и управления, отличных от общегосударственных органов; 5) с наличием у субъектов федерации права сепарации (свободного выхода из ее состава) или без такового.

Очень важным как в практическом, так и теоретическом плане является вопрос о соотношении компетенции высших органов федерации и ее субъектов. При этом определение степени централизации революционно-демократических федераций и соответственно степени автономии ее субъектов требует выяснения: 1) объема прямо закрепленных в конституционном праве государственно-властных полномочий органов федерации и ее субъектов; 2) кому принадлежит «остаточная», т. е. непосредственно не указанная в конституционном законодательстве компетен-

ция — органам федерации или ее субъектов; 3) соответствия конституционных положений политической практике — реальности или декларативности норм, определяющих сферу автономии субъектов федерации; 4) наличия в механизме осуществления политической власти (конституционно закрепленного или не закрепленного, но существующего на практике) элементов, вносящих при реализации конституционных положений существенные изменения в соотношение компетенции органов федерации и ее субъектов.

Исходя из уже имеющегося исторического опыта существования конфедераций, а также содержания проектов их создания, выдвигавшихся в прошлом и выдвигаемых в настоящее время различными политическими силами, могут быть выделены два основных варианта конфедераций, субъектами которых являются революционно-демократические государства: а) объединяющие лишь революционно-демократические государства; б) включающие в свой состав также и государства эксплуататорского типа.

Конфедерации, будучи результатом объединения нескольких государств, как правило, представляют собой либо первый шаг на пути достижения (восстановления) своего государственного единства той или иной страной (нацией или рядом наций, близких по своей культуре, языку, истории и т. д.), либо отражение в специфических политико-правовых формах углубления интеграционных процессов в том или ином регионе или среди государств, хотя и не принадлежащих к одному географическому региону, но имеющих тесные политические, экономические, культурные связи. А в случае распада унитарного или федеративного государства конфедерация может служить одной из форм частичного сохранения традиционных связей между соответствующими государственными образованиями.

В конфедерациях, состоящих из однотипных по своей классовой природе частей, при значительных различиях в политико-правовых институтах ее субъектов возможно существование единой армии, одной правящей партии (или правящих партий, придерживающихся единой политической платформы) и т. д. Такие общие элементы механизма государства и политической системы способны играть роль прочно объединяющего стержня всей структуры конфедерации.

Не следует считать конфедерацию неустойчивой формой государственного устройства, ибо исторический опыт различных эпох свидетельствует, что конфедерации могут существовать в течение очень длительного времени. Неустойчивой является не та или иная форма государственного устройства сама по себе, а та, для сохранения которой нет необходимых внутренних и внешних условий. Любая форма государства в конкретной стране может с самого начала быть неустойчивой либо стать таковой в связи с изменением обстановки, и наоборот, — может быть или стать устойчивой.

Вполне возможно, что позитивный потенциал конфедеративной формы государственного устройства еще далеко не исчерпан и она будет использоваться (не исключено, что и широко) в качестве одной из политико-правовых форм закрепления и стимулирования международных интеграционных процессов, характерных в том числе и для отношений революционно-демократических государств друг с другом и с социалистическими странами.

Для выяснения возможности образования и сохранения конфедераций, состоящих из разнотипных субъектов — революционно-демократических государств и государств эксплуататорского типа, применительно к каждому конкретному случаю должна быть проведена большая исследовательская работа. В частности, нужно определить: цели, преследуемые теми или иными политическими силами, выдвигающими или поддерживающими программу создания таких конфедераций; классовую природу политико-правовых институтов, которые предполагается создать при образовании конфедерации; многовариантные перспективы изменения социальной природы конфедерации и ее субъектов, а также эволюции формы государственного устройства; факторы, от воздействия которых будет зависеть тот или иной вариант развития конфедерации и ее составных частей. Лишь на этой основе может быть сделан достаточно обоснованный вывод о целесообразности и необходимых условиях создания подобных конфедераций.

Государственные режимы

Государственный режим — это система средств и методов осуществления государственной власти.

Существующая в юридической литературе наиболее общая и практически общепризнанная классификация государственных режимов на демократические и авторитарные, на наш взгляд, вполне приемлема и для государств, переходных к социалистическому типу, при одном, однако, условии — отказе от необоснованного, хотя и довольно прочно укоренившегося, наделения понятия «авторитаризм» исключительно негативными характеристиками и проведении четкого разграничения между двумя основными значениями категории «демократия».

Раскрывая сущностное содержание власти, понятие «демократия» означает народовластие (власть народа), в марксистском ее понимании — власть прогрессивных (в конкретных исторических условиях) классов и социальных слоев²⁵. И в данном своем значении демократия является противоположностью авторитарии — власти, отстраняющей народные массы от участия в управлении делами государства и общества.

В качестве одной из форм государства *демократия* — это государственный режим, которому прежде всего присущи: выборность важнейших государственных органов; широкий круг личных, гражданских и политических прав и свобод; юридическое равенство граждан. Характеризуя демократию именно в этом ее значении как «формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им»²⁶, В. И. Ленин указывал следующие признаки данного понятия: «равенство всех граждан перед законом»; «политическая свобода для всех граждан»²⁷; «решение по большинству всех граждан»²⁷. Кроме того, в качестве дополнительного, конкретизирующего признака политической демократии следует признать гарантии права меньшинства влиять на принятие решений и соответственно ограничение власти большинства²⁸ с целью предотвращения ее превращения в существующий при поддержке большинства недемократический режим, игнорирующий законные права и интересы меньшинства.

Демократические принципы — это общечеловеческая ценность, историческое завоевание цивилизации.

Однако далеко не всегда демократическая форма государства является выражением подлинного народовластия — демократии в ее истинном, первоначальном значении. Демократия эксплуататорского типа не может быть формой реального, охватывающего все стороны общественной жизни народовластия* и обязательно содержит те или иные черты олигархического режима. В то же время настоящая демократия — власть народа (прогрессивных слоев общества) не всегда обладает отмеченными выше признаками политической демократии (демократии как формы государства), отнюдь не сразу и не в полном объеме удается ей распространить свои политические принципы на область экономики, культуры и т. д.

В демократическом по своей природе государстве, переходном от одного из эксплуататорских типов к социалистическому, власть обязательно должна принадлежать народу (прогрессивным слоям общества), иначе государство не может служить орудием создания основных предпосылок для построения впоследствии социализма и, следовательно, не может быть признано революционно-демократическим. Вместе с тем осуществление революционно-демократической власти не исключает, а часто и прямо предполагает отступления от тех или иных принципов политической демократии, т. е. использование авторитарных методов. Так, исторический опыт свидетельствует, что в революционно-демократических государствах в связи со сложной внутривластной обстановкой и в целях ослабления контрреволюционных сил могут: 1) отсутствовать выборные высшие органы государства, продолжительное время не проводиться выборы или проводиться в условиях жесткого контроля со стороны революционных властей при полном отстранении политической оппозиции от участия в избирательном процессе или существенном ограничении свободы ее действий; 2) вводиться ограничения гражданских, политических, личных прав и свобод реакционных слоев эксплуататорских классов и иных контрреволюционных элементов, а в некоторых случаях — и всего населения (в условиях чрезвычайной обстановки); 3) законодательно закрепляться опреде-

* Концепции демократии оказывают значительное теоретическое и практическое влияние не только на сферу политики, но и экономики, культуры, социальной жизни, международных отношений.

ленные отступления от принципа юридического равенства — изъятия тех или иных прав у отдельных групп населения (у реакционеров), неравное представительство различных социальных слоев в органах государственной власти (непропорциональные выборы) и т. п. Все это, однако, не меняет общей сущностной характеристики государства, переходного к социалистическому типу, как демократического — действующего в интересах прогрессивных классов и социальных групп и вовлекающего в управление делами государства и общества широкие народные массы.

В научной литературе отмечаются присущие многим революционно-демократическим государствам излишняя централизация, авторитарные методы руководства, влияния личной власти²⁹. Очень часто (но отнюдь не всегда) такие их черты являются следствием деформаций основополагающих принципов народо-властия. Однако не следует приписывать авторитарным методам лишь отрицательную роль, однозначно отождествлять их с ограничением творческой активности народных масс³⁰. Ведь в ряде конкретных ситуаций именно в применении авторитарных методов решения острых политических вопросов находит свое отражение революционное творчество народа, реализуется прогрессивная, социально эффективная модель общественного развития. «Революция, — подчеркивал Ф. Энгельс, — есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и³¹ пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных».

Надо учитывать, что прогрессивным классам часто приходится прибегать к авторитарным методам осуществления власти, особенно в период установления и на начальных этапах укрепления своего политического господства. В частности, как указывал В. И. Ленин, «диктатура отдельных лиц очень часто была в истории революционных движений выразителем, носителем, ³² проводником диктатуры революционных классов». Истинный революционный авторитаризм, не превращающийся в свою противоположность, прежде всего (или в значительной степени) связан с ответными действиями на использование реакционными силами наиболее ожесточенных форм сопротивления, с условиями гражданской войны, иностранной интервенции, т. е. с тем периодом становления нового обще-

ства, когда, как отмечал В. И. Ленин, «для парламентских дискуссий время не пришло»³³.

В каждой конкретной ситуации в революционно-демократическом государстве на первый план в системе средств, форм и методов управления обществом со стороны революционных сил могут выступать более «суровые»³⁴ или более «мягкие»³⁵ методы, командно-административные формы и крайне высокая степень централизации или демократические формы, методы поощрения и развития самоуправления. И одной из важнейших составных частей искусства политического руководства обществом является умение правильно выбрать соответствующее требованиям конкретного исторического момента соотношение методов политической демократии и авторитарных методов. При этом следует отметить, что любая система управления (в том числе и самоуправления) не может не включать в себя тех или иных элементов авторитаризма. «Воля отдельных лиц, — подчеркивал Ф. Энгельс, — всегда должна подчиняться, а это означает, что вопросы будут разрешаться авторитарно»³⁶.

Авторитаризм в наиболее широком понимании — это метод управления, характеризующийся навязыванием чьей-либо воли другим лицам, субординацией объектов общественных отношений, наличием обладающего властными полномочиями центра управления, возможностью применения принудительных мер к субъектам, нарушающим общеобязательные социальные нормы. При авторитарном государственном режиме метод авторитаризма является доминирующим, основные институты политической демократии ограничиваются или упраздняются.

Важнейшие признаки *авторитарного государственного режима* состоят в том, что:

в деятельности государственных органов преобладают методы командования, прямого диктата;

из процесса принятия и реализации политических решений полностью или в основном исключается применение метода выработки компромисса, взаимного согласования различных позиций в ходе обсуждения;

в центре и на местах происходит концентрация и централизация реальной власти в руках одного или нескольких тесно взаимосвязанных органов, решения которых должны выполняться беспрекословно, нередко эти органы обладают дискреционными полномочиями, т. е. правом, исходя из собственного понимания

политической целесообразности, действовать по своему усмотрению, в том числе и с нарушением норм закона;

исполнительно-распорядительные органы наделены широкими законодательными полномочиями;

сужена или сведена на нет сфера действия принципов выборности государственных органов, гласности их деятельности, подотчетности и подконтрольности их населению;

силы, держащие в своих руках государственную власть, применяют к своим политическим противникам суровые меры принуждения;

ограничиваются гражданские, политические и личные права и свободы, а также юридические гарантии их защиты;

нередко законодательно закрепляются отступления от принципа юридического равенства граждан.

Следует четко различать: а) революционный авторитаризм — демократический по своей сути, направленный на защиту коренных интересов широких народных масс, на сохранение власти прогрессивных сил общества, на активное вовлечение народа в решение политических вопросов, повышение уровня его политической культуры, на устранение препятствий на пути социального прогресса, глубокой демократизации общества; и б) реакционный авторитаризм — антидемократический, антинародный по своей природе, стремящийся навсегда отстранить народ от осуществления реальной власти, преследующий цель защитить корыстные интересы эксплуататорского меньшинства, сохранить его политическое и экономическое господство и привилегии. Реакционный авторитаризм воплощается в авторитаристские формы государства: фашистские и иные тоталитарные диктатуры, олигархические режимы, современные абсолютные монархии и т. п.

По своей социальной природе и функциям истинно (а не псевдо-) революционно-демократические государства, довольно широко использующие авторитарные методы управления обществом, противоположны реакционным авторитаристским режимам. Предпринимаемые многими политологами и юристами попытки их отождествления теоретически несостоятельны, однако внедряемые с помощью подобных рассуждений в массовое сознание политические стереотипы достаточно устойчивы и являются мощным идеологическим сред-

ством переориентации широких слоев общества (особенно после казарменно-коммунистических экспериментов) на следование традиционной буржуазно-либеральной стратегии социального развития.

Основные признаки *автократии* как одной из форм государства состоят в следующем:

население отстраняется от участия в контроле за деятельностью высших органов государственной власти;

реальная политическая власть полностью сосредоточивается в руках автократа — единоличного или коллективного органа, неподконтрольного и неподотчетного ни одному другому государственному органу (в качестве автократа могут выступать: наследственный абсолютный монарх, тиран, узурпировавший престол, военный диктатор, лидер правящей фашистской партии, регентский совет, военная хунта, различные олигархические структуры);

воля автократа обладает силой закона, автократ осуществляет одновременно и исполнительно-распорядительные и законодательные функции, а также практически полностью контролирует деятельность судебных органов (при этом возможно существование псевдопредставительных органов, властные полномочия которых ничтожны либо вообще фиктивны);

автократ наделен дискреционной властью;

автократ занимает свой пост либо по наследству (в наследственных абсолютных монархиях), либо в результате проводимых в среде политической олигархии выборов (например, в выборных абсолютных монархиях), либо вследствие насильственного захвата власти — дворцового, военного или фашистского переворота;

срок полномочий автократа законодательно не ограничен или устанавливается им самим;

порядок смены лиц, осуществляющих верховную государственную власть, определяется либо заранее установленными правилами наследования, либо самим автократом, либо специально созываемым политической олигархией чрезвычайным органом, обладающим учредительными полномочиями, т. е. правом принимать основной закон государства и создавать новые органы власти; в случае, если для придания видимости поддержки населением сделанного олигархией выбора организуется «всенародное голосование», то оно проводится в таких условиях и таким образом,

что действительное волеизъявление избирателей, расходящееся с содержанием воли олигархии, не может получить своего адекватного отражения;

в соответствии с действующим законодательством автократ не несет юридической ответственности за свои действия либо существующий государственно-правовой механизм фактически обеспечивает ему возможность уклоняться от такой ответственности.

В государстве, переходном к социалистическому типу, при правильной политической линии революционного авангарда народных масс даже в условиях использования им наиболее «жестких», «суровых» форм и методов руководства обществом непременно должна существовать тенденция к постепенному превращению власти, которая «осуществляется во имя народа, ради его блага, но не в достаточной мере через народ»³⁷, во власть для народа, осуществляемую через народ. При временном ограничении традиционных институтов политической демократии в революционно-демократическом государстве не могут не действовать институты прямой демократии: органы рабочего контроля на предприятиях, комиссии жильцов по месту жительства, комитеты защиты революции, обсуждение важнейших политических решений на массовых митингах и т. д.

Если же указанная тенденция отсутствует, не развиваются институты непосредственной демократии, не создаются условия для демократизации политических структур, то возникает реальная угроза автократического и тоталитарного * перерождения революционно-демократической власти, превращения ее во власть эксплуататорского типа. Таким образом, есть необходимый революционный авторитаризм и необоснованный авторитаризм революционного руководства, не

* Тоталитаризм является одной из разновидностей политического режима, понимаемого шире, чем государственный режим, — как совокупность принципов функционирования политической системы. Тоталитаризм характеризуется следующими основными признаками: жестким контролем государства над всеми сферами жизни общества в целом и каждого гражданина в отдельности, огосударствлением практически всех элементов политической системы и превращением человека в простой придаток государственного механизма; отсутствием легальной оппозиции; введением официальной идеологии в виде определенного свода обязательных для заучивания и последующего ритуального повторения догм, нетерпимостью к политическому инакомыслию, антиинтеллектуализмом, примитивизацией политической культуры.

учитывающий степень политической зрелости масс, устанавливающий постоянную «опеку над народом», сводящий роль народа к простому исполнению воли политических лидеров³⁸. В результате необоснованного авторитаризма рано или поздно неизбежно появляется ответная негативная реакция народа: потеря революционного энтузиазма и доверия к руководству, усиление политической апатии и как крайняя форма выражения этого процесса — открытая враждебность широких слоев населения к идеям социализма, поддержка антисоциалистической программы развития.

Вместе с тем перерождение революционно-демократического государства в государство эксплуататорского типа возможно и вследствие преждевременного упразднения революционных (чрезвычайных) институтов власти, отказа от революционного авторитаризма, введения институтов парламентской демократии в условиях, когда это дает возможность консервативным или даже реакционным силам восстановить свое политическое господство. Руководствующийся научной идеологией политический авангард народных масс не должен допускать, чтобы демократизация средств, форм и методов управления обществом ставила под угрозу механизм осуществления революционных преобразований, направленных на создание предпосылок для построения в перспективе социалистического общества.

Теоретическое осмысление многообразия форм государства, переходного к социалистическому типу, помимо всего прочего требует серьезного анализа различных революционно-демократических государственных режимов: военных и гражданских; однопартийных (или беспартийных) и многопартийных; в состоянии гражданской войны и в условиях национальной консолидации³⁹.

Немаловажное значение имеет уяснение факторов, влияющих на существование тех или иных разновидностей революционно-демократического государственного режима и обуславливающих их смену. Среди таких факторов, отмечаемых в научной литературе, следует учитывать: особенности возникновения и формирования политической системы; конкретную стадию развития социально-экономической и политической системы; соотношение классовых сил; уровень политической культуры различных слоев населения и общества в целом; национально-этническую структуру

общества; степень влияния религии; степень сопротивления внутренней и внешней реакции революционным преобразованиям и др.⁴⁰

Проведенный анализ государственных режимов и форм государства в целом, существующих в обществах, переходных к социализму, позволяет сделать вывод, касающийся проблем развития науки о государстве. В условиях, когда «мы решительно отказываемся от догматического, бюрократического и волюнтаристского наследства...», когда общепризнанной истиной становится положение о том, что «нет и не может быть никаких ограничений для подлинно научного поиска»⁴¹, с предельной ясностью вырисовывается насущная задача советского государствоведения (как и всей общественной науки) — не допускать доктринального самообмана с присущими ему подменной действительного желаемым, упрощением сложной политической реальности, подгонкой ее под априорные схемы. Одна из составных частей предстоящей большой теоретической работы, базирующейся на обобщении обширного фактического материала, исторического опыта многих стран, — совершенствование и дальнейшая разработка категориального аппарата государствоведения, уточнение уже имеющихся и широко применяемых научных понятий.

ГЛАВА 5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Понятие и основные элементы политической системы

Использование термина «система» по отношению к тому или иному объекту исследования предполагает наличие у этого объекта определенных свойств: сложной структуры, т. е. ряда элементов или подсистем — систем более низкого уровня (по сравнению с данной системой в целом); целостности (внутренней организованности), т. е. постоянных и тесных связей (отношений) между элементами и подсистемами; связей системы с внешней средой — другими, находящимися вне ее системами, в результате чего данная система может рассматриваться в качестве подсистемы системы более высокого уровня. Кроме того, многим системам присущи такие свойства, как стабильность — способность сохранять в определенных пределах неизменными некоторые качественные характеристики (стабильность не тождественна стационарности — полной неподвижности структур) и способность к развитию — изменению внутренних свойств подсистем, набора элементов и подсистем, связей между ними и с внешней средой, режима функционирования и т. п.

Человеческое общество — это сложная система взаимосвязей между множеством субъектов общественных отношений (индивидов, их групп и организаций), а политическая система является одной из составных частей (подсистем) системы регулирования общественных отношений.

Чтобы раскрыть содержание понятия «политическая система», необходимо определить термин «политика». Этим термином в самом общем плане обозначается «деятельность», связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой являются завоевание, удержание и использование государственной власти»

С учетом имеющейся в научной литературе узкой и широкой трактовки политической системы можно дать следующие определения данного понятия.

В узком смысле политическая система — это система политических институтов, прежде всего государственных и общественных организаций или иных объединений. В таком значении это понятие, в частности, используется в Конституции СССР 1977 г. (глава 1)³ и в качестве его синонима нередко применяется термин «политическая организация общества». Более подробно политическую систему в ее узкой (институциональной) трактовке следует охарактеризовать как определенное единство находящихся в относительно тесных и постоянных связях друг с другом политических институтов — официальных представителей субъектов (участников) общественной жизни, способных самостоятельно оказывать политически значимое воздействие на процесс осуществления политической власти.

В широком значении политическая система — это определенное единство политических институтов, политических норм, политического сознания (идеологии и психологии), политических отношений (режима функционирования, связей политических институтов между собой и с внешней средой политической системы).

В данной работе основным объектом анализа являются политические институты и политические отношения — режим функционирования политических институтов.

Рассмотрение структуры политической системы той или иной страны либо ее региона прежде всего предполагает выяснение места этой системы в системе более высокого порядка (уровня) — социального организма (страны, региона мира, международного сообщества в целом), т. е. определение ее связей с внешней средой. Для конкретной политической системы основными компонентами внешней среды являются: природная (физическая и биологическая), хозяйственная, культурная, социально-классовая, международная среда.

Природная (физическая и биологическая) среда, в которой действует данная политическая система, может быть представлена в виде комплекса таких факторов, как расположение страны на Земном шаре, размеры территории, особенности ландшафта и недр,

сейсмичность, климат, плодородие почв, животный и растительный мир, обеспеченность полезными ископаемыми, водными, энергетическими, рекреационными и иными ресурсами для жизни человека (для трудовой деятельности и проведения свободного времени); численность и плотность населения, его поло-возрастной состав, рождаемость и смертность, состояние здоровья населения.

Хозяйственную среду образует система общественного воспроизводства, т. е. производства, обмена, распределения и потребления, включающая в себя, во-первых, производительные силы общества, основными компонентами которых являются: средства труда (орудия труда, производственные площади и емкости, источники энергии, средства и каналы связи и транспортировки); предметы труда; рабочая сила; знания (в том числе и наука), умение, навыки, желание трудиться; организационно-технические средства и структуры управления хозяйственной деятельностью; во-вторых, производственные отношения (в связи с отношениями обмена, распределения и потребления), которые состоят из 1) технических отношений, обусловленных «потребностями технологии и организации производства», связанных «с технологическим разделением труда внутри производственного коллектива или в масштабах общества», и 2) экономических отношений, которые «выражают отношения людей через их отношение к средствам производства, т. е. отношения собственности»⁴.

Объективный научный анализ производственных отношений прежде всего требует выявить носителя титула собственника и фактического распорядителя собственностью, характер соединения средств производства с непосредственными производителями, принципы кооперации (соединения) и специализации (разделения) труда, распределения прибавочного продукта. Необходимо также определить основные отрасли народного хозяйства, наличие или отсутствие единого национального рынка, масштабы и типологические признаки существующих экономических укладов.

Важнейшими составными частями общей характеристики хозяйственной системы являются уровень развития производительных сил и принципы ее функционирования и, в частности, соотношение основных форм собственности, их реальное содержание, степень

использования рыночных механизмов, ценностные ориентиры хозяйственной деятельности (получение прибыли, производство ради самого производства — соображений престижа, неких абстрактных цифровых показателей и т. п. или удовлетворение потребностей населения и поддержание оптимальных условий общественного воспроизводства), степень сбалансированности процессов производства, обмена, распределения и потребления в целом и в конкретных сферах, основные диспропорции в соотношении потребностей, реального состояния и потенциальных возможностей хозяйственной системы. Помимо этого, нужно учитывать место данной страны в системе международных экономических отношений, взаимодействие национальных хозяйственных структур с аналогичными структурами других стран, регионов и международного сообщества в целом. На территории той или иной страны могут действовать иностранные субъекты хозяйственной деятельности, а за границей — ее собственные субъекты.

Субъектами хозяйственной деятельности могут быть: отдельные индивиды, трудовые коллективы (в качестве их иногда выступают семьи), хозяйственные единицы и их объединения, отрасли хозяйства, экономические регионы, общество в целом в лице своих официальных представителей, наделенных властными полномочиями в сфере регулирования экономики.

Культурная среда политической системы — это интеллектуальный потенциал общества и накопленная материальная культура, а также состояние общественной идеологии и психологии, характер протекания процессов создания, распределения и усвоения культурных ценностей. При этом следует принимать во внимание имеющиеся различия в культуре тех или иных слоев населения, отдельных регионов страны, а в самой культуре выделять: общую культуру (бытовую, производственную, обслуживания, экологическую, общения и т. д.) и политическую культуру.

В зависимости от конкретного сочетания разнообразных факторов общественной жизни культурная обстановка в стране может оцениваться как: 1) гуманистическая или попирающая человеческое достоинство, принижающая ценность самой человеческой жизни; 2) поощряющая интеллект человека или подавляющая его, примитивизирующая духовную жизнь общества; 3) атмосфера господства среди членов общества коллективистской (социоцентристской) ориен-

тации (в одном из ее двух вариантов: цивилизованном — неразрывно связанном с постоянным поиском оптимального для данных условий сочетания личных, групповых и общественных интересов, либо примитивном — игнорирующем важнейшие интересы индивидов и их отдельных групп) или господства индивидуалистической либо узко групповой ориентации, для которой нередко бывает свойственен дух стяжательства; 4) высокой или низкой престижности общественно значимого честного труда (в его различных видах); 5) творческая, самокритичная обстановка постоянного идейного поиска (часто — острой идеологической борьбы) или догматическая атмосфера самодовольства, единомыслия (в различных вариантах — от показного единомыслия до всеобщего фанатизма), нетерпимости к иному (отличному от собственного) мнению; 6) свободы совести или насаждения религиозных догматов; 7) демократическая или авторитарно-элитарная, вождистская, бюрократическая, псевдопопулистская; 8) следования стратегии правды — открытости для населения основной массы общественно значимой информации или стратегии лжи и секретности — фальсификации и сокрытия от народа такой информации; 9) уважение к морали и праву или пренебрежение ими, т. е. совпадение в главном официальной идеологии и «практической морали» или существование глубокого противоречия между ними; 10) политизация общества или преобладание политической апатии, аполитичности; 11) господство истинно революционной (разрушающей старое и одновременно создающей новое, открытой для дальнейших новаций), либо псевдореволюционной (исключительно или преимущественно деструктивной, не созидательной), либо реформистской, а также консервативной (в том числе традиционалистской) идеологии; 12) открытость для всесторонних контактов с внешним миром, для восприятия всех исходящих извне истинных духовных ценностей, готовность вступать в спор и доказывать преимущества и справедливость своих идейно-теоретических установок или атмосфера самоизоляции, национальной замкнутости, боязни контактов с представителями иной культуры; 13) интернационализм — уважительное отношение к культуре других народов, готовность делиться с ними своими достижениями или национализм (регионализм и т. д.) — национальной кичливости, пренебрежения к культуре других наро-

дов; 14) бережного отношения к национальным (историческим) культурным ценностям или постепенной утраты их — вытеснения национальной культуры культурой другой нации или чрезмерной космополитизации культуры, потери ею собственного облика; 15) относительной типологической однородности культуры на всей территории страны или наличия ряда качественно отличных друг от друга культурных регионов (вплоть до их крайней пестроты, атомизированности); 16) существование примерно одинакового уровня культуры на всей территории страны и среди основных слоев населения или явно выраженных диспропорций в культурном уровне населения (в зависимости от регионов проживания или социальной принадлежности); 17) отсутствие или наличие очагов массовых проявлений антисоциального образа жизни; 18) разумной децентрализации интеллектуального потенциала общества или его необоснованного распыления либо чрезмерной концентрации в одном или нескольких центрах при игнорировании интересов периферии и т. д.

Данная классификация может быть расширена на основе использования иных критериев, а также конкретизирована посредством дополнительного выделения промежуточных, переходных (от одного из указанных выше к другому) вариантов общей культурной обстановки в обществе.

Социально-классовая среда политической системы характеризуется прежде всего определенной классовой структурой населения, но вместе с тем — и иными формами социальной стратификации и ранжирования.

Исходя из указанных В. И. Лениным критериев разграничения классов⁵, могут быть выделены основные и неосновные классы и социальные группы, существование которых связано с тем или иным хозяйственным укладом. При этом становится явным разделение общества на трудящихся и эксплуататорские классы, а также занимающие промежуточное положение между ними маргинальные слои; свободных тружеников и социально дискриминируемые либо социально привилегированные слои; классы и социальные слои, играющие исторически прогрессивную, консервативную или реакционную роль; новые восходящие, продолжающие активно действовать или сходящие с исторической арены классы и социальные слои. Кроме того, существует социальная дифферен-

циация по профессиональной принадлежности; уровню квалификации, стажу работы; наличию и месту работы (принадлежности к определенной отрасли производства, сектору экономики, конкретному трудовому коллективу); источнику получения доходов и уровню обеспеченности материальными и духовными благами; количеству свободного времени и формам его использования; степени связи в своей хозяйственной деятельности с достижениями научно-технического прогресса; степени вовлеченности в процесс управления производством и т. д.

Важное значение имеет разделение членов общества в соответствии с их ролью в хозяйственной деятельности на: производителей и потребителей, управленцев и непосредственных производителей, собственников и работников, добросовестных и недобросовестных работников и т. п.

Ряд естественных факторов предопределяет дифференциацию населения по территориальному признаку — месту и условиям проживания, месту рождения; происхождению и соответствующей принадлежности к той или иной семье, племени, клану, касте, народности, нации; полу; возрасту (в том числе и принадлежности к определенному поколению); состоянию здоровья (включая и трудоспособность).

Культурные факторы являются основой для возникновения социальных групп, отличающихся по принадлежности к конкретному типу культуры; приверженности определенной идеологии и особенностям их общественной психологии; отношению к религии; уровню культуры; способности правильно оценивать и соотносить собственные, групповые и общественные интересы; степени влияния на культурную жизнь общества и т. д.

Воздействие на социальную культуру общества политико-правовых факторов проявляется, в частности, в разделении населения по таким признакам, как: уровень политической активности и наличие политического опыта, степень приобщенности к осуществлению политической власти и ответственности за проводимый политический курс, объем политических прав и свобод, объем правоспособности и дееспособности.

Немаловажное значение имеет ситуационная дифференциация членов общества в соответствии с их мнением по тому или иному вопросу общественной

жизни. Помимо этого, необходимо учитывать существование групп населения, объединенных общими или сходными любительскими увлечениями, а также групп, возникающих на основании факта личного знакомства конкретных лиц и поддержания между ними более или менее тесных связей, т. е. групп, объединенных отношениями личной дружбы или взаимного оказания услуг.

Международная среда той или иной политической системы — это международное сообщество в целом, отдельные регионы мира и конкретные зарубежные страны. При этом влияние международной среды проявляется в воздействии на данную политическую систему со стороны: 1) политических систем других стран, международных региональных и универсальных политических структур; 2) внешней по отношению к рассматриваемой стране (т. е. относящейся к другим странам и миру в целом) природной, хозяйственной, культурной и социально-классовой среды.

Следует учитывать, что разнообразные политические, хозяйственные, культурные и социальные образования определенной страны могут действовать за ее пределами, а аналогичные им структуры и общности, относящиеся к другим странам или международному сообществу в целом, — на территории данной страны.

Каждая из указанных выше сфер находится в динамике, характеризуется различными тенденциями, многовариантностью путей и форм развития.

Среди важнейших функций политических систем в научной литературе обычно называют: «а) политическое целеполагание, б) властно-политическая интеграция общества, в) регулирование режима социально-политической деятельности, г) обеспечение целостного управленческого воздействия на общественные процессы»⁶.

Основными историческими типами политических систем, выделяемыми в рамках марксистской прогрессистской концепции общественного развития, являются: соответствующий азиатскому способу производства; античный; феодальный; буржуазный и социалистический. Кроме того, имеются переходные типы (в современную эпоху — переходные к буржуазному или к социалистическому типу) и политические системы, характеризующиеся регрессивной эволюцией. Возможно также возникновение комбинированных политиче-

ских систем, в условиях которых в различных частях территории страны существуют разнотипные общественные отношения и локальные политические структуры с неодинаковой классовой природой. Наиболее характерным примером этого должна стать Китайская Народная Республика после воссоединения с ней в соответствии с уже заключенными международными договорами Гонконга и Макао при полном сохранении в этих районах на длительный срок капиталистической системы хозяйства.

Важную роль играет цивилизационная принадлежность конкретной политической системы, характеризующая все общество и его политические структуры с точки зрения их обусловленности глубоко укоренившимися традициями культуры данного народа⁷. При этом комплексное научное исследование политических систем обязательно предполагает анализ возможных (порой очень серьезных) противоречий между цивилизационной принадлежностью государственных, общественных и иных институтов, которые: а) целенаправленно насаждаются господствующими социальными силами; б) издавна существуют в обществе и воспринимаются большинством населения как соответствующие национальным традициям (часто — и как справедливые); в) необходимы для успешного продвижения страны по пути социального прогресса.

Набор элементов (субъектов), их юридический и фактический статус, распределение функций между ними в различных политических системах, в том числе и относящихся к одному историческому типу, могут в зависимости от множества внутренних и внешних факторов существенно отличаться. С учетом этого необходимо четко отграничивать самостоятельные субъекты политических систем, во-первых, от политических институтов, являющихся составными частями таких субъектов, а во-вторых, от неполитических институтов и иных участников общественных отношений, не оказывающих реально значимого воздействия на политическую жизнь.

Сам факт официального провозглашения организаций или учреждений субъектами политической системы, а также наличие у них сходства в названии, внутренней организации и функциях с аналогичными структурными образованиями, являющимися реальными субъектами в иных политических системах, еще не достаточны для признания данных организаций и

учреждений фактическими субъектами (а не псевдосубъектами) политической системы. И наоборот, декларирование организациями, учреждениями своего неполитического характера или подобные оценки их со стороны государства, правящей партии, авторитетных политиков и ученых не всегда служат достаточным основанием для исключения рассматриваемых образований из числа активно действующих субъектов политической системы.

Так, в политических системах с чрезмерным усилением их интегративности⁸, с максимальным огосударствлением общественной жизни⁹ большинство легальных общественных организаций фактически превращается в филиалы, специализированные институты правящей партии (а нередко и официально рассматриваются в качестве таковых) либо даже становятся частью государственного механизма. Крайняя форма выражения такого процесса — провозглашение и реализация в Гвинее при президенте А. Секу Туре концепции «партии — государства», в соответствии с которой было осуществлено полное слияние партийного и государственного аппарата при зачислении в партию («партию — государство») практически всего населения страны. Ни о каких иных, кроме «партии — государства», субъектах политической системы речи идти не могло, хотя псевдосубъектов было немало.

Характерным примером иного рода является случай, когда церковь, будучи отделенной от государства и декларируя свой неполитический характер, в действительности играет активную и самостоятельную роль как внутри страны, так и в международных делах, т. е. фактически выступает в качестве субъекта политической системы. Подобным может быть статус различных общественных организаций и хозяйственных объединений. Иными словами, легальные или нелегальные институты, официально непризнанные субъектами политической системы, нередко фактически являются ее активными субъектами.

Таким образом, признак субъекта (элемента) политической системы, отличающий его от структурных подразделений других субъектов и от институтов, не имеющих отношения к политической системе, — способность самостоятельно участвовать в осуществлении политической власти (на общенациональном, региональном или локальном уровнях), представляя и защищая интересы всего общества, определенных клас-

сов или иных социальных (территориальных, половозрастных, профессиональных, национальных, культурных и т. п.) групп.

Исходя из различных критериев, среди субъектов политических систем можно выделить:

собственно политические институты и элементы внешней среды политической системы, перешедшие в категорию элементов самой политической системы¹⁰, т. е. политизированные первоначально (по своей природе) неполитические институты, социальные, культурные, хозяйственные общности и прочие образования;

институты, являющиеся официальными или фактическими представителями общества в целом или отдельных групп населения, и непосредственно само общество в целом или отдельные его компоненты, когда они не прибегают к помощи «посредников», политических представителей, а осуществляют свое воздействие на политическую жизнь путем выборов, референдума, плебисцита или восстания;

выполняющие конструктивную или деструктивную, дисфункциональную роль по отношению к данному историческому типу политической системы;

поддерживающие власть политических сил, контролирующих государственный аппарат, нейтральные (в том числе и не выражающие открыто своей политической позиции) по отношению к этим силам или же проявляющие свое негативное и даже враждебное отношение к ним;

типично классовые по своей природе и межклассовые или со слабо выраженной классовой принадлежностью и направленностью;

претендующие на представительство всего общества или же только его части;

осуществляющие свою деятельность преимущественно на общенациональном (общегосударственном), региональном или локальном уровнях либо на всех уровнях одновременно;

проявляющие высокую или слабую степень самостоятельной политической активности;

влиятельные и маловлиятельные;

опирающиеся на вооруженную силу и иные насильственные средства и методы воздействия на политические процессы в обществе или лишь на силу убеждения;

претендующие и непретендующие на монополию или преимущественное участие в осуществлении политической власти;

проявляющие терпимость или явную нетерпимость, агрессивность по отношению к своим политическим оппонентам;

демократические или авторитарные по своей роли в политической системе;

демократические или автократические по принципам формирования и функционирования собственных структур;

стабильные и нестабильные;

способные или неспособные приобрести стройные организационные структуры;

институционализированные или находящиеся в процессе структурного оформления;

легальные, полулегальные или нелегальные и т. д.

Не вводя в предлагаемую ниже общую классификацию большого количества критериев выделения отдельных субъектов политических систем и, таким образом, не рассчитывая на создание подробной схемы со множеством уровней и ответвлений (это задача специального исследования), ограничимся лишь перечислением и, где необходимо, краткой характеристикой возможных (т. е. встречающихся далеко не во всех странах) субъектов политических систем.

1. Общество в целом. Оно, в частности, в определенных ситуациях может быть представлено в виде институционализированного общественного мнения¹¹.

2. Нации.

3. Государство как официальный представитель всего общества.

4. Политические партии (также полупартийные организации¹² и квазипартии¹³) и движения.

5. Иные общественно-политические организации — профессиональные (в том числе и союзы предпринимателей), молодежные, женские, этнических и религиозных групп и т. д.

6. Кооперативные организации, советы потребителей и т. п.

7. Трудовые коллективы.

8. Территориальные коллективы (общности)¹⁵ различных уровней и видов (включая и национально-территориальные).

9. Политизированные любительские и иные

динения по интересам (в том числе — культурные и спортивные общества).

10. Средства массовой информации¹⁶ и автономные научные и культурные центры (например, автономные университеты).

11. Церковь¹⁷.

12. Общественно-государственные и государственно-общественные образования¹⁸, включая народные (национальные) фронты, а также группы динамизации и формирования милиционного типа¹⁹.

13. Отдельные органы государства, обладающие очень высокой степенью автономии по отношению ко всему остальному механизму государства и обществу в целом или же вообще вышедшие из-под контроля традиционных высших органов государственной власти.

В таком положении, в частности, иногда может находиться армия (после военного переворота) или иные специализированные ведомства, деятельность которых входит в противоречие с политикой государства в целом или (в случае отсутствия единой государственной политики) с политическими позициями высших органов государства.

14. Лидер правящей партии (движения), власть которого в государстве и обществе персонифицирована²⁰.

15. Хозяйственные организации (в том числе монополии), активно вмешивающиеся в политическую жизнь общества.

16. Касты, кланы, племена и т. п.²¹

17. Каждая отдельная личность²². Обычно — политически дееспособные граждане²³, реально пользующиеся широким комплексом гражданских и политических прав и свобод, но в некоторых случаях — любой политически дееспособный индивид, не исключая иностранцев и лиц без гражданства (в ряде стран иностранцы и лица без гражданства имеют, например, право избирать и быть избранными в местные органы власти).

18. Органы региональных или универсальных международных организаций (наднациональных объединений), наделенные в соответствии с уставом организации и конституционными нормами данного государства правом принимать решения, обязательные для государственных органов, общественных организаций и граждан.

19. В условиях ограничения национального суверенитета — органы другого государства либо группы государств или непосредственно не принадлежащие какому-либо государству, но обладающие реальной политической силой организации (например, вооруженные наемники, международная мафия и т. п.), а также органы транснациональных корпораций или международных финансовых учреждений.

Данный перечень, несомненно, не является исчерпывающим и может быть продолжен.

Все субъекты (элементы) политической системы призваны выражать интересы определенных социальных слоев или групп *. Поэтому в условиях классово-антагонистического общества политическая система обычно состоит из трех основных блоков: механизма обеспечения классового господства того или иного класса (классов, социальных слоев); механизма сопротивления этому господству со стороны классов-антагонистов и промежуточных элементов, не входящих полностью ни в первый, ни во второй из указанных механизмов²⁴. Однако при «социальном консенсусе» правящих и управляемых²⁵ или при жестоких репрессиях против политической оппозиции механизм сопротивления господствующим классам может на некоторое время практически исчезать, возникновение же его вновь неизбежно. Лишь самоуправление народа в условиях общества, переходного к коммунизму, способно создать единую по своей социальной природе и вместе с тем истинно плюралистическую по составу и полноте отражения представленных в обществе разнообразных интересов политическую систему.

Содержание политических систем переходного типа и особенности их важнейших разновидностей

По своей природе революционно-демократические политические системы являются переходными от

* Ситуациями особого рода, но в целом вписывающимися в представленную в данной работе концепцию, являются довольно часто встречающиеся случаи, когда ряд социальных слоев, «не имея «официального представительства» на уровне политической системы», воздействует на ее функционирование лишь «косвенно, извне, из социальной среды системы» (Политические системы в странах социалистической ориентации. С. 89—90).

1) буржуазных, 2) в основном добуржуазных, 3) псевдосоциалистических (казарменно-социалистических) политических систем к социалистическим. При этом отнюдь не исключается, что в таких политических системах кроме собственно революционно-демократических элементов, обеспечивающих развитие всей системы в направлении к социализму (или сохранение возможности при более благоприятных условиях начать движение в этом направлении), также имеются качественно иные элементы (легальные или нелегальные), в том числе образующие механизм сопротивления реакционных слоев эксплуататорских классов. Обязательным, однако, является политическое доминирование первого блока элементов.

Используемый при характеристике политической системы, переходной к социалистическому типу, термин «революционная» означает не столько преобладание в ней революционных форм и методов осуществления власти (их соотношение с традиционными, неревolutionными может быть различно), сколько общую устремленность системы на коренное преобразование социально-экономических и политических структур, т. е. на прогрессивное изменение общественно-экономической формации и типа политико-правовой надстройки. Термин же «демократическая» указывает на то, что власть осуществляется не только от имени народа (прогрессивных классов и социальных слоев), но и в его интересах, а по возможности (если для этого есть соответствующие условия) — и через народ.

Указанные в главе 3 данной работы основные функции государства, переходного к социалистическому типу, следует одновременно рассматривать и как функции революционно-демократической политической системы, важнейшим элементом которой является это государство. Вместе с тем нужно учитывать, что функции политической системы, переходной к социалистическому типу, могут быть по-разному распределены между ее элементами²⁶. Так, в условиях структурной неполноты системы²⁷ отсутствие или неразвитость одних элементов компенсируется усилением общей функциональной нагрузки на другие элементы системы. В частности, партийные структуры нередко берут на себя функции государственного аппарата или же создаются смешанные партийно-государственные органы²⁸. Впоследствии же при нормализации политической обстановки в стране целесообразным

является отказ от подмены или дублирования правящей партией деятельности других общественных организаций и государственных органов, требуется перераспределение функций между существующими элементами политической системы²⁹, формирование в ней (или официальное признание таковыми) новых элементов.

Существование явных диспропорций в распределении функций внутри революционно-демократической политической системы часто представляет собой не только следствие чрезвычайных условий в стране, но также абсолютизацию революционно-демократическими силами средств и методов руководства обществом, используемых в такой обстановке, восприятие их в качестве универсальных, пригодных для любой ситуации. Практическим результатом ошибочных концепций становится этатизация (огосударствление) общественной жизни, политической системы, чрезмерное усиление ее интегративности, искусственного монолитизма.

Чрезвычайные условия, в которых действует революционно-демократическая политическая система, или особенности разработанной политическим руководством страны и реализуемой на практике концепции могут приводить к политизации некоторых общественных отношений, обычно не являющихся непосредственно политическими³⁰. А сильное влияние на общественную жизнь традиционных (клановых, племенных, религиозно-общинных и иных подобных им) структур нередко вызывает признание (официальное или фактическое, но открыто не декларируемое) революционно-демократической властью факта осуществления этими структурами политических функций³¹.

При наличии в революционно-демократических политических системах качественно разнородных по своей классовой и политической сущности компонентов (блоков элементов) роль элементов, не входящих в механизм власти революционного народа, нельзя рассматривать лишь как негативную, дисфункциональную. Как в основном политически нейтральные по отношению к революционным силам элементы политической системы, так и некоторые ее элементы, являющиеся составной частью механизма сопротивления революционному народу, могут выполнять наряду с негативными и ряд в целом конструктивных функций. Это относится, в частности, к процессам

выработки политических решений посредством достижения взаимоприемлемых (с учетом конкретных условий) компромиссов, мобилизации ресурсов общества, сохранения его целостности, сбалансированности важнейших жизненно необходимых структур, предотвращения бюрократического перерождения органов политической власти, их отрыва от населения и т. д.

В любой политической системе должен существовать механизм сохранения ее целостности, который иногда приобретает черты «механизма национального примирения»³². Ведь, как отмечал Ф. Энгельс, для того чтобы «противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе», необходима «сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка»...»³³. При этом надо особо подчеркнуть, что в условиях классово-антагонистического общества (а общество, переходное к социализму, не может не быть таковым) способность умерять столкновение политических противников обеспечивается прежде всего посредством лишения господствующими классами (социальными слоями) классов-антагонистов определенных средств и способов борьбы за свержение существующей власти³⁴ и введения политической борьбы в более или менее жесткие рамки.

Механизм сохранения целостности революционно-демократической политической системы и поддержания ее способности к прогрессивному развитию должен включать в себя три важнейшие составные части: механизм разрешения конфликтов внутри революционных сил (в том числе между доминирующим политическим большинством и альтернативными или ситуационными меньшинствами³⁵); механизм максимального использования в интересах развития революционного процесса всех позитивных возможностей неревolutionонных сил; механизм подавления контрреволюционных выступлений.

Следует учитывать, что в процессе функционирования революционно-демократической политической системы могут возникать существенные противоречия между реализацией задач обеспечения целостности системы, с одной стороны, и поддержания ее способности к прогрессивному развитию, с другой. Как отрыв политико-правовых и идеологических структур от реальностей общественной жизни переходного к социализму (т. е. еще не социалистического) общества,

проявляющийся в неоправданном забегании вперед или в попытках реализации утопических идей, так и усиление бюрократических деформаций, стагнация, застой в институтах власти неизбежно вызывают нарастание кризисных явлений в политической, социально-экономической и культурной сферах, в конце концов ведут к общеполитическому кризису в стране или к полному перерождению социальной природы системы. Для предотвращения подобного негативного развития событий в революционно-демократической политической системе и в обществе в целом должен существовать специальный механизм, обеспечивающий: контроль со стороны революционного народа за деятельностью политического руководства страны и аппарата власти; адекватное восприятие революционным народом и органами политической власти общей ситуации в стране (с учетом международной обстановки); своевременную и эффективную корректировку политического курса, проводимого институтами политической власти.

В зависимости от особенностей структуры и условий функционирования конкретной революционно-демократической политической системы могут использоваться различные (часто прямо противоположные друг другу) средства и методы сохранения ее целостности и поддержания способности к прогрессивному развитию.

Для уяснения специфики важнейших разновидностей революционно-демократических политических систем их, исходя из разнообразных критериев, следует классифицировать на:

переживающие период зарождения, структурного оформления, успешного функционирования, кризиса, распада и т. п.;

возникшие в результате мирных или немирных форм политической борьбы, легальных или нелегальных (с позиций ранее существовавших правовых норм) действий, массовых выступлений революционного народа или политической акции относительно узкой группы революционеров;

развивающиеся в нормальной или чрезвычайной обстановке (с точки зрения состояния природной, социально-экономической, культурной среды, внутривнутриполитической и международной ситуации в целом);

охватывающие территорию всей страны либо ее часть (большую или меньшую, объединенную в еди-

ный массив или нет, способную или неспособную к самостоятельному хозяйственному существованию и т. п.);

характеризующиеся биполяризацией политических сил или их атомизацией либо, наоборот, объединением, т. е. достижением социального консенсуса управляющих и управляемых;

действующие в условиях высокой или слабой политической активности населения;

существующие в одноплеменных или многоплеменных (полиэтнических) странах, в обществах с явно или слабо выраженной дифференциацией, с наличием или отсутствием резкого социального и политического неравенства различных наций и народностей, каст, религиозных, поло-возрастных, профессиональных и других групп населения, в странах с острыми или скрытыми формами проявления классовой борьбы и иных социальных конфликтов;

системы с активными или вяло текущими процессами политической борьбы, с проявлением ее преимущественно на уровне легальных институтов или в столкновении их с нелегальными структурами;

являющиеся открытыми или закрытыми для всесторонних контактов с внешним миром (с зарубежными странами);

системы, в которых власть находится в руках лишь революционных сил либо осуществляется коалиционными по своему составу органами, включающими в свой состав и неревolutionционные силы;

обеспечивающие непосредственное осуществление политической власти самим народом либо только от имени народа, но не через народ (при этом возможной является «опасность правительственной узурпации классового господства»³⁶);

ориентирующиеся на истинно гуманистические ценности, связанные с созданием условий для всесторонней самореализации личности, с развитием самоуправления народа, со стремлением обеспечить «обратное поглощение государственной власти обществом»³⁷, или же направленные на необоснованное усиление этатизации (огосударствления) общества, подавление личности коллективом, являющимся объектом политического манипулирования со стороны бюрократического аппарата, либо на поощрение групповых инстинктов в ущерб общенациональным (общегосударственным).

представляющие собой попытку реализации на практике программы «прогрессивного некапиталистического пути» или же иных его форм, отмеченных «чертами застойного или реакционного развития»³⁸, т. е. политические системы, характеризующиеся либо претворением в жизнь идей научного социализма, либо политикой следования концепциям мелкобуржуазного (казарменного, либерального и т. п.) социализма;

реализующие стратегию ускоренного развития (при исключительно высоком напряжении всех сил общества, мобилизации всех его ресурсов) либо стратегию стабилизации (возможна также ситуация, когда в условиях стагнации, застоя отсутствует четкая стратегия, общественные процессы не контролируются);

обеспечивающие всесторонний учет интересов будущих поколений, сбалансированное, комплексное развитие страны или лишь удовлетворение (в той или иной степени) потребностей сегодняшнего дня и ближайшего времени, развитие отдельных сфер общественного воспроизводства при деградации иных;

проводящие политику все более углубляющегося реального обобществления основных средств производства либо их формального обобществления или же политику либерализации экономики;

действующие в условиях жестко планируемой дефицитарной экономики³⁹ или нормально функционирующего хозяйственного механизма;

призванные обеспечить «национальное примирение» либо, наоборот, полное устранение с политической арены любой оппозиции стоящим у власти революционно-демократическим силам;

провозглашающие ту или иную официальную идеологию или допускающие плюрализм политических течений;

однопартийные (и беспартийные) или многопартийные;

альтернативные или неальтернативные⁴⁰;

основанные на нормальном (ординарном) или чрезвычайном (экстраординарном) управлении⁴¹, использование каждого из которых не всегда совпадает с существованием соответствующей обстановки (нормальной или чрезвычайной);

системы с преобладанием рационального (научно обоснованного) или примитивного управления⁴²;

использующие в качестве методов управления преимущественно убеждение и стимулирование желатель-

ного поведения⁴³ или основанные главным образом на страхе репрессий;

характеризующиеся структурной полнотой (достаточностью) или неполнотой, политически правильным или порочным распределением функций между элементами системы;

легально оформленные или существующие де-факто без соответствующего законодательного закрепления структуры и полномочий своих основных институтов;

системы, в которых органы политической власти обладают дискреционными или же только юрисдикционными полномочиями⁴⁴;

действующие на основе принципа законности или систематически допускающие беззакония; системы, гарантирующие или не гарантирующие безопасность личности, политических, социальных и ситуационных меньшинств;

системы с персонифицированной властью политического лидера или с отсутствием таковой;

системы, в которых среди институтов политической власти доминирующими являются органы прямой демократии (непосредственной народной инициативы) и представительные органы, либо же исполнительные органы и их аппарат;

системы с номенклатурным⁴⁵ или конкурсным принципом проведения кадровой политики в формировании органов политической власти;

действующие на основе принципа ротации (постоянного обновления, сменяемости) руководящих политических кадров или в условиях кадрового застоя в высших эшелонах власти и в иных наиболее важных центрах управления общественными процессами;

системы с преобладанием квалифицированных, дисциплинированных и трудолюбивых руководящих кадров или противоположных им по своим личностным качествам работников сферы управления;

системы, в которых высшее политическое руководство страны и его официальные представители на местах в проводимой ими политике исходят прежде всего из своих личных политических амбиций, узкоэгоистических и групповых интересов или же, наоборот, жертвуя личным спокойствием и благополучием, отдают все силы борьбе за идеалы революции, за удовлетворение интересов народных масс — народа в целом и каждого человека в отдельности;

пораженные коррупцией или характеризующиеся гражданской честностью, порядочностью управленческих или иных кадров;

системы с руководящими кадрами, должностными лицами, реально несущими перед революционным народом политическую и юридическую ответственность за свою деятельность (подотчетными и подконтрольными) или же не несущими такой ответственности и ограниченными в своей деятельности лишь возможностью контроля со стороны вышестоящих органов либо своих коллег, занимающих равное с ними положение в политической иерархии, что присуще системам, функционирующим «в соответствии с принципами чиновничьего всевластия «сверху вниз» и чиновничьего раболепия «снизу вверх»...»⁴⁶;

характеризующиеся постоянной связью управленческих кадров с народными массами, доступностью и простотой в общении или же — отрывом руководителей от масс, чванством, патернализмом;

действующие на основе принципа гласности, отсутствия зон, свободных от критики, правдивости политической информации либо, наоборот, в обстановке отсутствия гласности, господства «культы секретности», закрытости функционирования аппарата власти⁴⁷ искусственно насаждаемой иерархии знания⁴⁸, претензии руководящих органов на монопольное владение истиной, демагогии в пропаганде, явного расхождения между словами (лозунгами) и делами политического руководства;

стабильные или нестабильные, в которых при малейшем потрясении может легко начаться процесс распада (дезинтеграции) или произойти изменение социальной природы;

переживающие бурный процесс качественных политических изменений, создающих новые предпосылки для перехода к построению социализма; находящиеся в состоянии постепенного накопления позитивных количественных изменений при сохранении политического статус-кво; медленно, но неуклонно деградирующие, а также переживающие процесс распада или быстрого перерождения в политическую систему эксплуататорского типа.

Научный анализ содержания различных революционно-демократических политических систем обязательно предполагает выявление трех основных групп их черт: 1) соответствующих природе переходного к со-

циализму общества; 2) противоречащих такой природе, но ситуационно и временно допустимых; 3) безусловно, недопустимых при переходе к социализму⁴⁹, с которыми, к сожалению, все же нередко приходится сталкиваться в политической практике многих стран.

Государство в политической системе переходного типа

Подробный анализ данной проблемы предполагает определение места государства в революционно-демократической политической системе, характера его взаимосвязей с другими ее элементами и прежде всего с революционно-демократической партией (организацией), иными партиями и общественно-политическими организациями, а также рассмотрение процесса создания нового государственного аппарата, становления и изменения принципов его функционирования, организации, подбора и расстановки кадров. Однако, учитывая, что общая характеристика государства, переходного к социалистическому типу, уже дана в предыдущих главах, ограничимся освещением лишь некоторых наиболее важных вопросов концептуального характера.

Среди множества задач, которые революционный народ решает в сфере создания нового государственного аппарата, наиболее важными являются: обеспечение компетентности, высокой квалификации кадров и технической эффективности управленческой деятельности; выдвижение на руководящие посты преданных революции специалистов и создание механизма, гарантирующего постоянное приведение управленческой деятельности в соответствие целям развития и углубления революционных преобразований; предотвращение бюрократического перерождения государственного аппарата, «превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом»⁸⁰; обеспечение максимально широкого и допустимого с учетом политической обстановки в стране представительства в органах государственной власти от различных социальных групп населения, что призвано содействовать поддержанию стабильности политической системы и использованию всех внутренних ресурсов страны для сбалансированного и быстрого развития.

Аппарат революционно-демократического государ-

стеа может либо полностью входить в механизм власти революционного народа (т. е. быть относительно единым по своей социальной природе), либо включать в себя наряду с революционно-демократическими компонентами также политически нейтральные (неревolutionные) и даже явно контрреволюционные структуры — определенные органы государства или группы чиновников. При этом необходимо учитывать специфику органов самоуправления и аппаратных структур.

В отдельных революционно-демократических государствах сохраняются свойственные некоторым буржуазно-демократическим государствам в значительной степени независимые от правительства комиссии по делам государственных служащих, самостоятельно осуществляющие назначения и увольнения тех или иных категорий государственных служащих.

Иногда аппарат революционно-демократического государства бывает расколот или жестко разделен на несколько обособленных друг от друга составных частей, вследствие чего каждая или некоторые из них фактически превращаются в самостоятельные элементы (субъекты) политической системы. В ряде случаев, например, армия в целом или ее отдельные компоненты, глава государства или правительства с ближайшим окружением и соответствующим аппаратом, а также иные органы государства приобретают высокую степень автономии по отношению ко всему остальному механизму государства и обществу, что дает основания рассматривать их в конкретной политической ситуации в качестве особых элементов политической системы.

В революционно-демократических политических системах функции органов государства (учредительные, законодательные, исполнительные, контрольные и правоохранительные) нередко выполняют правящая партия (партии), различные общественно-политические организации, государственно-общественные и общественно-государственные образования. Государственные функции могут осуществляться органами, носящими непосредственно общественный характер, а в условиях некоторых стран социалистической ориентации — также и традиционными негосударственными (племенными, клановыми и иными) структурами. В частности, могут активно действовать поддерживающие революционно-демократическое государство племенные воинские формирования.

Рассмотрение принципов функционирования и организации государственного аппарата, прежде всего, предполагает выявление концептуального характера экономической политики государства — максимального или ограниченного вмешательства в экономику; социальной политики — уравнительного распределения, распределения главным образом по труду или исходя из иных критериев; политики в сфере культуры и идеологии — директивного (командного) управления, невмешательства или же хорошо продуманного и сбалансированного воздействия на духовную жизнь общества, насаждения застывших догм и связанных с ними различных ритуалов, а также провозглашения «полного идеологического плюрализма» и «идеологической нейтральности» государства или же обеспечения социалистического плюрализма мнений.

Анализ теоретических основ функционирования и организации революционно-демократического государственного аппарата также должен включать в себя выяснение того, какая политико-правовая концепция реализуется на практике: максимального огосударствления общественной жизни или поощрения и развития самоуправления; разделения властей или концентрации государственной власти в руках одного либо нескольких тесно взаимосвязанных органов; правового государства или государства, руководствующегося представлениями должностных лиц о политической целесообразности; демократического или бюрократического централизма в деятельности государственного аппарата; централизации или децентрализации во взаимоотношениях центральных и местных органов; унитарного или федеративного государственного устройства во взаимоотношениях между регионами; четкого разграничения или дублирования функций правящей партии и государственных органов; демократической или авторитарной взаимосвязи государства и личности.

Важнейшими принципами формирования корпуса государственных служащих (чиновников, офицерского корпуса армии и полиции и т. п.) являются: принцип конкурсного отбора (исходя из различных критериев); пропорционального или иного фиксированного представительства от различных социальных групп (включая национальные⁵¹, региональные и др.); номенклатурный и т. д. При этом оценка использования тоге

или иного принципа кадровой политики зависит от степени его соответствия общей обстановке в стране и характеру самого органа государства. Так, например, законодательное установление процентного минимума представительства трудящихся в определенных государственных органах⁵² часто бывает чисто формальным и подобно процессу пополнения ряда революционно-демократических партий политически незрелыми представителями пролетарских и полупролетарских слоев⁵³ не дает реальных позитивных результатов, не устраняет бюрократизма государственного аппарата.

Что же касается номенклатурного принципа подбора и расстановки кадров, то его нельзя оценивать исключительно как негативный, бюрократический. При определенных условиях он может быть необходимым, полезным для укрепления революционных сил. Но в этом случае должен исключаться протекционизм любого вида (основанный на родственных связях, землячестве, личной преданности и т. п.) и функционировать механизм выдвижения на руководящие посты в аппарате революционно-демократического государства действительно порядочных, компетентных, политически активных, дисциплинированных и преданных делу революции граждан.

Политические качества различных категорий государственных служащих в концентрированном виде проявляются в том, исходят ли они прежде всего из своих частных и текущих интересов или руководствуются преимущественно общими и перспективными интересами⁵⁴ (при этом частные интересы нередко выступают в форме групповых, корпоративных). В механизме государства может преобладать или первая или вторая модель поведения государственных служащих.

Сущность местных органов власти в значительной степени определяется тем, выступают ли они в качестве реальных представителей населения территориальной единицы или лишь агентов центральной власти⁵⁵. Аналогично природа депутатского корпуса любого уровня зависит не только от преобладания в его составе выходцев из тех или иных социальных слоев, сторонников конкретных политических партий, но и от способности большинства членов представительных органов быть одновременно выразителями интересов и определенных групп населения (в том числе своих

территориальных коллективов), и данного сообщества (региона, страны) в целом.

В условиях создания предпосылок для строительства социализма довольно часто формальные и неформальные процедуры в формировании и функционировании государственных институтов не совпадают⁵⁶, имеются явные несоответствия «между теоретической моделью, зафиксированной в программных документах и оформленной законодательно, и реальными политическими институтами»⁵⁷. В частности, широкое распространение нередко получают такие неформальные, открыто не декларируемые, более того — официально осуждаемые, противоречащие основным задачам революционно-демократического государства принципы подбора и расстановки кадров, как: протекционизм родственникам, землякам, другим категориям знакомых и лично преданных данному руководителю (того или иного ранга) либо потенциально полезных для него в силу возможности требовать (ожидать) от иных покровителей протекжируемой поддержки, услуг; выдвижение кадров «с оглядкой» на то, чтобы их руководитель не выглядел на их фоне слишком «скромно» из-за своего более низкого уровня компетентности, и устранение с ответственных постов высококвалифицированных, самостоятельно мыслящих и решительных кадров, способных брать на себя ответственность за принятие важных решений и пользующихся авторитетом у широкой общественности и рядовых работников аппарата.

Большое теоретическое и практическое значение имеет проблема соотношения затрат и результатов⁵⁸ в деятельности революционно-демократического государства, а также соответствия средств поставленным целям. Анализ этого вопроса на материале конкретных стран или регионов дает возможность определить не только эффективность государственного управления, но и его истинное социальное содержание.

Подводя итог сказанному в данном параграфе, отметим, что революционно-демократическое государство обладает способностью придавать целостность и устойчивость политической системе⁵⁹. Это и определяет его особое место среди других элементов (субъектов) политической системы, переходной к социалистическому типу.

Политические партии в политической системе переходного типа

Понятие политической партии может быть раскрыто посредством уяснения ее общих и специфических признаков по сравнению с политическими движениями⁶⁰, непартийными политическими организациями (примером которых могут служить военно-революционные организации, захватывающие власть в результате государственного переворота), иными общественными организациями, квазипартиями и полупартиями. Опираясь на содержащийся в научной литературе материал, можно сделать вывод, что *партия* — это общественно-политическая и идеологическая организация определенных классов или социальных групп, которая представляет и защищает интересы этих классов и групп⁶¹, ведет борьбу за завоевание или удержание политической власти и имеет достаточно стройные организационные структуры. Отсутствие у организации, именующей себя партией, какого-либо из указанных в данном определении признаков фактически превращает ее в иной по своей природе (непартийный) институт.

Проблема важнейших функций политических партий достаточно подробно освещена в монографической литературе⁶² и не будет являться предметом специального анализа в данной работе.

С учетом уже имеющихся классификаций политических партий⁶³ перечислим основные типы и разновидности партий, существующих в революционно-демократических политических системах. Прежде всего надо отметить, что в таких политических системах могут легально или нелегально действовать: марксистско-ленинские, леворадикальные, социал-реформистские, буржуазные (либеральные, консервативные, праворадикальные), феодальные и сходные с ними иные традиционалистские партии.

Комплексное исследование социальной природы политических партий должно включать в себя выявление их идеологических основ, социальной базы, организационных структур, роли в политической системе.

Правящими в государствах, переходных к социалистическому типу, могут быть: марксистско-ленинские, революционно-демократические партии, их коалиции. Кроме того, в состав правящей коалиции иногда

входят социал-реформистские и некоторые несоциалистические партии.

Есть две основные разновидности революционно-демократических партий: 1) декларирующие свою ориентацию на марксизм-ленинизм; 2) руководствующиеся идеями «национального» («регионального», «религиозного» и т. п.) социализма. При этом важно видеть существующие расхождения между политическими заявлениями, лозунгами и проводимой или намечаемой политикой. В частности, пришедшие к власти марксистско-ленинские и революционно-демократические партии далеко не всегда открыто и в полном объеме обнародуют свою идейно-теоретическую платформу. Нередко они не стремятся подчеркивать социалистический характер своей программы. И, наоборот, некоторые декларации политических партий о приверженности социализму и даже марксизму-ленинизму не имеют под собой реальной основы, ведут лишь к дискредитации в глазах народных масс этих идей.

Правильное понимание социальной природы революционно-демократических и иных политических партий, провозглашающих социалистические лозунги, требует уяснения различий между научным (пролетарским), мелкобуржуазным, буржуазным, феодальным, патриархальным социализмом⁶⁴. Разграничению социализма научного, социализма утопического и псевдосоциализма способствует верное истолкование уже приводившегося выше ленинского высказывания о том, что «невозможно растягивать слово «социализм»...», ибо «социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации»⁶⁵. Доктрины и политика, не отражающие такого протеста, не обосновывающие такой борьбы, как бы они не именовались, какой бы вывеской не пользовались их создатели и сторонники, не являются социалистическими.

Оценивая сложные и неоднозначные процессы идеологической борьбы внутри революционно-демократических партий, стоящих на позициях «национального» социализма, надо отметить, что эти партии могут: 1) постепенно эволюционировать в направлении все более полного усвоения их руководством и рядовыми членами идей научного социализма; 2) склоняться в сторону усиления влияния левацко-

авантюристических («ультралевых») идей и авторитарно-бюрократических программ; 3) превращаться в социал-реформистские; 4) сближаться с идейными установками буржуазных и пробуржуазных сил; 5) фактически переходить на патриархально-консервативные или сходные с ними позиции.

Важное методологическое значение для уяснения содержания идейной эволюции революционно-демократических партий, провозглашающих своей официальной идеологией ту или иную разновидность «национального» («регионального», «религиозного») социализма, имеют два следующих замечания В. И. Ленина: 1) «Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии»⁶⁶; 2) «Посвоему, не через марксизм, не от идей классовой борьбы пролетариата, этот человек сделался социалистом»⁶⁷.

Столь же велико теоретическое значение двух других высказываний основоположников марксизма-ленинизма: 1) «В современном обществе революционные движения для того, чтобы иметь какие-либо шансы на успех, должны вначале заимствовать свое знамя у тех элементов народа, которые, хотя и настроены оппозиционно против существующего правительства, однако целиком принимают существующий общественный строй. Словом, революции должны получить свой входной билет на официальную сцену от самих же правящих классов»⁶⁸; 2) «Задача в том, чтобы пробудить революционную активность к самостоятельности и организации трудящихся масс независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа...»⁶⁹.

Учитывая особенности социальной базы революционно-демократических партий, действующих в них принципов партийного строительства (в частности, взаимоотношений центральных и низовых органов) и специфику их организационных структур, эти партии можно классифицировать на кадровые или массовые; с харизматическим лидером или с коллективным руководством; основанные на принципе демократического или бюрократического централизма и т. д.

Важнейшими путями и формами возникновения революционно-демократических партий являются: со-

здание группой левонастроенных лиц немногочисленной новой партии, ориентирующейся на социалистическую идеологию; преобразование широкого народного движения в партию; объединение нескольких социалистических (революционных) организаций; идейная эволюция влево ранее существовавшей несоциалистической или неревolutionционной партии; выделение левого крыла из несоциалистической или неревolutionционной партии либо объединение ряда фракций, отколовшихся от нескольких из таких партий.

Существуют три основных доктринальных подхода правящих в революционно-демократических государствах партий к проблеме взаимоотношений с государственным аппаратом: 1) концепция партии как высшей политической власти в стране⁷⁰ в двух ее вариантах — а) обосновании практически полного слияния партийных и государственных органов и б) выдвижении идеи дублирования партийными комитетами деятельности государственного аппарата и прямого командования им; 2) теория «идеологически нейтрального» («неидеологического», «непартийного» и т. п.) государства; 3) концепция четкого разграничения, взаимосвязи и взаимодополнения функций партии (партий) и государства.

Касаясь проблемы дублирования (подмены) партийными комитетами деятельности государственных органов, вмешательства партии в непосредственно административную работу, необходимо отметить, что результат этого далеко не всегда бывает однозначен и в полной мере ясен: усиление или ослабление политической роли партии в обществе, возвышение партийного аппарата над государством или, наоборот, превращение партийных организаций в придаток административного аппарата, в часть государственной машины, атрофия функций политической партии⁷¹. При этом нельзя упускать из виду, что в определенных условиях осуществление в течение сравнительно непродолжительного времени центральными, региональными и местными партийными органами государственных функций (учредительных, правотворческих, исполнительно-распорядительных, контрольных и судебных) представляет собой необходимую и вынужденную меру, направленную на сохранение и упрочение революционной власти. Высший орган правящей партии нередко берет на себя (официально или фактически) роль революционного совета — чре-

звычайнаго органа власти, наделеннаго широчайшими, в том числе и дискреционными, полномочиями, а местные комитеты партии становятся ядром революционных комитетов — полновластных представителей центра (государственного руководства) на местах. Однако средства и методы осуществления власти, характерные для подобной политической ситуации, ни в коем случае не должны абсолютизироваться, отрываться от конкретной исторической обстановки, объявляться универсальными и единственно возможными для обеспечения успешного развития революционного процесса.

Авторитарно-бюрократические деформации в принципах и практике партийного строительства приводят к крайне негативным последствиям: к установлению режима личной власти в партии⁷², подмене выборности кооптацией, отсутствию гласности, сменяемости кадров и реального контроля со стороны членов партии за деятельностью партийных руководителей всех рангов и т. д.

Во взаимоотношениях правящих в революционно-демократических государствах партий с общественными организациями имеются две основные концепции и соответствующие им политические линии: 1) объявление всех или практически всех общественных организаций своеобразными филиалами партии в определенной социальной среде (молодежной, женской, профессиональной и т. п.) и препятствование созданию и деятельности любых не связанных с партией организаций; 2) признание возможности политической автономии от партии общественных организаций (включая и право на их свободное создание без получения предварительного согласия на это политического руководства страны), что предполагает сотрудничество (в том числе и конфликтное) правящей партии с общественными организациями, занимающими конструктивные политические позиции, и соперничество, борьбу с организациями, действующими в рамках закона, но стоящими на неконструктивной с точки зрения партии платформе (при этом не исключается сотрудничество с ними по отдельным вопросам).

С учетом приводимых в монографической литературе классификаций партийных систем⁷³ можно указать важнейшие разновидности таких систем, существующих в обществах, переходных к социализму: беспартийные; однопартийные; неальтернативные мно-

гопартийные с партией-гегемоном (такой статус которой в той или иной форме официально закрепляется) и институционализированным механизмом сотрудничества всех или большинства легальных партий; частично альтернативные многопартийные с институционализированным механизмом конкурентного сотрудничества легальных партий, признающих общую программу революционных преобразований; альтернативные многопартийные.

Необходимо подчеркнуть, что часто формально существующая в конкретной стране партийная система не соответствует фактической. Так, помимо легальных партий могут действовать нелегальные. В ряде случаев традиционные функции политических партий осуществляются иными общественно-политическими организациями и движениями — народными (национальными, отечественными) фронтами, профсоюзами, молодежными (в частности, студенческими) организациями, особыми структурами в армии, массовыми движениями и т. п. За нередко встречающимися заявлениями правящей революционной демократии о запрете деятельности всех политических партий иногда скрывается создание однопартийной системы, при которой общенациональное революционное руководство играет роль высшего органа партии, а революционные комитеты выступают в качестве местных партийных организаций.

Специфическая партийная система существует в том случае, когда партии или их зачатки действуют легально, но лишены возможности оказывать реальное воздействие на осуществление государственной власти.

Общий вывод о том, какая партийная система в наибольшей степени соответствует задаче политического самоопределения трудящихся⁷⁴, развития революционного процесса в той или иной стране, ориентирующейся на построение социалистического общества, зависит от целого ряда факторов. И здесь не может быть каких-либо универсальных схем, пригодных на все случаи жизни политических рецептов.

Общественные организации в политической системе переходного типа

Отграничивая общественно-политические организации от политических партий, с одной стороны, и от неполитических объединений по интересам, с другой, а также учитывая особенности основных видов общественных организаций, все политизированные общественные организации, существующие в революционно-демократических политических системах, могут быть классифицированы следующим образом: профессиональные союзы, крестьянские ассоциации и объединения предпринимателей; молодежные (в том числе студенческие и иные); женские; организации этнических, религиозных групп, землячеств; объединения кооперативов⁷⁵; культурные общества и т. п. Кроме того, следует отметить такой специфический вид общественных организаций, как Народный (национальный, отечественный) фронт, охватывающий все важнейшие политические силы, стоящие на революционных позициях.

Каждый вид общественных организаций имеет два комплекса функций: а) непосредственной защиты интересов представляемой организацией определенной социальной группы; б) реализации программы развития общества в целом (например, для профсоюзов это предполагает содействие развитию общественного производства). Однако у некоторых общественных организаций и движений, стоящих на позициях «группового эгоизма», второй комплекс функций может практически полностью отсутствовать. С этим приходится сталкиваться, когда предлагаемая организацией или движением программа игнорирует законные интересы других социальных групп и общества в целом, ведет к созданию тупиковых политических ситуаций, к деградации и даже развалу политической системы и (или) важнейших компонентов ее внешней среды.

Комплексный анализ места любой общественной организации в политической системе предполагает сосредоточение внимания как минимум на трех главных проблемах: состоянии той части социальной среды, в которой действует данная организация; внутриорганизационных процессах и структурах; связях исследуемой организации с другими элементами политической системы⁷⁶.

Выбрав соответствующие критерии классификации (политическая направленность; официальная идеология; условия приема в свои члены; степень охвата представителей конкретного социального слоя и т. д.), можно дать характеристику основных типов и разновидностей профсоюзов, молодежных, женских и иных общественных организаций, определить их место в революционно-демократической политической системе и в том числе их принадлежность к тому или иному политическому блоку — механизму власти революционного народа, механизму противодействия этой власти или относительно нейтральным (промежуточным) элементам политической системы.

Важное значение имеют связи различных общественных организаций с политическими партиями и государством. Так, необходимо учитывать, что, во-первых, отдельные общественные организации нередко выполняют непосредственно государственные функции, причем не только в случае фактического огосударствления этих организаций. Во-вторых, общественные организации могут играть значительную роль в функционировании существующего в некоторых революционно-демократических политических системах механизма «национального примирения» («социального партнерства»), обладающего не только сходством, но и качественными отличиями от подобных структур, действующих в капиталистических странах с парламентской системой.

Определенное влияние на политическую систему оказывают связи общественных организаций с их зарубежными партнерами, прежде всего с аналогичными по своей природе образованиями. Одной из разновидностей таких связей является членство в международных (универсальных и региональных) объединениях общественных организаций того или иного вида и типа.

В качестве примера общественных организаций рассмотрим важнейшие разновидности молодежных организаций.

Существующие в молодежной среде политические течения являются прежде всего отражением социальной структуры конкретного общества, наличия у классов и социальных групп своих (в том числе и антагонистических) интересов, отражением общей и особенно политической культуры населения, его национальной структуры и множества других факторов.

Сформулированные на основе не только особых интересов отдельных групп (социальных, национальных, религиозных и т. д.), но и общих интересов большей части молодежи, в частности, связанных с учебой, вступлением в трудовую деятельность, проведением свободного времени, созданием семьи, программные установки тех или иных политических течений приобретают различное политическое звучание: по-своему определяются приоритеты, предлагаются несходные, а то и прямо противоположные средства и методы решения проблем молодежи. Идеино-теоретические отличия наиболее ярко проявляются в практической деятельности молодежных организаций.

Молодежные организации могут официально заявлять о приверженности определенной идеологии (научному или «национальному» социализму, либеральным, консервативным идеям и т. д.) либо считать себя «неидеологическими» и допускать в свои ряды молодых людей, придерживающихся различных политических взглядов. Широкий спектр политических взглядов представлен, например, в некоторых молодежных организациях, идейной основой которых провозглашается какая-либо религия, но при этом отсутствует четкая политическая линия, а также в молодежных организациях, выступающих главным образом с требованиями защиты природы и за разоружение.

Существуют молодежные организации, объединяющие молодежь различных социальных групп населения страны, а наряду с ними — специализированные организации студентов, рабочей молодежи, женской молодежи и др. Есть однопатриархальные и многопатриархальные, а кроме того, националистические и интернационалистские молодежные организации.

Одни молодежные организации тесно связаны с политическими партиями, но обладают организационной самостоятельностью. Другие входят составной частью в партии или профсоюзы. Третьи формально не связаны с какими-либо политическими партиями.

Несколько упрощая современную сложную политическую действительность, можно предложить следующую примерную классификацию наиболее влиятельных политических течений в молодежном движении:

1. Коммунистическая молодежь. Разделяет основные выводы научного социализма.

В позициях ряда союзов коммунистической молодежи имеются определенные отличия по конкретным теоретическим и практическим вопросам, а одним из результатов идейных разногласий и раскола внутри коммунистического движения в некоторых странах явился и раскол в рядах коммунистической молодежи.

2. Молодежь, стоящая на позициях революционной демократии. В условиях развивающихся стран борется против империализма, внутренней реакции, феодальных и патриархальных пережитков, за осуществление глубоких демократических преобразований, создающих предпосылки для перехода к строительству социализма.

Многие революционно-демократические организации ориентируются на марксизм-ленинизм, но значительное их число придерживается революционно-демократических вариантов теорий «национального» или «регионального» социализма — «африканского», «арабского» и др.

3. Молодежь, стоящая на леворадикальных позициях, т. е. субъективно стремящаяся к социализму, но часто впадающая в левацко-авантюристические, волюнтаристские заблуждения.

4. Молодежь, разделяющая социал-реформистские взгляды, т. е. реформистские теории современной социал-демократии, обосновывающей возможность строительства социализма исключительно в рамках и посредством использования традиционных институтов «чистой» демократии, а также отвергающей революционную практику построения социализма.

5. Молодежь, ориентирующаяся на буржуазно-либеральную идеологию. Пытается обосновать необходимость сохранения основ капитализма. Негативно относится к социализму. Защищает важнейшие институты и нормы буржуазной демократии. Критикует антидемократические режимы. Считает необходимым активное вмешательство государства в экономическую жизнь и развитие его социальных функций — поддержание системы образования, здравоохранения, коммунальных услуг, обеспечение выплат разнообразных пособий и т. п.

6. Молодежь, стоящая на позициях буржуазного консерватизма. Придерживается идеологии, характерные признаки которой — «культ частной собственности, свободного предпринимательства, саморегулирования капитализма»⁷⁷, поддержка свертывания госу-

дарственных социальных программ, откровенный антикоммунизм. В настоящее время эти идеи консерватизма (или, точнее, неоконсерватизма) обычно подкрепляются обоснованием необходимости сохранения институтов буржуазной демократии, хотя при этом не исключается введение ограничений на политическую и иную деятельность левых организаций (в частности, принятие законов о «запретах на профессии» и т. п.).

7. Молодежь, декларирующая приверженность взглядам крайне правого крыла консерватизма и правого радикализма (неофашизма и т. п.). Обосновывает (в открытой или замаскированной форме) необходимость установления или сохранения антидемократических, авторитарных институтов власти, ограничения политических прав и свобод населения, требует расправы над левыми демократическими силами.

Многие молодежные организации нельзя однозначно отнести к вышеназванным течениям, так как они занимают промежуточное положение между несколькими из них, включают в свои программные установки идеи, присущие различным по своей природе политическим доктринам.

Очень важно также иметь в виду и то, что в силу социальной неоднородности молодежной среды нередко имеются большие различия между содержанием практической деятельности конкретных организаций и реальными политическими взглядами некоторых из входящих в них групп молодых людей. Особенно рельефно это проявляется в условиях государств с однопартийной системой, в которых легально существует лишь одна молодежная политическая организация и наблюдаются признаки кризиса легитимности власти.

В целом же место конкретной молодежной или любой иной общественной организации в революционно-демократической политической системе определяется не столько декларируемыми целями и доктринальными установками этой организации, а также официальным закреплением ее статуса законодательными актами, сколько ее практической деятельностью, характером связей с обществом.

Иные элементы политической системы переходного типа

Иные (наряду с уже отмеченными выше) элементы (субъекты) революционно-демократической политической системы — активно действующие, постепенно отмирающие или только формирующиеся, представляют собой либо следствие специфики условий исторического развития данной страны, либо результат проявления общих закономерностей перехода от эксплуататорского строя к социализму.

К таким возможным элементам (субъектам) революционно-демократических политических систем относятся: трудовые коллективы⁷⁸; территориальные общности; церковь; семья, племенные, клановые и подобные им структуры; отдельные органы государства, обладающие очень высокой степенью автономии по отношению ко всему остальному механизму государства и обществу в целом; средства массовой информации (в условиях гласности), автономные научные и культурные центры; органы иностранных государств и международных организаций и иные не относящиеся к данной стране политические институты; личность (гражданин); общество в целом.

Трудовые коллективы, приобретая свойства субъектов политической системы, наделяются политическими функциями: а) в учредительном и контрольном процессе на различных уровнях государственной власти (что проявляется, в частности, в праве выдвижения или инициирования процесса отзыва тех или иных членов представительных органов, должностных лиц); б) в осуществлении контроля за производством и распределением. При этом большое значение имеет не только юридический статус трудового коллектива в обществе, но и его официально закрепляемый элементный состав, характер взаимоотношений между собственниками средств производства и тружениками, организаторами производства и иными работниками. Функции трудового коллектива, конечно же, не должны отождествляться с основными направлениями деятельности институтов иного рода — профсоюзов.

Декларируемое и фактическое положение церкви (действующих в стране разновидностей христианских, исламских, иудаистских, буддийских, индуистских, анимистских и иных церквей) в революционно-демократических политических системах определяется

прежде всего тем, какая политическая концепция реализуется: а) светского государства, т. е. отделения церкви от государства; б) формального признания государственной религии; в) теократического государства.

Специфика правового (как провозглашаемого, так и реального) статуса личности в различных революционно-демократических политических системах проявляется в объеме и характере прав и свобод, обязанностей граждан и иностранцев (включая и лиц без гражданства), в степени защищенности личности от административного и судебного произвола и т. д. Для некоторых революционно-демократических политических систем характерно, например, наличие «отдельных элементов правового неравенства граждан»⁷⁹.

Политический статус общества в целом определяется прежде всего содержанием его связей (субординационных, реординационных или координационных)⁸⁰ с государством и правящей партией. Именно эти связи показывают, обладает ли общество в целом способностью выступать в качестве истинно самостоятельного и активного субъекта политической системы. Наиболее яркими формами проявления автономии общества от существующих в нем государственных и иных институтов являются референдумы, а также поддерживаемые абсолютным большинством населения различного рода действия по изменению принципов легитимности власти.

В заключение следует подчеркнуть, что среди эффективно функционирующих и конструктивных по характеру и последствиям своей деятельности элементов революционно-демократических политических систем имеются: 1) исторически новые субъекты, способные в перспективе стать составной частью социалистической политической системы; 2) временно существующие новые институты, необходимые для решения задач начальных этапов революционных преобразований; 3) сохранившиеся от прежних формаций структуры, которые в целях обеспечения стабильности политической системы нельзя полностью упразднить на данном этапе, а можно лишь добиваться их постепенной эволюции.

При этом для каждой революционно-демократической политической системы всегда актуальной является задача постоянного совершенствования ее элементов, характера взаимосвязей элементов между собой и с внешней средой системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на сложности, которые в настоящее время испытывает социалистическое движение (а может быть в значительной степени и вследствие этого), марксистская теория государства, переходного к социалистическому типу, не может не получить нового творческого импульса. В научной литературе появляются оригинальные подходы, отбрасываются старые иллюзии и мифы*.

Важнейшую роль в процессе пересмотра прежних и разработки новых государствоведческих концепций переходного к социализму периода должно сыграть более глубокое осмысление коренных различий между казарменным, авторитарно-бюрократическим социализмом (причем не только его практикой, но и теорией) и социализмом демократическим, гуманным (в истинном, сущностном значении этих характеристик), а также более полный учет различных сторон проблемы соотношения общечеловеческих и классовых ценностей, внутригосударственных (точнее — относящихся к той или иной стране) и международных — региональных и универсальных аспектов продвижения человечества в направлении к социализму. Кроме того, настоятельно необходимо комплексное рассмотрение как революционного, так и реформистского пути к социализму, в том числе неоднозначного, но очень ценного опыта государственно-правовой и теоретической деятельности современной социал-демократии.

В новых исследованиях по проблемам государства, переходного к социалистическому типу, обязательно

* За время работы над материалом, вошедшим в настоящее издание, взгляды автора также претерпели определенную (кое в чем довольно существенную) эволюцию. Уточнение изменение его позиций по многим вопросам, несомненно, будет продолжаться и в дальнейшем.

Научное издание

ЯКУШИК Валентин Михайлович

**ГОСУДАРСТВО ПЕРЕХОДНОГО ТИПА
(вопросы теории)**

Зав. редакцией *Н. С. Тимошик*
Художник обложки *И. В. Петров*
Художественный редактор *А. Г. Григор*
Технический редактор *Е. Г. Рублев*
Корректор *Л. Ф. Кучеренко*

ИБ № 45

Сдано в набор 16.07.90. Поди, в печать 1402.91. Формат 84х108/32.
Бумага типогр. № 1. Лит. гарн. Вые. печать. Усл. печ. л. 10,5. Усл.
кр.-отг. 10,82. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 1000 экз. Изд. № 2982. Зак. № 5476.
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Лыбидь» при Киевском государственном университете.
252001 Киев, Крещатик, 10

4-я военная типография.